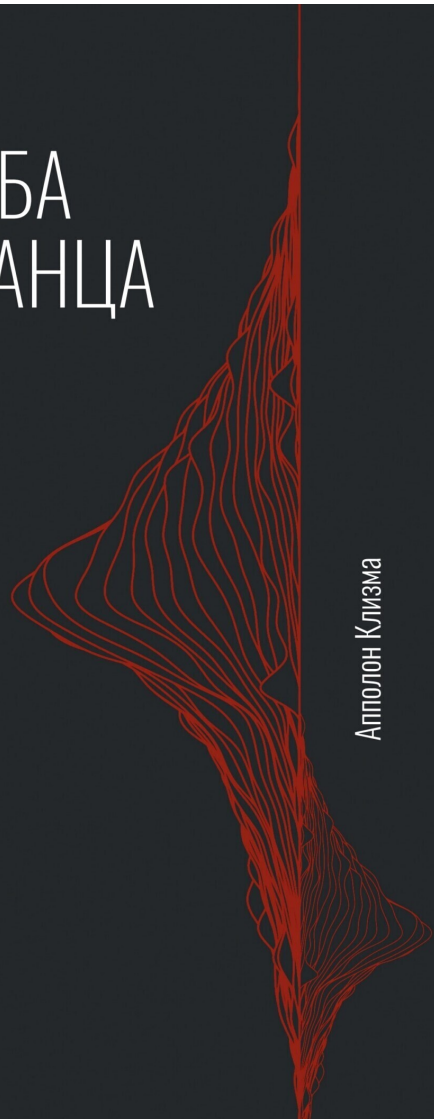
18+

СУДЬБА ЗАСРАНЦА



Апполон Клизма

Апполон Клизма
Судьба засранца

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70021027
ISBN 978-5-4491-1847-9

Аннотация

Вам приелись остросюжетные романы, где «острый» сюжет вполне предсказуем, а концовка понятна с первых страниц? Тогда Вашему вниманию – возможно, первый в литературе тупосюжетный роман, где сюжет совершенно непредсказуем, а концовка непонятна даже после завершения повествования. Вы искренне верите, что путч ГКЧП 19 августа 1991 года, расстрел танками Верховного Совета России 4 октября 1993 года, развал СССР – результат заговора ЦРУ и дело рук диверсантов, террористов и т. п.? Оставайтесь при своих убеждениях, они не помешают прочесть признания наиболее виноватого в этих катастрофах автора романа, который откровенно рассказывает, как всё это было на самом деле; Аполлон Эдуардович не диверсант, не террорист, а просто засранец и натворил эти безобразия не нарочно, а так получилось – по глупости, с пьяных глаз, из-за бардака, да ещё очень помогли такие же засранцы-сограждане. Оставайтесь при своих убеждениях, но по прочтении, надеюсь, поймёте, как можно совсем без ЦРУ, террористов и диверсантов развалить Страну Советов.

Содержание

Комсомольское поручение 4
Буревестник сексуальной революции 45
Хроника бытового идиотизма 138
Конец ознакомительного фрагмента. 216

Аполлон Клизма
Судьба засранца

Комсомольское поручение

Сплетни считаются альтернативным видом информации, но, по-моему, они наравне с государственными и военными тайнами – наиболее быстро-распространяющийся вид информации. Наверное, за неделю до того, как в мозгу нашего шефа появилась жидкость, с ударом в голову которой народное поверье связывает появление всяких сногсшибательных идей, и эта жидкость, надо полагать, стала причиной появления приказа о создании комиссии по борьбе с пьянством, в нашей шараге вовсю шло неофициальное обсуждение кандидатур в члены этой комиссии.

Распространение и обмен слухами, сплетнями вообще было специализацией нашего отдела. Нет, конечно, у нашего отдела было какое-то другое официальное предназначение, но вот какое именно, я, честно говоря, за 2 года работы в отделе так и не понял. А вот фактическую компетенцию отдела мне сразу по поступлении в отдел объяснили сослуживцы – Таня (которую в ее отсутствие сослуживцы называли «бомбой» или «коровой»), Галя (которую в ее отсутствие называли «доской»), Рита, которую уже не помню как за гла-

за называли и завотделом, которую не помню как называли в присутствии, но помню, что в отсутствие – «Тетя лошадь». Так вот, когда я, молодой специалист, переступив порог первого в моей жизни места службы, поинтересовался – чем занимается сие подразделение, мои будущие сослуживцы почти в один голос ответили: «Свежими сплетнями и… (впрочем, об «и…» скажу чуть дальше).

И, надо сказать, сплетни почти каждый день были свежайшие и, нередко просто из ряда вон выходящие. Но, как верно подмечено, нет дыма без огня – в самых невероятных сплетнях была крупица истины. Так, когда Галя сообщила, что зав соседнего отдела похмелялся тормозной жидкостью, то вскоре стал известен и реальный факт, послуживший основой этой информации. Оказывается, сама Галя после крутой вечеринки не нашла никаких средств для опохмела, кроме как тормозную жидкость в гараже; а это затем стало причиной почти месячного пребывания Гали на больничном вследствие «бытового отравления».

А, когда Рита сообщила новость, что председатель профкома сожительствует со своей тещей, то после очередного заседания женсовета, на котором разбиралось поведение Риты в быту, выяснилось, что Рита, сама являясь тещей, сожительствовала со своим зятем, а это, в свою очередь, стало причиной покушения тестя кастрировать зятя.

Вот уже несколько дней в нашем отделе шли оживленные дискуссии по поводу кандидатур в состав комиссии по борь-

бе с пьянством. Причем, речь шла не столько о кандидатах, сколько об уже готовом списке, который чьи-то слишком любопытные глаза узрели на столе у шефа, и за него только предстояло проголосовать на предстоящем общем собрании коллектива.

Как явствовало из слухов, в этом списке значилась фамилия Капусты Василь Василича. Упоминание сего имени в сочетании со словами «член комиссии по борьбе с пьянством» вызвало взрыв гомерического хохота в нашем отделе (да и в любом другом отделе тоже). Около года назад Василь Василич при весьма загадочных обстоятельствах попал в медвытрезвитель. Капуста с помощью чужих ног возвращался домой после веселого застолья. Возле какого-то дома он поблагодарил чужие ноги, а когда те удалились, появились две версии произошедшего. По одной из них, Капуста по приходу домой застал свое ложе без матраса, простыни и прочих постельных принадлежностей. Поняв данный факт, как попытку жены спровоцировать скандал, он решил не поддаваться на провокацию и, раздевшись, улегся спать на голую сетку кровати, подложив под голову штиблет вместо подушки. Но жена Капусты, убедившись в бесплодности своих попыток, обратилась к своему брату, работавшему в медвытрезвителе, и тот по блату отправил Василь Василича в медвытрезвитель прямо из дома. Но слухи донесли и иную версию событий. Просто Капуста заблудился в городе и, обнаружив возле чьей-то калитки ржавую койку, выставленную хозяе-

вами на улицу за ненадобностью, принял ее за родное супружеское ложе. А, почувствовав себя дома, он разделся до того в чем мать родила и улегся почивать на голую сетку, положив под голову штиблет. Может быть, проспавшись и разобравшись в своем огрехе, Василь Василич мирно бы добрался домой, но дело в том, что койка стояла в нескольких метрах от оживленной автобусной остановки. Ожидавшие автобус граждане стали проявлять большое беспокойство в связи с нахождением в тесном соседстве с совершенно голым гражданином. Одни беспокоились – не застудится ли Капуста (дело было поздней осенью). Другие опасались, что Василь Василич подорвет своим видом моральные устои общества. В итоге и те. и другие стали звонить в различные срочные и аварийные службы, из которых только органы внутренних дел откликнулись на призыв и доставили Капусту в надлежащее для его состояния место.

Какая из этих версий ближе к истине – сказать затруднительно, ибо оба слуха, как заверяли сослуживцы, были из «достовернейших источников».

Другой, обсуждаемый нашим отделом кандидатурой, стал Роберт Робертович Голицин по кличке «поручик Голицин» или просто «поручик». Но кличка не соответствовала действительности, ибо Голицин – бывший капитан Советской Армии. А бывшим он стал после того, как пропил молодое пополнение, доставляемое им к месту службы. Эту невероятную историю рассказала Галя под большим-большим сек-

ретом, а ей еще под большим секретом рассказала наша кадровичка. Следуя с командой призывников в поезде, Голицин допился до такой степени, что стал приставать ко всем пассажирам с требованием немедленно дать опохмелиться хоть чем-нибудь, иначе он выбросится из поезда или умрет от прогрессирующего синдрома похмелья, Материально Роберт Робертович за свое спасение от смерти предложить своим спасителям ничего не мог, ибо пропил все, что можно и начал уже то, что нельзя: пропил форменные брюки и расхаживал по вагонам в неглиже. (Вообще «поручик Голицин» пьянствовал, как поручик Голицин лет сто до него – эта армейская традиция передается из поколение в поколение). Но никто из пассажиров не откликнулся на призывы о помощи. Голицину осталось только либо умирать, либо выброситься из поезда, чтобы разом прекратить муки похмелья. Он стал открывать уже окно вагона, но тут его остановил командир бригады шабашников, едущей по соседству с призывниками. Он предложил Голицину сделку века: в обмен на ящик водки предоставить призывников Роберта Робертовича для разгрузки вагона кирпичей, ждущего шабашников на соседней станции. Счастливый Голицин даже расцеловал своего спасителя и его ботинки, а, увидев ящик водки, забыл про все на свете до конечной станции следования. А подопечные его, разгрузив вагон и, обнаружив себя брошенными на произвол судьбы, отправились жаловаться к военному прокурору. Прокурор, выйдя из шока, в который повергло

его рассказанное, отдал приказ взять Голицина под стражу. Роберт Робертович пришел в себя, когда его спящего в тяжелом хмельном сне разбудил начальник военного патруля и предложил сдать оружие, если такое есть и пройти…Быть может, Голицина судили бы (наверное по статье «Промотание военного имущества»), но судьба улыбнулась несчастному пьянице. Военный прокурор отправил беспризорных призывников на строительство собственной дачи, по возведении которой они отправились на заслуженный дембель с полагающимися в таком случае записями в военных билетах. На радостях прокурор простил Голицину все грехи и освободил из под стражи. Но для порядка Голицина из армии уволили. Ведь служил он в ракетной части и пропивать там было что. Счастье от построенной дачи у прокурора было так велико, что он помог устроиться безработному Голицыну в нашу шарагу.

Я частенько, между прочим, видел Голицына в обнимку с каким-то военным прокурором. Они угощали друг друга пивом и ездили на дачу к прокурору, вспоминая, видимо нечто общее, их роднящее. Но что стояло за этим? Бог его знает.

В отличие от предыдущих кандидатур, следующая обсуждаемая кандидатура – водитель нашего снабженца Виталик хотя употреблял спиртные напитки, но не злоупотреблял ими. Это поначалу вызвало отсутствие интереса к обсуждаемой кандидатуре.

– …Зато ворует, – вдруг испортила биографию Виталика Рита.

Это было новостью! Тотчас к кандидатуре Виталика появился интерес.

– В общем, то мне эта наша кассирша рассказала, – продолжала Рита, – ей секретарша шефа рассказала.

По слухам выходило, что Виталик, развозя по домам вдрызг напившееся начальство, обчищает им карманы. Пострадавшие-то понимают чьих рук работа, но поймать за руку не могут. Единственным средством защиты стали записки предупреждения и записки-просьбы, которые перед попойкой наши начальники вкладывали в бумажники: «Виталик, положи, пожалуйста, на место», или «Положи на место, сукин сын, а то плохо будет».

Неожиданное резюме обсуждению кандидатуры Виталика сделала Тетя лошадь:

– И ничего страшного. По сравнению с нашим снабженцем Виталик не вор, а воришка мелкий, сосунок. Нашему снабженцу во всех складах, куда приезжает, надо не записки, а транспаранты писать: «Положи на место!» Только и транспарантов не хватит, и толку не будет.

Но завотделом, впрочем как и всех сотрудниц, более всего интересовала кандидатура единственной представительницы прекрасной половины человечества в будущей комиссии – Марины из машбюро.

– По каким это критериям наш шеф ее туда выдвинул? –

возмущенно удивлялась Тетя лошадь.

– Известно по каким, – развила идею Галя, – по тем, что Капусту и «поручика», и Витальку: от каждой твари по паре.

– От пьянчуг и воришек есть, теперь и коза дранная будет, – закончила логическое рассуждение отдела Рита.

«Козой драной» Марину стали называть за глаза после оглушительного скандала, в результате которого наш прежний шеф отправился на пенсию по инвалидности, а Марину с теплого местечка в приемной шефа переместили в Машбюро.

Во время пребывания Марины на посту секретарши директора шеф решил срочно задать головоломку одному из завотделов и попросил Марину немедленно соединить его с проштрафившимся. Марина, не переставала оживленно болтать по городскому телефону, соединила шефа с заведующим отделом… горкома партии.

Шеф, едва услышал в трубке «Алло», не представляясь и, не спрашивая с кем говорит, обрушил на партийного функционера всю мощь своих трехступенчатых ругательств. А завотдела горкома подумал, что матюкает его более высокое начальство (а кто еще больше?) и смиренно молчал. Но минуты через три непрерывных ругательств у завотделом появились сомнения. Обычно начальство материлось не более полутора минут, а потом переходило к делу. А неизвестный матерщинник, хорошо обложив завотделом, перешел

уже на его ближайших родственников, и конца его матюгам не предвиделось. Поэтому завотдела рискнул робко и вежливо поинтересоваться в паузе между ругательствами: с кем он имеет честь беседовать? Шеф ответил. Завотделом горкома партии представился тоже… Марина, продолжая оживленно болтать по телефону и сидевшие в ожидании аудиенции шефа посетители услышали раздавшийся из кабинета директора истошный вопль шефа: «Я больше не буду!!!» и грохот падающего тела. Вбежавшим в кабинет шеф предстал лежащим на полу. Выпучив глаза на Марину, он прошипел: «Коза дранная…» и замолчал надолго. В эту минуту у него отнялась речь и парализовало правую часть тела: инсульт! А потом были комиссия горкома и большой скандал. Незадачливый шеф отправился на пенсию, Марину понизили до должности рядовой машинистки, а главный виновник ЧП, – селектор был ликвидирован и заменен иным видом связи, в котором мог разобраться самый тупой начальник. А последние слова шефа, произнесенные в стенах нашей шараги стали историческими. Многие дали им весьма широкое толкование. Наш отдел дискутировал о том, почему Марина «Коза» да еще «драная» почти целую неделю. Тетя лошадь, помню, очень огорчалась, что шефа парализовало так скоро и он не успел высказать о Марине дополнительную информацию. А Марина как была, так и осталась всегда возбуждающе для мужчин одета и вызывающе накрашена, несмотря на серьезное понижение и шлейф слухов.

Задержавшись на кандидатуре Марины наш отдел перешел к обсуждению Вадима Петровича Иванова, который почему-то до сих пор не имел клички и, по слухам, совсем не пил. Эти странные обстоятельства вызывали повышенный интерес к сей кандидатуре. Более всего моих сослуживцев возмущало, что Иванов не пьет.

– Он или больной, или стукач, или коллектив не уважает, – высказала версии Таня.

– Может с головой что?… – выдвинула свое предложение Галя.

Но Тетя лошадь, ехидно улыбнувшись, успокоила наши тревоги:

– Да пьет он, пьет.

Увидев наши вытянувшиеся в удивлении лица, завотделом продолжала:

– Моя кума живет с ним по соседству. Так вот, он каждый выходной запирается, пьет до поросячьего визга сам, без гостей. Кума сама в окно видела: сядет перед зеркалом и чокается со своим изображением вместо собутыльника.

Мы расхохотались. Но Гале не нравилось некоторое логическое несоответствие:

– А почему же его никто-никто за лет десять даже с запахом не встречал? Он же не Штирлиц так конспирироваться. Это же уметь надо, все-таки!

Завотделом многозначительно подняв палец, не менее многозначительно изрекла:

– Вот именно: уметь надо! У нас в конторе есть Штирлицы, Галя, что любого Штирлица за пояс заткнут!

И еще более многозначительно закончила, только уже переходя на заговорщицкий шепот.

– Потому то он и будет председателем этой комиссии. Вопрос уже давно решён…

А на последнем члене комиссии по борьбе с пьянством, – им был некто Барсуков (конечно по кличке Барсук) – языки наших отделовских дам впервые остановились за неимением не только положительной, но и вообще любой другой информации об этом человеке. Дело в том, что Барсуков, по слухам, работал то ли в отделе снабжения и потому по полгода не бывал в шараге, то ли вообще не работал, а числился и приходил лишь получать зарплату (но и в дни получек его, кажется, никто не видел). Так или иначе, но отсутствие всякой информации, дающей хоть какую-нибудь пищу для хоть каких-нибудь версий весьма озадачило и расстроило моих сослуживиц. Однако, Галя немного поразмыслив, нашла кое-что:

– А жена у него, вероятно, напропалую гуляет, по полгода в командировках пропадает, муж ещё называется, я бы на её месте давно бы подменного мужа нашла.

Рита, уцепившись за эту версию, развила её ещё далее:

– А ведь он не дурак же – тоже найдёт себе подменную…

Коллективной мозговой атакой наш отдел в конце концов вывел-таки этого Барсукова на чистую воду. Ведь если логи-

чески рассуждать, то этот подозрительный тип и его супруга (о существовании которой, правда, полной уверенности не было), рано или поздно заразились бы венерическим заболеванием! И тут Таню осенило:

– Так он потому и домой не приезжает, что выплывает всё наружу!

– А может жена сама не пускает, – ещё одну версию высказала Таня, – мол, пока не вылечишься, не приезжай.

– Да она сама наверное боится, чтоб домой не нагрянул пока не вылечилась от гулянок, – возразила ей Галя, – я сама помню…

Но тут Галя опомнилась, что она может выболтать, а завотделом не дала нам дослушать Галины откровения.

– Боже мой!!! – воскликнула завотделом, взглянув на часы, – уже сорок минут как рабочий день закончился!

Мы бросились в спешке собираться, позабыв обсуждаемую кандидатуру. Галя бурчала, что, дескать сидишь тут от звонка до звонка, даже после работы задерживаешься, а начальство и копейки к окладу не хочет добавить.

– Я ж никаких других дел из-за этого не могу ни начать, ни закончить, – продолжила возмущение подруги Рита, – пятый день беру с собой «Унесённые ветром», да с этой работой за пять дней только пять страниц прочитала.

Все остальные выражали своё сочувствие Ритиным и Галиным бедам, чертыхаясь в адрес шефа, который не ценит наш отдел, смиренно и стойко сидящий на службе от звонка

до звонка и, даже, свыше того.

Тётя лошадь, всё – таки, уже запирая дверь, возвратилась к последней из обсуждаемой кандидатур:

– А я шефу скажу, чтобы он на Барсукова этого обратил внимание. Тёмная это, всё-таки, лошадка. Где он пропадает по сколько времени? И пускай он его направит по приезду обследоваться куда следует.

– А то ещё заразит кого-нибудь в конторе, – продолжила мысли завотдела Рита.

– А это уже эпидемия будет, – мрачно заключила Галя.

На следующий день, мои сослуживцы, вдоволь намыв косточки членам комиссии по борьбе с пьянством, за неимением новых кандидатур, перешли к иной, не менее часто звучащей теме: о «кобелях» (так наши дамы величали своих супругов) и «ссыкунах» (так называлось потомство моих сослуживиц ими самими). Вот из-за одного из таких «ссыкунов», и произошёл в отделе инцидент, серьёзно переполошивший моих сослуживиц.

Галя, выполнив ежедневные штукатурно-малярные работы на своём лице, обратилась с сообщением к отделу:

– Знали бы вы, какой абзац мой ссыкун отмочил! – и, увидев переключение общего внимания на себя, продолжила, – загадал загадку: бывает холодный, бывает горячий, бывает висячий, бывает стоячий, называется словом из трёх букв и в середине «у»…

Рты наших дам раскрылись сперва в изумлении, а затем – в хохоте. Только Тётя лошадь, презрительно искривилась, изрекла:

– Воспитали младенца, однако. Я бы за такое губы набила.

И добавила уже более тихо в сторону от других ушей:

– А яблочко от яблони не далеко падает.

В паузе гомерического хохота, охватившего отдел, Галя закончила свой рассказ:

– Я ему губы набила, а он говорит потом: «Мама, это же «Душ!».

Гомерический хохот перешёл в истерический, а в стену начал возмущённо стучать соседний отдел, поскольку наш хохот мешал ему слушать «Модерн Токинг», который они крутили с утра до вечера. Когда хохот немного стих, Галя дополнила свою информацию наиболее важным сообщением:

– А потом он говорит: «Каждый, мама, судит в меру своей испорченности».

Отдел снова зашёлся в хохоте. Только на фоне всеобщего веселья вытянулось и позеленело лицо завотделом.

– Галина, ты на что намекаешь? – зловеще прозвучал в наступившей тишине её голос.

– Как… на что?… – не поняла Галя.

– Про «меру испорченности», – так же зловеще продолжала Тётя лошадь.

– Ну… что каждый судит в меру испорченности… – растерялась Галя.

– Ты думаешь, я не поняла в чей адрес твоя глупость! – рявкнула завотделом и с оскорблённым видом хлопнула дверью отдела.

– Ну, дура… – опешила Галя, – Я же совсем о другом…

– Слушай, Галка, – развеселилась Рита, – а твой ссыкун точно сказал, – и, кивнула в сторону двери только что закрывшейся за завотделом, – каждая судит в меру своей испорченности.

И сослуживцы снова залились в хохоте. Только Галя сидела с лицом полным ужаса и повторяла:

– Ой, что будет…, ой, что будет…

Но ничего не было. Как донесли слухи из хорошо информированных источников, завотделом придя к директору, заявила, что её сил больше нет находиться среди этих…(здесь источники расходятся в эпитетах, которыми наградила Тётя лошадь своих сослуживиц). По слухам из одних источников, шеф отнёсся к жалобам завотдела весьма сочувственно, полностью солидаризируясь в оценке коллектива отдела, и в качестве выхода из создавшегося положения предложил заканчивать незаслуженный отдых в качестве завотдела и уходить на заслуженный отдых – на пенсию. По другим источникам… Впрочем, проверить достоверность информации я уже не смог, ибо довольно скоро развернулись такие события, что были позабыты и сплетни нашего отдела, и сплетни об этих сплетнях.

А наш отдел, лишившись тех тормозов, которые его сдер-

живали от окончательного разложения, пустился во все тяжкие. Едва ли прошло полчаса со времени отсутствия этих тормозов в лице завотдела, все мои сослуживцы разбежались кто куда, оставив меня на «атасе», если вдруг зазвонит телефон или нагрянет начальство, снабдив предлинной инструкцией о том, как и в каких случаях и кому отвечать. И очень скоро я в ней запутался. Начальство не заявилось, но зазвонил телефон.

– Алло?…Риту?.. Её нет, но для вас кое-что оставлено, сейчас найду записи… Так! Вы Миша? Вам велено передать: «Мой кобель работает завтра во вторую»…. Вы не Миша?.. Ах, вы муж! Минутку, и вам велено передать кое-что… Не бросайте, не бросайте трубочку!..

Чёрт, надо же так ошибиться!!!

А потом к телефону позвали Таню… И я снова ошибся… Ой, что будет!

Но что было я не узнал, ибо ни Рита, ни Таня на следующий день не пришли, а потом развернулись такие события…

Не прошло и полчаса с начала трудового дня, как в отдел заявилась Марина – экс-секретарша шефа и сообщила о том, что меня требует к себе секретарь комсомольской организации. «Ну какой ещё секретарь!.. – подумал я с насмешкой, – за четыре года я такового в глаза не видел и о нём не слышал». Нет, вообще-то с моего жалования регулярно удерживались комсомольские взносы, а комсомольский билет лежал в отделе кадров, куда кадровичка, по слухам, де-

лала соответствующие отметки (хотя по другим слухам, – она все билеты давным-давно потеряла). Просто новый повод выпереть меня из отдела, – думал я, – обменяться о том «и…», о котором я обещал сказать ниже. Так вот, когда я впервые переступил порог первого в моей жизни места службы и вежливо поинтересовался, чем занимается сие подразделение, мои будущие сослуживцы почти в один голос ответили, что они распространяют свежие сплетни и производят обмен «сексуальным опытом». Ну а поскольку этот обмен происходил чисто теоретически и моё присутствие, поэтому, не требовалось, то я был выпроваживаем под самыми различными предлогами. То меня выпроваживали «покурить» (хотя в это же время дымили так, что в отделе хоть топор вешай), то вежливо намекали не пора ли мне «размять мочевой пузырь». Но до этого подобный обмен начинался только в конце рабочего дня, ибо после него мысли у моих сослуживиц устремлялись в соответствующем направлении, что совершенно не давало им усидеть в отделе. Прежде время подобных бесед регламентировалось завотделом, но в её отсутствие контролировать дам из нашего отдела стало некому. Так что, покидая отдел, я был абсолютно уверен, что Марина выпроводила меня дабы поболтать с заскучавшей без подружек-болтушек Гали на запретные в рабочее время темы.

Но каково же было моё изумление, когда оказалось, что меня действительно вызывал секретарь комсомольской

организации и им был не кто иной как…

Эта история лет десять назад потрясла до основания школу, в которой я учился и, наверное, даже районо. В одном из первых классов молодая и потому, видимо, легкомысленная учительница весьма надолго оставила в одиночестве своих подопечных. Куда она удалилась почти на целый учебный час, история умалчивает. По одним слухам, циркулировавшим после этого в школе, она стояла в очереди за итальянскими сапогами, которые случайно выбросила автолавка из области около школы. По другим – она побежала среди бела дня на свидание в другой конец нашего города. По третьим она пошла на свидание не в другой конец города, а к нашему физруку, с которым все 45 минут урока целовалась у него в кабинете. Так или иначе, но к середине учебного часа в беспризорный класс вошёл респектабельный молодой человек при галстуке и в очках. Он сообщил, что преподавательница покинула класс весьма надолго, а потому, чтобы ученики за это время от безделья не разложились, поручила молодому человеку задание для подопечного класса. Молодой человек написал на доске довольно большими буквами два слова из 3-х и 5-ти букв, за употребление которых в общественных местах можно схлопотать до 15 суток ареста, наказав первоклашкам от имени учительницы писать эти слова до её прихода. И, не ведавшие подвоха дети, принялись аккуратно выводя волосные буквы, заполнять крамольными словами свои тетрадки. Но через 5 минут это занятие было пре-

рвано появлением директрисы, чисто случайно заглянувшей в пустующий класс. Директриса, после того как прошёл шок, в который повергли её слова, написанные на доске, гневно спросила, кто это написал. На что первоклашки невинно поведали, что это им учительница сказала писать. Придя в себя после шока, в который повергло сие сообщение, директриса приказала классу вырвать из тетрадей и уничтожить листы с крамольными словами, а сами слова забыть под страхом «неуда» по поведению. Приняв активное участие в уничтожении листов с нецензурными словами, директриса приняла участие в расследовании ЧП. В ходе следствия, которое стоило несколько седых волос незадачливой учительнице, выяснилось, что дала такое сногсшибательное задание ученикам не она, а ученик 9-го класса Лядов, который в настоящее время являлся секретарём нашей комсомольской организации. А в ту пору школе было официально объявлено об исключении Лядова из числа её учащихся. А из неофициальных источников стало известно, что Лядов перевёлся в единственную в районе школу с углублённым изучением английского языка (видимо, чтобы забыть крамольные слова языка русского).

Лядов, сделав важный вид, сообщил, что комсомольская организация намерена дать мне комсомольское поручение. «Ну, не было печали…» – подумал я. Лядов, увидев мою скривившуюся физиономию, добавил:

– …Почётное комсомольское поручение!

Но поскольку моя физиономия скривилась ещё больше, наш комсомольский бог понял, что надо резко менять тон:

– Ну неужели ты думаешь, что нашей шарашкиной конторе действительно требуются комсомольские поручения!?

Увидев, что моя физиономия постепенно превратилось в лицо, Лядов заговорщицким шёпотом сообщил:

– По большому секрету, весьма конфиденциально сообщу тебе: у нас будет создана комиссия по борьбе с пьянством. Об этом знают шеф, я и теперь – ты…

В общем, Лядов по большому секрету сообщил то, что уже неделею жевали-пережёвывали у нас в отделе. Правда, кое-что мне стало более понятно. Оказывается кандидатуры в сию организацию отбирались по принципу, установленному нашим главком: один от профкома (им у нас был Капуста), один от парткома (им стал Вадим Петрович по причине своей партийности, уже назначенный в председатели комиссии), одна от женсовета (ею стала экс-секретарша шефа), один от администрации шараги (то есть, «поручик Голицин»), один от рабочих (это Виталик), а от комсомольской организации…

– …планировался Барсуков, – пояснял наш комсорг, – но у него то ли триппер, то ли ещё что-то страшно заразное…

(Неужто, наш отдел его «заразил»?)

– В общем, комсомольская организация решила в этот орган направить тебя… Ну что скривился опять? Поясняю популярно: один раз в неделю – прийти на заседание, отметить-

ся, поднять руку… В рабочее время, в рабочее, там дураков нет в своё личное заседать. Ну вот и договорились!? – доагитировал меня комсорг.

– Ого-го, – он в ужасе глянул на часы, – через час собрание, где вас всех должны выбрать! Надо срочненько составить протокол собрания, где мы тебя выдвинули!..

Лядов бросился стремительно писать протокол, но вдруг остановился.

– Слушай, – обратился он смущённо, – тут надо писать сколько присутствовало на собрании, – ты не знаешь сколько у нас приблизительно комсомольцев?…

Собрание, на котором происходило избрание уже назначенной комиссии я не помню, поскольку на всех собраниях то ли со школы, то ли с детсада я сплю. Это превратилось в мой условный рефлекс и, когда оратор начал свой колыбельный монолог: «Во исполнении решения партии и правительства о решительных мерах по борьбе с пьянством…» – меня, как и всегда прежде обволокла приятная дремота. Магическое воздействие на меня речей ораторов наших бесконечных собраний я заметил довольно давно и с удовольствием шёл туда, куда моих одноклассников, одногруппников, сослуживцев гнали дубиной, ибо знал, что ждёт меня час сладкого сна. Моё рвение было замечено, но неправильно понято, а потому отмечено грамотами, ценными подарками, выдвижением в выборные школьные и комсомольские органы. Так что почивал я не только на собраниях, но и на лаврах.

Правда, этот условный рефлекс на собрания сыграл со мною злую шутку. На одном из бесчисленных собраний в бытность мою студентом, во время выступления товарища из райкома комсомола мне приснился кошмар и актовый зал, в котором шло собрание, потряс мой истошный вопль: «Харэ балдеть!!! Завязывай!!!» Поскольку этот вопль соответствовал настроению аудитории, в моём поведении был усмотрен умысел со всеми вытекающими… Меня в течение недели пропесочивали на всех инстанциях от комсомольской группы до обкома ВЛКСМ, в результате чего я похудел на 6 кило и был снят с председателя студсовета факультета, а также – с повышенной стипендии. Мне влепили выговор с занесением в учётную карточку, а в качестве особой меры взяли подписку, о том, что я под угрозой исключения из комсомола не буду спать на собраниях. Но уже на следующем собрании я сразу же заснул: условный рефлекс сильней любой подписки. Правда, теперь я предусмотрительно стал предупреждать соседей, чтобы те в случае чего разбудили меня до того, как я сам разбужу других, подверженных такому же условному рефлексу. Вот и теперь, почувствовав пинок в бок, я экстренно проснулся и принял позу внимательного слушателя.

– Названных товарищей прошу подняться на сцену, – донеслось с трибуны.

Я понял, что пока спал, был избран наравне с «названными товарищами» в состав комиссии по борьбе с пьянством, состав которой был уже известен за неделю всей шараге.

Под аплодисменты зала члены вновь избранной комиссии поднялись на сцену. Шеф прочёл зажигательную речь, в которой призывал к искоренению такого позорного явления как пьянство, из нашей жизни («как нас к тому обязывает свежее решение партии и правительства») и высказал надежду, что наша комиссия каленным железом будет выжигать пьянство с тела нашего коллектива, одновременно сама показывая пример трезвого образа жизни.

После того, как свежеиспечённых борцов с пьянством спешно разбегающихся по винным магазинам коллектив (было уже далеко за 14–00, разрешенных для начала торговли спиртными напитками) оставил одних, комиссия сразу же перешла к делу.

– Так где отмечать создание будем? – недвусмысленно щёлкнув пальцем по горлу, спросил Капуста.

– Вы что, сдурели?! – возмутился Вадим Петрович, которого уже за неделю до избрания назначили председателем будущей комиссии.

– Нисколько, – ответствовал Василь Васильевич, – мы, кроме Вас и, вот, товарища, – он указал на меня, давно уже скинулись и купили что надо.

– Никаких! – вскричал Вадим Петрович, – во-первых, я не пью…

– Ну и что, что тебя пьющим никто не видел, – парировал поручик Голицин, – ты хоть и Штирлиц, но все уже знают, что ты сам пьёшь и с зеркалом чокаешься. А ты, – это он

мне, – гони червончик: я за тебя на водку свои вложил.

Пришлось дать червончик на организацию общественной пьянки.

– Хватит дурью маяться! – не сдавался Вадим Петрович.

Но все члены свежеиспечённой комиссии (кроме меня и Вадима Петровича) уже давно были в преступном сговоре. В атаку пошла Марина. Очаровательно улыбаясь и, вовсю шевеля неумеренно декольтированной грудью под носом у Вадима Петровича, она запела ему сладким голосом:

– Ну Вадим Петрович, миленький, ну что вы из себя такого буку изображаете, мы ведь знаем, что вы совсем другой, кампанейский человек.

– Вадим Петрович, – продолжал наступление Капуста, – главное же не пить, главное же – не попадаться.

– Вадим Петрович, большинство «за», принцип демократического централизма требует подчинение меньшинства, – неожиданный аргумент привёл Виталик.

– Да вы что!? С ума посходили!? – взвопил Вадим Петрович…

Наверно мы сошли с ума:

Ты мой враг, – я твой враг…

Голос Леонтьева с трудом пробивался из жерла двух мощнейших колонок стереомагнитофона сквозь проспиртованный воздух комнаты, которую шеф распорядился отвести для комиссии по борьбе с пьянством. Я с трудом пытался сосчитать количество бутылок из под водки стоявших на столе.

Кажется десять… А если присмотреться… Двадцать. Впрочем, пить меньше надо.

Вадим Петрович, которого уже по крайней мере пять членов комиссии видели пьющим и напившимся вдрызг (так что теперь пусть не говорит, что никто пившим не видел!) заплетающимся языком потребовал от Капусты организации транспорта для развозки тел членов комиссии по домам. Капуста, с трудом поняв, что от него хотят, спотыкаясь, с заносами от стены к стене, пошёл организовывать транспорт.

За огромным стендом «Аморальные явления – вон из нашей жизни!» спрятались Марина и Виталик. Судя по возне и тем взвизгиваниям, которые доносились оттуда, они как раз занимались одним из тех явлений, которые были означены на стенде. Видимо, на той стороне стенда была не «наша жизнь» и можно было заниматься чем угодно.

Роберт Робертович пьяно гудя над ухом, излагал свой план по борьбе с пьянством в нашей шараге:

– …А для рабочих с завтрашнего дня введён сухой закон, – продолжал развивать он свои планы, – для конторы необязательно…

Видимо, я слишком недоумённо посмотрел на него, ибо последовало разъяснение:

– Для рабочих указания администрации носят обязательный, а для аппарата управления – рекомендательный характер, – усвой сие!

Видимо, изрядное количество выпитого привело к закли-

нанию выражения на моей физиономии, что было понято «поручиком,» как проявление недоверия к его словам.

– Ты мне не веришь? – в его тоне звучали нотки обиды, – да я в нашей шараге столько лет, что все её порядки изучил досконально! Я такая канцелярская крыса, что даже не крыса, а нутрия, почти канцелярская ондатра! Я за время работы такие мозоли на заднице насидел!

Но моя физиономия, видимо, принимала совсем не то выражение, которое требовалось и Голицин в отчаянии взвопил:

– Ты не веришь?! Так посмотри же!!!.. – и начал снимать брюки, дабы убедить в наличии мозолей на заднице.

Но убедиться в этом я не успел. К нам, шатаясь, приблизился председатель комиссии по борьбе с пьянством и предложил выпить за успех борьбы с пьянством. По такому случаю Голицин, бросив расстёгивать неслушающимися руками брюки, бросился к неоконченной бутылке водки. Хотя и бутылка в руках «поручика» тоже не слушалась, но попасть в стаканы ему в основном удалось. С криком: «Пьянству – бой!!!» мы «чокнулись» и выпили. Закусывать было уже нечем. Голицин зажевал гладиолусом, стоявшем в вазе, председатель комиссии – геранью, стоящей в горшке. Я сунул в рот что-то темневшее в ближайшей тарелке… Оказалось – чей-то носовой платок. Да ещё с соплями… Фу! Какая мерзость!

В это время появился гонец за транспортом – Василь Ва-

силич и сообщил с трудом расплетая язык:

– Э-э-энный товарищ предлагает нам свой фургон.

– Какой ещё «энный», – изумился Вадим Петрович, – ты совсем Василич нажрался, а ещё член комиссии по борьбе!

– Во-е-э-нный, – по слогам, с трудом пояснил Капуста.

– Ах, вэнный! – дошло до Вадима Петровича.

– А какой род войск, – сразу же заинтересовался бывший военный Голицин.

– А чёрт его знает, – отвечал Василь Василич, – вижу, что человек в форме, а так – хрен поймёшь.

– Пошли к товарищам вое-э-э-нным, – с трудом скомандовал, заплетающимся языком Вадим Петрович.

Мы потянулись к выходу. Но тотчас произошла заминка. У Виталика, выскочившего со своей дамой из их укромного убежища, из кармана свисали предметы дамского туалета, на отсутствие коих на себе дама стала громко жаловаться. Виталик, как истинный джентльмен, не взирая на обстановку, стал одевать свою даму. Другие мужчины тоже, желая показать себя настоящими рыцарями, бросились ему на помощь. Видимо, от усердия повели они себя недостаточно галантно, ибо Марина, обругав их непечатно, резюмировала:

– Кобели вы, а не рыцари!..

Наконец впереди замаячил тускло освещённый фургон. Дверь его была гостеприимно распахнута. С трудом, после нескольких попыток мы влезли-таки в него. Но когда фургон

уже тронулся, мы, вглядевшись поняли, что попали не туда куда надо… С пьяных глаз Капуста не разобрал, что «товарищ в форме» – милиционер, а его фургон-автомобиль Спецмедслужбы. Так что комиссия по борьбе с пьянством в полном составе была доставлена в медвытрезвитель.

Ночь в вытрезвителе помню смутно и обрывочно. Роберт Робертович вначале кричал работникам вытрезвителя, что, как член комиссии по борьбе с пьянством, он наделён такими полномочиями, что может весь вытрезвитель направить в вытрезвитель. Потом его тон стал более миролюбив и он стал называть работников вытрезвителя «братьями по оружию» и призывал их идти с ним на штурм «бастионов пьянства»… Потом появилась очаровательная девушка в белом халате и сказала: «Снимай штаны.» Вот это, да!.. Оказалось, что очаровательная девушка пришла ставить мне клизму… Голицин уже никому не грозил и не к чему не призывал, а только просил, чтобы не сообщали на работу. Но его не послушали и сообщили.

У подъезда вытрезвителя нас ждал конторский КАВЗик. В салоне с видом Ивана Грозного, ожидающего сына с целью убиения, восседал шеф. Он окинул нас испепеляющим взглядом. Правда, палёным не запахло, но в животе вдруг закрутило. Может быть, от клизмы, которую мне сделала очаровательная девушка ночью?

Весь путь до нашей шараги в автобусе стояла гробовая тишина, только Голицин однажды процедил сквозь зубы: «Ка-

пуста, салат из тебя бы сделать…» Василь Василич промолчал. Возможно, в знак согласия…

К нашему приезду вся шарага уже была собрана в актовый зал. Слухи и на сей раз не дали осечки – наши сослуживцы встретили нас как старых клоунов, пользующихся всенародным уважением: смехом и аплодисментами. На сцене уже были выставлены стулья под огромным транспарантом: «Место позора», – лобное место для проведения гражданской казни над членами комиссии по борьбе с пьянством. Шеф с трудом заставил улечься хохоту, хотя спорадические хихиканья никак не давали начаться собранию. Наконец грозным голосом шеф начал:

– Как вы знаете, во исполнении решений партии и правительства, направленных на искоренение пьянства…

…И тут мой условный рефлекс сыграл со мною злую шутку, которая круто изменила мою судьбу. Едва услышав знакомый с детства колыбельно – политический монолог, сидючи под вывеской «место позора», я незаметно задремал. Условный рефлекс срабатывал безотказно в любой обстановке.

Сквозь сон я слышал периодические взрывы хохота. Это мои соратники по борьбе с пьянством по очереди выходили к микрофону, объясняя своё из ряда вон выходящее поведение минувшей ночью, слёзно каясь в содеянном. Один слишком громкий взрыв хохота заставил меня чуть приоткрыть глаза. Оказывается, у вышедшего к аудитории

Виталика из кармана пиджака свисали колготки Марины, которые он так и не успел надеть на неё минувшей ночью. Наши сослуживцы буквально падали со стульев, когда на глазах у всех Виталик великодушно протянул сей предмет дамского туалета Марины промямлив: «Вот, возьми…с этим бардаком совсем забыл…» Следующий взрыв хохота сопровождался изрядным пинком в бок. Оказывается, дошла очередь и до меня. Я с трудом продрал глаза, не понимая, чего от меня хотят. «Кайся…, кайся…», шептали мне члены комиссии по борьбе с пьянством. «А как?» – пытался уразуметь я и никак не мог. Хохот зала стал переходить в коллективную истерику. Шеф уничтожающе резюмировал: «Законченный алкаш».

Я уселся досматривать прерванный сон и проспал самое главное.

Едва закончились объяснения и покаяния, в срочном порядке была избрана новая комиссия по борьбе с пьянством, взамен вдрызг раздискредитированной старой. Председателем новой комиссии был единогласно избран наш шеф, а в число прочих достойных людей шараги вошёл секретарь комсомольской организации Лядов.

Не теряя времени (видимо, чтобы успеть отметить избрание), новый состав комиссии в обстановке широчайшей гласности на глазах всей шараги стал назначать своим предшественникам разнообразные меры дисциплинарно – карательного характера. Сон на этот раз был особенно крепкий и я

не проснулся даже тогда, когда Вадим Петрович со страшным грохотом упал в обморок, услышав приговор комиссии, содержащей рекомендацию парторганизации рассмотреть «допустимость пребывания в рядах партии человека, запятнавшего себя недостойным коммуниста поведением». Когда дошла очередь до меня, мои товарищи по несчастью подняли меня, однако разбудить забыли. Однако, от того что я услышал, сон как рукой сняло!

– На три месяца в шестой цех! Если не понимает, что такое непыльная работа, – пусть поработает по уши в грязи, среди всякой мрази! – огласил приговор шеф.

Шестой цех! Боже мой!!!

Дело в том, что в нашей шараге кроме конторы были ещё какие-то цеха. Что делают в них, я не знал даже по слухам. Грязь и мразь были во всех цехах (а по слухам, наш отдел должен заниматься тем, чтобы грязь в цехах отсутствовала, а рабочие от таких условий не превращались во мразь). Но 6-й цех был вовсе из ряда вон. Это было место ссылки и каторги всех штрафников нашей шараги, где не грязь, а архигрязь, и не мразь, а супермразь.

Мамочки! Я не хочу!!!

Так, из сонного состояния я сразу впал в шоковое. Из него меня вывел голос Лядова:

– …Тебе говорю, – пошли со мной, пьянь голубая.

Я увидал, что собрание закончилось, только я, как памятник неизвестному пьянице, стоял посреди пустой сцены.

Лядов с каким-то заговорщицким шёпотом продолжал:

– Я с шефом кое-что перетёр насчёт тебя, есть вариант вместо 6-го цеха, пошли, побазарим в мой кабинет…

У меня было состояние, как у человека помилованного после смертного приговора! Я теперь поверил слухам о том, что поручик Голицин целовал давшему ему опохмелиться ботинки. Хоть от похмелья спасти, хоть от 6-го цеха – такое дело, что нужно спасителю и ботинки, и ноги целовать…

Но расцеловать Лядова до его кабинета я не успел.

А в кабинете Лядов принял официальный вид и бросил на меня испепеляющий взгляд. Но палёным не запахло.

– Ну и кретин же ты! Ну и осёл же ты! – перешёл к делу Лядов, – ты почему не закусываешь?!

– Я закусывал… – пытался оправдаться я.

– Хреново ты закусываешь! – продолжал политико-воспитательную работу секретарь комсомольской организации, – Я пью каждую неделю, вот, смотри, – он отодвинул уголок красного знамени комсомольской организации, занимавшего всю стену кабинета, и я увидел, что знамя маскировало батареи пустых бутылок «Столичной», «Агдама», «Вермута».

– … А кто-нибудь видел тебя пьяным? – продолжал Лядов, – закусывать надо уметь!..

И секретарь комсомольской организации сделал мне почти часовой доклад о способах и видах закусывания. В заключении он так разоткровенничался, что показал свой неприкосновенный запас. Из сейфа был извлечён пакетик

с какой-то ужасно пахнувшей тряпкой.

– Вот! – торжественно произнёс он, – в крайнем случае, если нечем закусывать – занюхай этим, – он ткнул пальцем в пакетик, – носки двухнедельной носки, – хмель вмиг отшибает.

От ошеломляющих откровений Лядов резко перешёл к официальной части бесед:

– Ладно, – сурово сказал он, – поскольку ты завалил одно комсомольское поручение, придётся дать тебе более ответственное: поедешь на ударную комсомольскую стройку.

– Куда!? – опешил я от такого поворота.

– Куда-то на Север, – туманно ответил Лядов.

Мой озадаченный вид заставил дать пояснение:

– Речь идёт о том, чтобы поехать, а не о том, чтобы доехать…

Я плохо понимающе хлопал глазами. Секретарь комсомольской организации начал психовать:

– Да что до тебя, как до жирафа доходит на третий день! Надо выехать, отметиться, смотаться – если хочешь…

Столь неясные перспективы никак не могли вывести меня из задумчивости и нерешительности. И тогда Лядов, зло сощурившись процедил:

– Или, может, в шестой цех хочешь?

От одной мысли о шестом цехе меня прошиб холодный пот, Лядов, видя мой ужас, добавил:

– Тебе или-или: третьего не надо! Соглашайся на моё –

есть шанс вернуться, а в шестом цеху ты за неделю сгниёшь.

Сгнить мне совсем не хотелось и я выбрал вариант, дававший некоторые шансы, а Лядов на радостях и проболтался:

– Ну выручил, ну выручил! В районе план горит по добровольцам на стройку, а у меня горит разборка в райкоме по этому делу, – он недвусмысленно щёлкнул пальцами по горлу…

(А ещё говорит, что никто пьяным не видел! Брехло…)

– …А мне, – продолжал разглашать служебную тайну Лядов, – пообещали это дело замять, если дам добровольца.

Для получения комсомольской путёвки нужны были характеристика комсомольской организации, медицинская справка, паспорт со штампом «выписан», военный билет со штампом «снят», трудовая книжка с записью «уволен».

– Характеристику тебе уже печатают, – объяснил Лядов, трудовая книжка уже в райкоме: на руки не дают, чтоб до того не сбегли. Ну а в область приедешь, – смотри по обстановке…Паспорт, военный, – если спросят, скажи, уже снялся и выписался: всё равно никто не проверяет… А если до стройки доедешь, – тамошний комсомол всё сделает, не в первый раз. Медицинская справка? Сейчас сделаем.

Он открыл сейф и достал уже заполненный с снабжённый в положенных местах штампами «здоров» бланк медицинской справки.

– Фамилию и год рождения не забудь поставить, – Лядов протянул мне справку, – сейчас ставь: в райкоме проверят…

И вот я уже шагаю к райкому ВЛКСМ. Последним документом, который я получил в нашей шараге была моя характеристика. По последнему слуху, который я слышал в нашей шараге, у Марины, которая печатала эту характеристику, от смеха лопнул бюстгальтер. И не мудрено. Ибо спустя несколько часов как я был публично объявлен шефом «законченным алкашом», в характеристике на моё имя сообщалось обо мне, как «активном борце с пьянством, подающим пример трезвого образа жизни».

В райкоме согласно подробной инструкции Лядова я нашёл нужный кабинет. Дверь оказалась запертой. Но проходящие по коридору комсомольские работники пояснили, что искомое мною лицо заседает на конференции и велело всех интересующихся им ждать до окончания сего мероприятия. Я, любопытства ради, всё-таки заглянул в замочную скважину кабинета и… увидел заседающего на конференции мирно спящим за рабочим столом. Но, поскольку спяще-заседающий товарищ велел его ждать, то я решил следовать указаниям.

В это время к кабинету подошёл парень по манерам и внешнему виду весьма подходивший на вернувшегося из мест лишения свободы. С несвойственной для него вежливостью и деликатностью он поинтересовался, не за комсомольской ли путёвкой я стою? Познакомились. Разговорились. Семён, – так звали парня, – был направлен за комсомольской путёвкой нашим пригородным совхозом. Сеня был

длительное время хулиганом районного масштаба. И, возможно бы, никогда не удостоился чести представлять свой совхоз на комсомольской стройке, если бы не одно торжественное собрание, на котором судьба свела Семёна и ответственного товарища из области. Это было в общем – то, рутинное собрание, которое никому – бы и не запомнилось, если бы не Сёма. Чтобы как-то разнообразить унылое однообразие заседания, Семён поймал ужа, и, принесся его на собрание, сунул в карман соседа. Сосед в разгар заседания сунул руку в злополучный карман… Бедный уж! Брошенный в ужасе перепуганным соседом как можно подальше, он угодил на неумеренно декольтированную грудь одной дамы, и, проскользнув через декольте внутрь дамского туалета, сорвал собрание… Вобщем-то, совхозники были даже довольны столь неформально прошедшим собранием. Но было одно «но», серьёзно изменившее судьбу Сёмы. Дама, посредством которой уж сорвал собрание, была супругой ответственного товарища из области. Ответственный товарищ топал в кабинете директора совхоза ногами и требовал вздрючить негодяя, оскорбившего честь его жены по всей строгости закона, а если закона такого нет, то найти, всё равно, если директор совхоза не хочет быть сам вздрюченным. Закон был найден: ст. 206 Уголовного кодекса «Хулиганство», возбуждено уголовное дело, проведены следственные действия, по результатам которого установлено лицо, виновное в указанном безобразии. С Сёмы сняли подписку о невыезде…Но

в это время у секретаря комсомольской организации совхоза наметилась вздрючка по всей строгости Устава КПСС. Маленький сын секретаря по вредности или из злого политического умысла нарисовал в партийном билете папы рожки на портрете В.И. Ленина. Папа, не ведая подвоха, пошёл платить партийные взносы. Секретарь парторганизации совхоза, открыв партбилет, завёл персональное дело. Секретарь понял, что спасти ситуацию может только из ряда вон выходящий поступок. Таковым, по мнению райкомов комсомола и партии, могло стать отыскание добровольца на комсомольскую стройку. И незадачливый секретарь предложил Семёну за освобождение его от уголовной ответственности освободить секретаря от партийной. Ударили по рукам – сделка районного масштаба состоялась. Секретарь комсомольской организации на радостях поставил свечку в местной церкви, за что снова был привлечён к партийной ответственности. Правда, чем дело кончилось на этот раз, Семён не узнал, ибо как раз прибыл в райком комсомола, когда в райкоме партии началась партийная казнь секретаря комсомольской организации совхоза.

Подошли две миловидные девушки и тоже поинтересовались, кто за комсомольской путёвкой. Познакомились. Девушек звали Катя и Ника. А вот разговор с ними почему-то не клеился. Что (или кто) привело их за комсомольской путёвкой, – узнать так и не удалось. Это стало известно потом, когда этим вопросом занялась специальная комиссия

ВЛКСМ, которая была создана по настоятельным просьбам руководства комсомольской ударной стройки, ставшей из-за того, что половина рабочих рук ушли на больничный по причине триппера, распространителями коего стали эти миловидные девушки. Вот тогда-то и стало известно, что участь ударной комсомольской стройки незадолго до того постигла один из рабочих посёлков нашего района. Надо заметить, что власти долгое время смотрели сквозь пальцы на то, что небольшой заводишка посёлка может вот-вот стать из-за эпидемии триппера в среде его рабочих. Но терпению пришёл конец, когда на больничный отправился сам директор предприятия. Секретарь комсомольской организации, несмотря на больничный, вызван на ковёр в райком комсомола, где ему был предъявлен ультиматум: в 24 часа найти способ выдворить «этих проституток» за пределы посёлка, иначе секретарь с недолеченным триппером отправится на ударную комсомольскую стройку. Угроза возымела своё действие: в 24 часа секретарь комсомольской организации собрал все необходимые документы (в том числе справку поликлиники со штампами «здоров») и с почётом выдворил милых девушек из посёлка. Но это стало известно позже…

А тут дверь кабинета открылась и в дверях появился заспанный товарищ, который до того, якобы, заседал на конференции. Несмотря на изрядную плешь, он очень хотел остаться молодым и, наверное, следуя словам известной песни, не расставался с комсомолом. На его заспанной физио-

номии отпечатался текст газеты, на которой он только что мирно спал, но навыки, выработанные за многие годы комсомольской работы, позволили придать лицу деловое выражение в несколько минут.

– А-а-а! – радостно воскликнул он, спешно протирая осоловевшие от долгого сна глаза, – это наши добровольцы! А я, вот, с телефонов не слезаю, – всё звоню нашим комсоргам, – выехали ли вы?..

По случаю наших проводов в райкоме был устроен маленький митинг с участием представителей общественности, пионеров и школьников, ветеранов комсомола.

Пионеры прочли какое-то стихотворение в нашу честь. Одна девочка так старательно, с таким чувством выводила:

– На кого же вы нас покидаете!?

…что у меня даже закрутило в животе. Или это от клизмы, что мне ночью сделали в вытрезвителе?

Секретарь райкома долго перечислял льготы, которыми облагодетельствовало государство комсомольцев-добровольцев.

– Проезд оплачен, подъёмные выплатят, тринадцатая зарплата будет, – в общем, за всё оплачено, – он завершил свою речь оригинально, – в общем, всем желаю на новом месте жениться и выйти замуж, за всё оплачено.

Это не менее оригинально поняли некоторые добровольцы. Катя и Ника о чём-то хихикнули, а Сёма тотчас толкнул меня в бок:

– Слышь, Аполло, что наши бабы базарят, – алименты в случае чего комсомол тоже уплатит?

Я только удивлённо пожал плечами. А Сёма с серьёзным видом повторил несколько раз: «Надо спросить… надо спросить…»

На трибуну поднялась благообразная старушка, – видимо одна из ветеранов комсомола.

– Друзья мои!.. – начала было, она, но, прослезившись, сошла с трибуны под гром аплодисментов.

– Слышь, Пол, – Сёмка опять пхнул меня в бок, заговорщицки с тревогой прошептав, – нас часом не в Афган отправляют?

– Да ну что ты? – попытался я опровергнуть его предложение, но на душе кошки скребли, ибо провожали нас так, будто отправляли чёрт знает куда. По меньшей мере, – на войну…

Душа успокоилась, когда нам вручили комсомольские путёвки, в которых каллиграфическим почерком значилось место нашего назначения: Кемеровская область, трест «Кузбассшахтострой», а далее – язык сломаешь выговорить.

Потом мы расписались за командировочные, выслушивая наставления инструкторов:

– Понимаю вас, что хочется отметить отъезд Но убедительно прошу: пока в область не доедете, начинать не надо! А то в другой город можете заехать, были случаи, … А в области начинайте, там уже за вас обком отвечает. Там мож-

но…

Когда после трогательных проводов мы покидали райком, Семён, приметив первого секретаря, устремился к нему с самым серьёзным видом.

– Скажите, пожалуйста, – весьма серьёзно обратился Семён к первому, – я хочу спросить по поводу алиментов: правда ли, что комсомол…

Какая беседа состоялась у них, я не слышал, ибо привлекло меня прелюбопытнейшее зрелище.

В коридоре райкома вытанцовывал какой-то дикий танец давешний инструктор райкома. Его огромное брюхо с шумом носилось из стороны в сторону и таскало за собой своего владельца. Казалось, что пляшет не инструктор, отрастивший живот, а живот, отрастивший инструктора.

Наконец, отдышавшись, комсомольский работник перевёл дух и, истово перекрестившись на портреты членов политбюро ЦК КПСС, висевшие на стене, облегчённо вымолвил:

– Славь, те господи! Спровадили…

Буревестник сексуальной революции

Когда я пришёл домой и сказал, что еду на ударную комсомольскую стройку, мама упала в обморок. Поскольку времени оставалось мало, я написал папе записку, чтобы он привёл маму в чувство, и уехал на стройку. Но до стройки не доехал.

Нас посадили в поезд по разным вагонам и мы с Сёмой оказались по соседству с профессиональными пьяницами и, вдобавок, картёжниками.

Почти 4 часа мы играли в покер «на интерес», но потом «на интерес» нам стало неинтересно. Ставкой стали уши проигравшего, по которым выигравшие лупили колодой карт. Когда от такой игры мы стали похожими на Чебурашек, единственная дама из нашей картёжной компании предложила одарить победителя поцелуем взасос. Когда от такой игры наши губы опухли, а все бутылки с водкой были опустошены, в хулиганской голове Семёна родилась невероятная идея: набравшего в покере наибольшее количество очков единственная дама нашей компании одаривает прямо же здесь в купе своей любовью, а набравший наименьшее количество очков будет освещать место любовного сражения посредством свечки. Что останется делать остальным игрокам, мы так и не успели оговорить, так как, увлечённые идеей,

кинулись в игру.

Играли мы навылет и первым вылетел Сёма. Проклиная себя за то, что сам подал такую идею, Семён отправился на поиск свечки. А мы продолжали играть ещё часа три. Но когда определился победитель, вдруг обнаружилось, что предмет любви, на который шла игра – исчез. Наверное, дама сошла с поезда и, возможно, ещё в начале игры. Просто с пьяных глаз мы не заметили.

Едва прошло наше изумление, как под конвоем лейтенанта милиции появился Семён. Сема оказался слишком честным игроком: он пошёл через весь поезд и, будя спящих пассажиров, вежливо просил свечку. Да ещё объяснял – зачем. Свечку он не нашёл, но среди прочих пассажиров разбудил работника линейного отдела милиции, которому тоже объяснил цель своего визита…

– Это же надо! Весь вагон из-за этих мерзавцев не спал!!!! – орал какой-то старикашка, – Все ждут и ждут когда же они кончат!

– Да как же кончить, – пытались оправдаться мы, – дама то ушла.

Пассажиры материли и костерили нас. Непонятно – за сорванный сон или за сорванное зрелище? Тем временем, лейтенант милиции стал заполнять протокол. Мы с Сёмой пытались апеллировать к нашей почётной миссии добровольцев, но милиционер заметил:

– Я уже половину Ваших добровольцев с поезда снял: пол-

вагона спьяну разгромили. Сейчас и вас сниму.

Наконец, поезд остановился на какой-то станции и мы под конвоем лейтенанта двинулись на выход, одариваемые пинками, щипками и укусами пассажиров.

На замызганном, разбитом перроне вышла заминка: на пути, отделявшем нас от станции, проходил товарный состав. И тут один из нашей компании в один прыжок заскочил на площадку проходящего вагона.

– Стоять!!! – заорал милиционер, но в этот же момент на проходящий поезд сиганули ещё двое моих партнёров по покеру. Под конвоем остались я и Сёма. Семён обалдел от такого развития событий и, не сориентировавшись правильно в ситуации, просто бросился бежать по перрону. Лейтенант бросился вдогонку, а я, оставшись без присмотра, не теряя времени, запрыгнул на проходящий товарняк.

Я примостился в вагоне среди каких-то мешков и после бурной бессонной ночи заснул и спал долго-долго. А поезд шёл и шёл, увозя меня черти куда.

Проснулся я от страшного злорадствующего крика:

– Вот он, ворюга!!!

Меня полусонного схватили за руки-ноги и приволокли в какое-то помещение.

– Вот он, ворюга!!! – кричал детина в спецовке, приволокший меня, – Вот кто цемент тащит из вагонов!!!

– Ты что, Саня, этот хлюпик что ли? – недоумённо спрашивал мужичок в форме военизированной охраны, к кото-

рому меня приволокли, – и что, снова пол-вагона нет?

– Ага, – радостно продолжал детина, – как всегда пол-вагона! Акт надо составить, Мироныч.

– Акт я то составлю, – неуверенно протянул Мироныч.

Тут я совсем проснулся и до меня стало доходить, что здесь происходит, и заорал:

– Брехня!!! Вагон был полный до потолка!!!

– А ну молчи, ворюга!!! – заорал Саня и так заехал в ухо, что я отключился.

Меня кто-то грубо бил по щекам, ласково приговаривая:

– Вставай, воришка, вставай!

Я открыл глаза и увидел над собой дядю милиционера. Мой пленитель Саня с гневом и бурной жестикуляцией пояснял ему:

– …а он таким агрессивным оказался, – как бросится на меня!

– Этот то? – недоверчиво вопрошал милиционер, – слабенький он, по-моему, для агрессий.

– Ничего себе, «слабенький»! – продолжал Саня, – как тигр набросился! Ну, пришлось его охладить… В пределах необходимой самообороны.

Я хотел вскочить, взвопить, что всё это брехня, но почувствовал, что рот забит кляпом, а сам я связан по рукам и ногам.

– Так-так, – с сомнением продолжал страж порядка, – что-то, Александр, аккурат в твоё дежурство цемент воруют.

– Так вот он, вор! Больше воровать не будет! – воскликнул мой пленитесь и пхнул меня ногой.

Меня связанного, с кляпом во рту зашвырнули в милицейский Уазик, из окошка которого я увидел, как Саня грузит мешки с цементом в свои «Жигули». А когда я рассмотрел на чем я сижу, то совсем обалдел и начал хныкать: подо мной лежал штабель из мешков цемента, на котором я спал в злополучном вагоне.

Уазик доставил меня в какой-то перекосившийся сарайчик, оказавшийся местным отделением милиции. Напротив стола дежурного сидел, как я подумал, жертва хулиганства: интеллигентного вида мужчина с изрезанным вдребезги лицом и изорванным элегантным пиджаком.

– Прошу убедительно Вас понять, что я защищал честь дамы… – говорила «жертва хулиганства» дежурному.

– …И разбили стекло, – оборвал его дежурный.

– Я не разбивал стекло! – воскликнул изрезанный мужчина, – просто в процессе защиты меня бросили в окно и мною было разбито стекло.

– Вот-вот! – вскричал дежурный, – сами же говорите: «мною было разбито стекло».

– Моим телом, в процессе полёта, – пытался объяснить потерпевший, но дежурный его резко оборвал:

– За ваше тело отвечаете Вы, а не я!

– Но я…

– Так Вы будете платить штраф и стоимость стекла?! –

вскипел дежурный

… и увидел меня.

– А это что за чучело? – изумился он.

– Да вот, вагон с цементом обчистил, – пояснил мой конвоир.

– Сам, что ли? – недоверчиво спросил дежурный.

– Сейчас протокол составлю… – уклонился от ответа дядя милиционер.

Пока разбивший своим телом стекло мужчина платил штраф, мои пленители быстренько сляпали протокол и протянули мне для подписи. В связанном состоянии я ничего не мог подписать и дежурный принялся меня развязать, а я тем временем прочёл протокол: «…задержан на месте хищения…», «… похищено тридцать тонн цемента…» и первым делом, когда меня развязали и вынули изо рта кляп, заорал:

– Ничего я подписывать не буду! Всё это враньё!!!

– Напиши, что от подписи отказался, – спокойно сказал своему коллеге дежурный, а мне заметил, – а следователь потом учтёт и не твою пользу…

– Привет, зять! – на пороге появился дородный мужик в хорошем костюме, с красным носом и в знак приветствия хлопнул дежурного по заднице.

– Здравия желаю, Николай Николаевич, – откликнулся дежурный и приложился к ручке тестя.

Мой живописный после всех приключений вид сразу привлёк к себе внимание пришедшего:

– А это что за ушлёп?

– Да вот, обчистил пол-вагона цемента, – пояснил дежурный.

– Наверное, на дежурстве Сашки Ослова, – догадался Николай Николаевич.

– Как всегда, – подтвердил дежурный.

– Ослов все гараж никак не построит, – высказал версию хищения один из доставивших меня стражей порядка.

– Да нет, – откликнулся другой, – он себе давно построил, теперь куму строит.

– Ещё немало воров Ослов поймает, – заключил дежурный.

Николай Николаевич тем временем разглядывал мои документы, лежавшие на столе дежурного и вдруг спросил меня:

– Аполлон, ты инженер-механик, никак?! У меня работать будешь?

Я уже настолько обалдел и одурел от того, что со мною творилось, что не понял вопроса.

– Тебя спрашивают: будешь у Николаевича работать?! – подключился дежурный.

– А где? – я стал приходить в себя и пытаться выяснить суть дела.

– Тебя не спрашивают «где», а спрашивают «будешь или нет», – разъяснил суть дела дежурный.

– Да я… – пытался я разобраться более подробно.

– Короче, Николаич, – он согласен, – подвёл итог дежурный.

Я только успел понять, что Николай Николаевич Николаев – начальник некоего Управления технологического транспорта, расположенного в поселке, в который я попал таким неординарным образом и что посёлок, в который я попал, находится в Тюменской области. Через несколько минут мы подъезжали к владениям Николай Николаевича.

Обнесены они были жиденьким, проломленным во многих местах забором. Вместо ворот, которые были то ли уворованы, то ли сгнили, въезд перекрывал КрАЗ. Водитель Николаевича сигналил долго-долго, но КрАЗ не шевелился. В конце-концов Николаевич не выдержал, вылез из «Волги», открыл кабину и резко дёрнул за ногу спящего водителя, крикнув на него:

– Ты что дрыхнешь, бездельник!

– Негодяй сказал до пяти никого не пускать, – пробурчал бездельник спросонья, не подымая головы…

… Спустя несколько часов я узнал, кто такой Негодяй: за глаза Николай Николаевича все называли Негодяем Негодяевичем…

А тогда от реакции моего будущего шефа я обалдел: он вышвырнул водителя за ноги из кабины и начал бить его ногами, приговаривая яростно: «Ах ты ублюдок! Ах ты сволочь!!!» Водитель спешно просыпался и кричал: «Ой, Николай Негодяевич, извините, не узнал! Ой, Негодяй Николае-

вич, только не по яйцам!!!»

Я в ужасе смотрел на избиение и спросил робко водителя шефа:

– Он так всех?..

– Да нет, через одного, – успокоил водитель.

Наконец, Николаевич – Негодяевич устал избивать подчиненного и тот, юркнув в кабину, отогнал КрАЗ, «Волга» заехала в гараж. Среди луж и грязюки в гараже стояла куча всякой не менее грязной техники а под ней, положив в грязь доски (а то и без них) копошились с гаечными ключами и матюгами не менее грязные водители. Но когда мы зашли в здание конторы, то в глаза бросились отделанные под дерево коридоры, ковровые дорожки, нарядные люстры. Все это дополнялось массой стендов с итогами социалистического соревнования, судя по которым все планы в Управлении технологического транспорта шли с перевыполнением. И, наверное, поэтому не случайно у входа висело грозное предупреждение: «В грязной обуви и спецодежде в рабочее время не входить!» Видимо, администрация опасалась, что, вылезая из грязюки и, зайдя в этот дворец, можно сделать ненужные выводы, от которых начать бить люстры и физиономии.

Начальник завёл меня в отдел кадров и, указав полусонной бабуле-кадровичке на меня, приказал:

– Сего деятеля мастером в балдёжную бригаду и договор на три года.

Бабуля кивнула и начала оформлять меня на работу, мур-

лыкая под нос песенку из репертуара эмигрантов:

Я проститутка, я фея из бара,
Я чёрная моль, я летучая мышь,
Вино и мужчины – вот моя атмосфера…

Я пытался разведать – что это за балдёжная бригада, куда меня направляют, но мои вопросы бабуля то ли не слышала, то ли не хотела отвечать и продолжала мурлыкать под нос:

Я проститутка, я фея из бара…

Наконец «фея из бара» закончила оформление и предложила расписаться, но я захотел почитать – под чем я расписываюсь а, прочитав, изумился и возмутился:

– А почему я должен договор на 3 года подписывать, может быть, я завтра уволюсь!?

Бабуля взглянула на меня с возмущением и позвонила по селектору шефу:

– Молодой человек не хочет подписывать договор…

Из динамика донёсся голос шефа:

– Если не хочет, – пусть возвращается в милицию!

Возвращаться в милицию мне совсем не хотелось, а бабуля добавила:

– Не делайте глупость, молодой человек: Вам по договору денежки дадут и ведь сразу на «прописку» будет нужно. Когда будете прописываться – не забудьте мне занести

грамм сто…

…И тут я почувствовал как от бабули прёт перегаром.

Потом я узнал, что зять Негодяевича-Николаевича таким же, как и со мной, способом набирал для работы в шараге, возглавляемой тестем, самых различных специалистов, ибо обычным способом сюда устраивались лишь лица, находящиеся на момент трудоустройства в нетрезвом состоянии и, иногда, психически больные граждане. А благодаря такому оригинальному решению кадрового вопроса на отсутствие рабочих рук Негодяевичу жаловаться не приходилось.

Мои обязанности мне разъяснял главный инженер Витольд Иванович Филькин, которого за глаза звали просто Филькой.

– Прежде всего, Аполлон, твой непосредственный начальник – начальник РММ, – не твой непосредственный начальник, ибо он пьянь и шизофреник, и ты его не слушай, а подчиняйся только мне, – такое вступление к нашей беседе сделал Филька.

Надо сказать, что начальника РММ я практически не видел: он находился то в запое, то в ЛТП, то черти где. А Витольд Иванович все время искал ему замену и все время не мог найти.

– …И не читай свою должностную инструкцию, – продолжал Филькин, – не забивай голову всякой чепухой, она для комиссии пишется. Вообще, главное смотри, чтобы

твой участок сильно не разворовывали. Конечно, Советский Союз весь разворовать невозможно: все равно друг – друга воруем, но все равно смотри.

Советский Союз, как казалось в то время, разворовать невозможно. Разворовывали его очень-очень долго. А вот что касается участка… Размер у него оказался гораздо меньше Советского Союза…

– … А ещё следи, чтобы гадюшник на участке не перерастал в свинюшник.

Действительно, грязюки, мазута и прочей дряни на участке было предостаточно. Редкие уборщицы, робко пытавшиеся потеснить грязюку держались до первой пьянки. Но, спасибо, водители стоявшие на ремонте выполняли обязанности уборщиц и не давали локальным гадюшникам перерасти в тотальный свинюшник.

– Веди контроль за пьянками, – продолжал вводить меня в курс дела Главный инженер, – мы все русские пить любим, но на виду у всех нельзя. Я за тем, чтобы не пили, даже пускай в рабочее время, а затем, чтобы не попадались. Я, или, тем более, шеф появится, ни одного пьяного, чтобы не было видно. Если кто-то нажрётся как свинья и свалится, оттащи его на задворок или вышверни, чтобы на твоей территории не валялся.

Ну здесь, меня бог миловалал, – хотя пьяных на участке было пруд пруди, но никто на глаза начальству не попадался, в неположенных местах не валялся, меня не подводил.

– … Контроль за техникой безопасности – тоже твоя обязанность. Если кто-нибудь начнёт драться – попроси уйти на другой участок, пусть там травмы себе наносят, а то тебе отвечать придётся. Если всё-таки травмы будут, – приходи ко мне, мы такой акт сляпаем, что сами виноваты будут, – не в первый раз.

На участке постоянно ходили работяги перебинтованные, исцарпанные, с синяками. Но не из-за драк, а из-за дрянного инструмента, которым ремонтировали технику. Однако никто акт составить не требовал, ибо знали, что бесполезно и сами же виноваты будут. Не в первый раз.

Вот так главный инженер инструктировал меня битый час.

– …Ну и самое последнее и самое главное – отчёт и итоги соцсоревнования, – главный инженер с особой значимостью поднял палец, – это главная и святая обязанность советского мастера. Знаю, да и сам поймёшь, – на участке бардак и кавардак, за это ни соревноваться, ни отчитываться нельзя. Но! – Филькин ещё более значительно поднял палец, – зарплату получать нужно, а значит, отчёты составлять и итоги соцсоревнования подводить тоже нужно. Уразумел, Аполлон Эдуардович?

Насколько уразумел я эту мысль, не помню, но видимо чересчур тупо посмотрел, ибо Витольд Иванович раздосадовано буркнул:

– Ну что ты, Аполлон, как дитё на меня смотришь? Пер-

вый день в СССР живёшь что ли? – Витольд Иванович с досадной грустью посмотрел на меня и принялся разъяснять прописные производственные истины: платят нам не за то, что мы делаем, а за что мы отчитываемся, и премии выдают не за бардак, а по результатам соцсоревнования.

…Истины то я усвоил быстро, а вот с их реализацией, вернее, с отчётами и подведением итогов соцсоревнования у меня долго были проблемы. Первый раз, когда я пришёл к Филькину и спросил, как этот проклятый отчёт делать, Филька выругался в сердцах и разъяснил основные принципы отчёта: «Результаты всегда получше, чем у других, да побольше, чем прежде. Слишком не забрехивайся, но за правдивость больше не заплатят». У меня от столь конкретных правил составления отчёта и рот открылся. Филькин долго ругался, но потом составил мой первый отчёт и подвёл итоги соцсоревнования за месяц, а на второй месяц я переписал то, что написал Филькин, потом на третий, и т. д., и т. п. Не знаю, насколько правильно, но зарплату и премии платили, ничего не высчитывали. Может и не читали мои отчёты?

А после инструктажа состоялось моё знакомство с участком моей работы.

Когда я вошёл в ремонтно-механические мастерские, от открывшегося вида и атмосферы, дополнявшей этот вид, у меня дыхание перехватило. Глядя на страшноватый, закопчённый цех со спертым воздухом я вспомнил почему-то о фильме про концлагерь фашистской Германии.

Сортир в цеху вроде бы как имелся, но фактически был то закрыт, то забит, а тем, кому приспичило, в зависимости от степени приспиченности, бежали либо во двор, либо искали закуток в мастерских. И последних, по-видимому, было намного больше, ибо запах стоял в РММ весьма специфический.

В цеху стояли те же раздолбанные механизмы, именуемые автомобилями, и под ними копались те же грязные водители, только на полу было более суше. По идее и штатному расписанию под ними должны копаться слесари, а точнее, – члены бригады текущего ремонта, именуемой в обиходе «балдёжной». Как я узнал из истории, несколько лет назад по почину комсорга, стремившегося стать инструктором райкома комсомола, эта бригада была комсомольско-молодёжной. Как она работала, об этом история умалчивает. Но вот известно, что после ухода инициативного комсорга на повышение, бригада быстро превратилась в комсомольско – балдёжную. Ибо работать по уши в мазуте кувалдой, ломом и с помощью этакой матери, и с такой зарплатой, что поневоле этакую мать вспомнишь, – никто не хотел. Водители, выезжавшие с ремонта, возвращаясь через час отвалившимся колесом, карданом или иной частью машины, шли первым делом разбираться в комсомольско-молодёжную.

– Мужики, вы чё балдеете? – вопрошали потерпевшие.

– А вы че, за такую зарплату работать будете? – отвечали мужики.

Появились ябеды и пожаловались начальству. Начальство начало разбираться.

– Вы, почему так работаете? – спросило начальство.

– Как платите, – так и работаем, – ответила бригада.

– Нет, как работаете, – так и платим! – утверждало начальство.

Разгорелся конфликт. Начальство навешало на бригаду выговоров и решило уволить всех членов ее за разгильдяйство и саботаж. Но секретарь парткома вдруг воскликнул:

– А Вы знаете, что скажут в райкоме партии!?

Этого не знал никто. Даже сам секретарь парткома. Но испугались все страшно. Ситуация получалась тупиковая. Поголовно увольнять бригаду нельзя: райком не поймёт. Денег, чтобы создать человеческие условия для работы слесарей нет (не от своей же зарплаты отрывать!), хватает только на условия скотские. Тогда конфликтующие стороны пошли на компромисс: начальство продолжало платить как платило, а бригада продолжала балдеть как и балдела. Все остались довольны. Кроме водителей. Но тогда те приходили ругаться к слесарям, те отвечали:

– Не нравится – сами ремонтируйте.

И водители ремонтировали сами. Платили за ремонт – слесарям.

Ну а бригада совсем разложилась и забалдела окончательно. Про приставку «комсомольская» потихоньку забыли, а то, что она «балдёжная», понятно было всем.

Публика в состав балдёжной бригады входила преинтереснейшая. Например, некто Баклушин. До того, как попасть в «балдёжку» он работал сварщиком и работал весьма интересно. Когда к нему подъезжали или подходили заварить или сварить что-нибудь, Баклушин кривил физиономию и нудно объяснял, что того нет да сего нет, а потому ни заварить, ни сварить ничего нельзя. Когда же проситель спрашивал, когда же будет то да сё, сварщик протяжно отвечал: «Н-а-д-о-ж-д-а-т-ь». Кто понимал, что, дескать, «надо ждать», тот ждал и ждал очень – очень долго. Кто понимал, что «надо-ж дать» – давал пол-литра, литр, и т. д. – в зависимости от сложности и объёма сварки, – и в считанные минуты получал то, что и просил. Однажды к Баклушину притащили на разрезку для сдачи в металлолом какую-то рухлядь из «калашного ряда», но, поскольку, она никому не была нужна, никто за газорезные работы не ставил Баклушину и стопарика, то сварщик на нее и внимание не обратил. Однако почти одновременно на сварку приволокли авто, прибывшее с капитального ремонта, которое, как водится, после этого ремонта – требовало ремонта не меньше. Сварки было хоть отбавляй и водитель машины, зная установленный Баклушиным порядок, выставил ему сразу два пузыря «Русской». То ли бог покарал сварщика за мздоимство, то ли черт попутал, но, получив предоплату, Баклушин тотчас употребил её внутрь, хотя прежде делал это только после работы, а не до. А, употребив непотребное для рабочего дня

количество, потерял ориентировку в пространстве и времени и вспомнил, что ему что-то притащили на разрезку, но забыл, что так же притащили что-то заварить. В несколько минут газорез расчленил на мелкие кусочки автомашину, прибывшую из капитального ремонта. И когда заказчик пришёл за ней, Баклушин протянул дымящиеся обломки. После этого сварщика срочно перевели в балдёжную бригаду, а потерпевшего водителя заставили собирать ту рухлядь, которая должна была быть разрезана Баклушиным.

Не менее интересной личностью был бывший водитель вахтового автобуса Сопля. Его привела в балдёжную бригаду любовь ко сну. Однажды Сопля спал в своём автобусе так, что проспал угон этого автобуса неизвестным негодяем. Неустановленное лицо угнало автобус почти за сотню километров, а Сопля всё это время сладко дрыхнул на заднем сиденье угоняемого транспортного средства. Проснулся он среди тайги, когда стало невыносимо холодно, ибо двигатель давно заглох и разморозился. После того, как у Сопли удержали стоимость размороженного двигателя, он был переведён в сторожа, но и здесь отличился. Вагончик сторожей, в котором спал сторож Сопля, был погружён опять-таки неустановленными лицами на неустановленное транспортное средство и был увезён в неустановленном направлении. Правда, на этот раз Сопля был разбужен ворами и выброшен на дорогу. После этого Соплю перевели в балдежку, где его сон для окружающих никакой опасности уже не пред-

ставлял.

В общем, в балдёжной бригаде были собраны личности, которые при исполнении своих обязанностей в обычных условиях вытворяли нечто из ряда вон выходящее и, поэтому, нуждались в условиях необычных. И условия работы балдежной бригады были действительно необычные. Почти всё рабочее время бригада пряталась по закуткам, где спала, играла в карты, пила водку, одеколон и шампунь. Работу, которую должна была выполнять бригада, делали водители, которые материли балдёжников, на чём свет стоит. А те в это время материли начальство, что им очень мало платят.

Было у этой бригады ещё особое предназначение. Нередко Начальник, Главный инженер и иное мелкое и крупное начальство загоняли на ремонт свои «Жигули», «Москвичи» на участок балдёжной бригады и мастеру участка (коим теперь являлся я) надлежало извлечь членов бригады из их конспиративных закутков и организовать их силами ремонт личного авто какого-нибудь начальника. Странно, но балдёжники, посылавшие далеко-далеко любого водителя, просившего помочь в ремонте государственной колымаги, сразу же без разговоров шли ремонтировать личные транспортные средства руководящего состава предприятия.

Филька не хотел появляться в цеху. Во-первых, не желал выслушать оскорблений в свой адрес от копающихся в грязи работяг. А, во-вторых, не хотел испачкать костюм свой, так как воздух в РММ был такой, что даже ни к чему не при-

коснувшись, можно заработать на костюме мерзкие масляные пятна. Потому препроводить меня к месту работы послал главного механика Гаврилыча, который продолжил инструктаж, начатый Главным инженером, только более детальный и с выходом на рабочее место:

– Вообще, работа у тебя, – не бей лежащего, ничтяк работа. Запчастей всё равно нет на складе, так что за запчасти не волнуйся. Их водилы друг у друга воруют, или за пузырь достают. Если уж кто особо будет доставать, скажи: «Что, я рожу что ли» – и отстанут. Бригада твоя всё равно ни хрена не делает, так что руководить нечем. Если очередь на место на ремонт будет, – пускай сами водилы её устанавливают, не требуй пузыри на место вне очереди, а то парень на твоём месте работал раньше, ему за это водилы башку проломили. Правда, бумажки надо иногда составить, отнести на подпись, но то чепуха, – пиши, что в голову взбредет, их для отчёта пишут, чтоб деньги да матценности списать, которых давно нет. Ну а в общем, главная задача – не проспать, когда аванс и зарплату дают…

Пока шёл инструктаж, мы подошли к месту моей будущей работы, – уютной каптерке с прожженным сигаретами диваном, холодильником с початой бутылкой водки и надкушенным огурцом, магнитолой с кассетами Токарева.

Со своей чистотой в этом грязнущем цеху каптерка торчала каким-то оазисом среди болота. Не случайно, ее предыдущие обитатели, подражая своим старшим товарищам из кон-

торы, тоже вывесили плакат: «В рабочей одежде не входить». Как и в конторе на стенах висела наглядная агитация, а так же итоги соцсоревнования, если верить которым, балдёжная бригада всегда перевыполняла планы. Вообще, жизнь была прекрасна. Если не выглядывать в цех из заляпанного какой-то дрянью окошка каптерки.

– Располагайся, – главный механик широким жестом, – пригласил меня к столу, куда уже были доставлены из холодильника початая бутылка водки и надкушенный огурец.

Но расположиться я не успел, ибо в дверях возник промасленный до последней нитки работяга, каптерка резко наполнилась мазутным смогом.

– Гаврилыч, когда же болты кто-нибудь у нас точить будет?! – спросил работяга.

– Да вот, у вас мастер новый будет, – кивнул Гаврилыч на меня, – к нему и обращайся…

Работяга вперил мазутный взор в меня, и я растерялся. Но Гаврилыч, разливая по сосудам водку, поспешил напомнить:

– А я тебе говорил что говорить…

Я вспомнил и, потупя взор, начал мямлить:

– Да…, это вот…, я, что… рожу, что ли…

– Понятно, такой же козёл пришёл, – сделал вывод промазученный человек и удалился.

– Привыкай, привыкай, – подбодрил Гаврилович, кромсая надкушенный огурец – сейчас со своей бригадой позна-

комишься.

И точно, как будто услышав слова Главного механика, в дверях каптерки появились лица, физиономии и рожи членов балдёжной бригады.

Я так и не изучил природу феномена балдёжной бригады, но факт остаётся фактом: стоило кому-нибудь чокнуться стаканчиком о стаканчик, как через несколько минут на звон стаканчиков летели все члены балдёжки. То ли каждый из них обладал феноменальным слухом? Толи у балдёжников выработался какой-то условный рефлекс? Для меня это осталось загадкой. Но, узнав феномен, я потом всегда таким способом собирал балдежников, а другим способом их всех собрать было нельзя.

То же самое и проделал Гаврилович сейчас, дабы познакомить моих подопечных со мной.

– Учись, как это кодло собирать, – сказал Гаврилович мне и уже, обращаясь к членам балдёжной бригады заявил, – заходи, братва, знакомься с новым мастером.

Братва в явно более чистом, чем у копающихся под машинами водил одеянии устремилась к столу, прикладываясь к моей ручке и скаля зубы.

В это время в дверях появились новые замазученные водилы.

– Гаврилыч, – крикнул один, – нам машины загнать надо, а место одно…

– Вот, новый мастер участка, – кивнул Гаврилыч, – к нему

все вопросы.

Я уже вспомнил, что говорил мне Гаврилыч, и, едва водилы стали наперебой протягивать пузыри, отрезал:

– Сами, сами устанавливайте очередь!

Водилы – кто с удивлением, кто с облегчением пошли устанавливать очередь.

– Так, так, Пол, – входи в курс дела, – подбадривал Гаврилович, – пусть сами разбираются.

До каптерки донеслись матюки, какие-то крики, удары.

– Вот, видишь, разбираются, – пояснил Гаврилович, – а стал бы брать пузыри, – сейчас бы с тобой разбирались.

Тем временем, балдёжная бригада, опустошив сосуды с водкой, стала заявлять о своих трудовых правах.

– Мастер, – начал один из них, – наряды некому составлять, табель некому вести, а без них зарплату не плотют…

Как вести табель и составлять наряды я не знал. Не помню – обучали ли такому в институте, но в шараге, которой я до того работал, имело смысл только знать свежие сплетни. На выручку пришёл Гаврилыч и извлёк из холодильника, служившего одновременно и шкафом, рулон чистых табелей и стопку бланков нарядов.

– Смотри, друг, – главный механик продемонстрировал заполнение табелей, поясняя по ходу дела, – всем ставь «восьмёрки», хоть есть кто на работе, хоть нет. Только, не прозевай, если кого из них кокнут, надо вовремя вычеркнуть, а то здесь были казусы – мёртвым по два месяца зар-

плату начисляли…

Тем временем, в каптёрку заглянуло ещё одно промазученное лицо и робко попросило подписать накладную. Гаврилыч, не отрываясь от табеля, указал:

– А это твоя работа.

Я, было начал рассматривать, что же там в накладной, но Гаврилыч буркнул:

– Да не смотри, подписывай, того, что выписывают – все равно ничего нет, а не подпишешь, – человек обидится.

И я подписал.

А Гаврилыч строчил наряды для балдёжной бригады, поясняя мне.

– Я тебе образец оставлю, а ты потом его можешь хоть буква в букву переписывать, все равно ничего, что здесь пишут, не делают. Ну и, разумеется, никто не читает, лишь бы подписи были…

– И расценки побольше, – дополнил кто-то из балдёжников.

– Тоже верно, – заметил главный механик и протянул наряд для подписи.

Потом я подписал табель. Балдежная бригада одобрительно загудела – теперь и зарплата будет.

– Ну вот, знакомство состоялось, – подвёл итог главный механик, – главное, не обижай бригаду…

Я вопросительно уставился на Гаврилыча, но бригада сама пояснила:

– Табель вовремя закрывай, наряды подороже составляй и если вдруг работать надо будет, – сто грамм…

– Мастер понял, – резюмировал Гаврилыч, – а бригада, тебя мастер, не обидит.

Довольная такими важными событиями, как закрытие табеля, составление нарядов и выпивка на халяву, члены балдёжной бригады покидали каптерку, пожимая мне руку и повторяя:

– Не обижай нас, мастер, и мы тебя не обидим.

А потом я поплёлся устраиваться в общагу. Пятиэтажное обшарпанное здание общаги возвышалось мрачной махиной над хибарами посёлка, именуемыми здесь «балками», которые в моём родном городишке любой бы посчитал за сараи. Когда я первым делом переступил порог общаги, то первое, что попалось мне под ноги, – огромное тело, храпевшее и пахнувшее водкой.

– Осторожно! Разбудишь! – воскликнула женщина, сидящая в окошке прямо над телом.

Я с превеликой осторожностью, как сапер, идущий через минное поле, перешагнул через тело.

– Фу! – облегчённо вздохнула женщина, – не проснулся…

Но, вспомнив, что она находится при исполнении каких-то обязанностей, приняла важный вид и крикнула:

– Стоять! Ты к кому!?

Я опешил от столь жёсткой встречи и только протянул направление в общагу.

– А-а-а! Нового охламона прислали, – резюмировала женщина и сообщила об этом по телефону коменданту общежития.

Комендантом оказалась миловидная молодая женщина, которая первым делом осторожно-тревожно поинтересовалась о теле, лежащем перед входом:

– Спит?.. Ну-ну, пусть спит…

Но, вспомнив о своей важной должности и, приняв соответствующий важный вид, представилась, провела к себе в кабинет, где полчаса строгим голосом читала правила поведения в общежитии.

– Выходить после двадцати двух ноль-ноль категорически запрещено! Приводить, кого бы то ни было после двадцати двух ноль-ноль категорически запрещено! Попадаться в нетрезвом состоянии категорически запрещено!.. – перечисляла комендант.

Что же можно делать в общежитии я так и не понял.

– Все, кто приходит к тебе, должны сдавать паспорт или военный билет вахтёру, – продолжала комендантша, – за все, что ни утворят твои гости, отвечаешь ты: стекла побьют – вставляешь ты, вахтершу побьют – больничный за твой счёт!

Нарисовав целый ряд страстей-мордастей, комендантша подвела не менее страшный итог:

– За нарушение режима общежития – беспощадное выселение!!!

– Да врёт все она, еще ни одного не выселила, – испортил ужасную картину внезапно появившийся в дверях кабинета парень.

– Ты что мелешь!? – заорала на парня комендантша, – Какого чёрта ты сюда пришел!?

– За магнитолой пришёл, – спокойно ответствовал парень, – гости ваши-то давно уехали, а магнитолу Вы брали до их отъезда…

– Фу ты! – сконфузилась комендантша, – зайди попозже, я, видишь, занята.

– Ну-ну…, – пробурчал неудовлетворённо парень и удалился.

– Свинья мерзопакостная… – прошипела вслед ему комендантша и пошла искать со мной по общаге свободное койко-место.

Общага, казалось, испытала на себе штурм неизвестных интервентов. Масса выбитых стекол, замененных фанерой и картоном. На стенах и потолке куча выбоин и трещин. На дверях – следы их пробивания тупыми, твёрдыми предметами – то ли ногами, то ли головой. На каждом углу красовались кровоподтёки и соплеподтёки. Довершали картину изречения русского народного творчества («Миха пидорас» и т. п.), но особо живописный вид общаге придавали отпечатки обуви на уровне головы и выше. От поры до времени в недрах здания раздавались истошные вопли и вскрики, заставлявшие меня с непривычки вздрагивать, а комен-

дантшу – высказывать нецензурные обещания кого-то выселить. Правда, как и в УТТ везде красовались стенды социалистического соревнования, судя по которым, в общежитии за что-то соревновались и даже что-то перевыполняли. За что соревновались и что перевыполняли, уж столько лет прошло – всё понять не могу.

Наконец, у одной двери с накаляканной масляной краской надписью «Здесь жевут казлы» мы остановились.

– Ну вот, здесь и жить будешь, – сказала комендантша.

На голой сетке свободной койки лежал не менее голый парень.

– Это ещё что за вид? – вскричала комендантша, – А ну, приведи себя в порядок!

– Что естественно, то не безобразно, – заявил спокойно парень и начал искать исчезнувшую одежду, но найти никак не мог.

Комната была ненамного лучше коридора, по которому словно Хан Мамай прошёл. Правда, русского народного творчества и отпечатков ног на стенах не было. Но, когда я взглянул на потолок, то с изумлением обнаружил на нём следы отпечатков ног размера этак 45-го.

Парень, понявший, что комендантша привела «сокамерника», начал давать пояснения:

– Прописка, земляк, – три пузыря «Русской» или пять бутылок винища…

– Я тебе такую прописку устрою, вмиг выселю! – оборвала

его комендантша.

– Да ни фига не выселите, – парировал парень, никак не могущий найти свои брюки и трусы.

Комендантша не нашлась ничего сказать, кроме как заорать:

– Да когда ты трусы свои найдёшь!? Видеть твою задницу спокойно не могу!!!

И, сделав вид оскорблённой видом задницы, ушла. А парень продолжал деловито объяснять, где продаётся «прописка». Я тоже пояснял, что ещё не получал подъёмные и т. д.

– Ничего, – займи и как займёшь, – сразу в «морлавку».

– ?

– «Морлавкой» здесь свинно-водочный отдел называют, – пояснил парень.

Почему морлавку называют «морлавкой» я так и не понял. По одной из версий, – это название свинно-водочного отдела, данное национальными меньшинствами, обитавшими в этих краях. По другой, наверное, более точной версии, – такое название от того, что творилось вокруг спецотделов во время торговли спиртным. Надавившийся в очереди за спиртным народ спешил снять накопившееся в очереди напряжение и распивал бутылёк – другой, не отходя от прилавка, после чего валился отдыхать, в связи с чем территорию вокруг морлавок всегда украшали несколько валявшихся тел, будто мор на них напал. Глянув это зрелище, первое, что приходит в голову: «мор» – лавка. Но в морлавку я схо-

дил уже на следующий день. А в тот день настырный ревнитель порядка прописки нашёл тех, кто в морлавку сходил и, употребив изрядное количество алкоголя, выпал из окна и все оставшееся время пребывал на больничном.

Но на следующий день, когда я получил подъемные, хотя ни с кем ещё не был знаком, ко мне в комнату, ведомые неизвестным инстинктом, заявились соседи со стаканами в руках, – без слов давая понять, зачем они пришли. Тогда же я с удивлением обнаружил, что в общаге жила не только хулиганствующая молодежь, но и ветераны 40–50 лет с закопчёнными в табачном дыму, сизыми от систематического пьянства физиономиями и отточенными в межкоечных драках кулаками и челюстями.

Пропив все подъемные, я занял у кого-то из гостей червонец на пропитание, но у кого – по причине пьянства вспомнить не мог. Зато потом за червонцем пришли сразу четверо. Видимо, по пьянке тоже не могли вспомнить, кто же из них дал.

Ну а между делами по устройству в общагу и обмытием этого, началась моя трудовая деятельность мастером РММ.

Рабочее утро начиналось с общения начальства с подчинёнными. Нет, начальство очень редко нисходило до того, чтобы выйти и посмотреть, что творится в гараже, ибо хорошо испачкаться можно, да и матюгов в свой адрес наслушаться. Приглашать же работяг и мастеров в контору опасно: грязи воз нанесут на ковровые дорожки, да ещё срав-

нят апартаменты конторы с мастерскими и гаражом, могут сделать ненужные выводы. Поэтому, для общения с работниками во всех мастерских и на дворе висели репродукторы – колокола, именовавшие официально «громкой связью», а неофициально «матюгальниками». После того как водители взялись за ключи, а балдёжная бригада разбрелась по углам, из матюгальников раздавался бодрый, пропитый голос Негодяя Негодяевича:

– Доброе утро, товарищи!

Первые фразы всегда слышались четко, а вот в дальнейшем речь почему-то прерывалась очень серьёзными помехами, очень напоминавшими хрюканье и гавканье, что делало радиовыступление очень запоминающимся и неординарным:

– Я с сожалением должен сообщить, что ремонт техники хрю-хрю, уже пора гав-гав-гав…

Но, несмотря на «хрю-хрю» и «гав-гав», смысл выступлений, как раз, благодаря этим помехам, передавался очень точно и в переводе не нуждался. Такое селекторное совещание с участием Фильки и Негодяевича слушать было весьма преинтересно.

– Алло, начальник первой колоны, гав-гав, – вызывал на связь Негодяй.

– Начальник первой колонны, гав-гав-гав, – вторил Филька.

– Хрю-хрю, – откликался начальник первой колоны.

– Вы почему вчера хрю-хрю-хрю? – вопрошал Негодяевич.

– Это вы мотористов спросите, это они хрю-хрю, – оправдывался начальник первой колоны.

– Мастер моторного участка, хрю-хрю, почему вы хрю-хрю-хрю? – вопрошал Филька.

– Пускай они сами не хрю-хрю, – откликался мастер, – сколько им не гав-гав, а они хрю-хрю – хрю…

– Мастер участка хрю-хрю-хрю!

А это уже меня. Я поднимал трубку телефона внутренней связи и отвечал:

– Я хрю-хрю…

– Гав-гав-гав, – отвечал матюгальник, а трубка телефона поясняли это закодированное послание голосом Фильки или Негодяевича:

– У тебя как всегда бардак…

После того, как хрюканье и гавканье заканчивались, начинались визиты водителей, копающихся в своих колымагах со своими бедами.

– Пол, сальников нету? Я месяц целый стою!

– Аполло, сколько ждать болтов я буду?

– Эдуардыч, что за хреновина: бумаги даже на прокладки нет!

– Аполлон Эдуардович, как ремонтироваться, ничего нет?!

Я развил идеи Гавриловича о взаимоотношениях с води-

телями, творчески подойдя к исторической фразе: «Я что, рожу?» Я с пониманием объяснял водителям: ничего в нашей шараге нет, но я не виноват, потому, как ничего не решаю; лучше пойти и скрутить у кого-нибудь (вон – машина стоит бесхозная, а у той – водитель заболел, поэтому, тоже можно скрутить).

И водители потихоньку расходились.

Одни, прислушившись к моему совету, шли скручивать то, что надо у соседа.

Другие, которым мои советы уже надоели, громко обсуждали меня и мои советы:

– Какого хрена этот дармоед здесь делает, кроме как советы давать? – возмущался один, наверное, недавно работающий в УТТ водитель.

– Каждому своё, – философски разъяснял ему другой водила, видимо, уже работавший не первый месяц, – тебе кувалдой махать, а ему ручкой шариковой.

– Ну ты сравнил! – продолжал возмущаться первый, – ручка – не кувалда – плечо не заболит!

– А чё ты хипеж подымаешь, – успокаивал его первый, – человек институт закончил, теперь тяжелее ручки ничего в руках и не будет держать. Ты бы закончил, тоже была бы работа не пыльная – бумажки перебирать, а не кувалдой махать…

Ну а третьи, которым надоел и я с моими советами, и обсуждения моих советов, шли в «морлавку»…

Потом шли просители подписывать всякие бумажки. Я всё подписывал, хотя знал, что ничего по ним не получишь – ничего всё равно нет.

Иногда разнообразие вносил заезд личной машины какого-либо начальника. Я тотчас брал стаканчики и, позвякав друг о друга, мигом собирал балдёжку.

В конце месяца Филькин напоминал мне о главной и святой обязанности советского мастера и мне приходилось чуть поработать ручкой и вспоминать навыки составления школьных сочинений: надо было составлять отчёт и подвести итоги соцсоревнования. Ох и морока! Впрочем, как говорили водители, глядя на мои труды: «Ручка не кувалда – плечо не заболит».

Работники балдёжной бригады любили повторять по случаю и без случая: «Самый эффективный способ экономии рабочего времени – не тратить его совсем!» Стремясь следовать этому принципу, ибо за экономию рабочего времени полагалась премия, я в основное время забирался на диван в каптёрке и мирно спал. Правда, однажды какая-то сволочь, пока я почивал, завязала на моей голове девчонский бантик и вымазала губы губной помадой. А тут, как на грех, сам Негодяевич пригнал своё авто ремонтировать и долго не мог понять, глядя на меня: что же со мной случилось?

Такая работа хоть и скучноватая, но лучше была только у начальника, ибо у него и зарплата побольше, и кабинет получше. А в остальном-то же, что и у меня. Так что, на такую

работу – грех жаловаться. Как и предупредил меня Гаврилович, главное в ней – не проспать аванс и получку.

После напряжённого дня рабочего я шёл отдыхать в общагу. Но отдыхать часто не давали, ибо соседи часто шлялись в поисках алкогольных напитков и приключений. В дверях появлялась небритая рожа с причёской «смерть фашистским оккупантам» и фонарём под глазом и, разя перегаром, вопрошала:

– И-и-ц-а-е-э?

– ???

Тогда в дверь всовывалась вторая рожа столь же небритая, нечёсанная, но более членораздельно говорящая (а потому – выступающая в качестве переводчика), которая поясняла:

– Он грит: пхме-ли-ц-а е-э-сть?

Я только разводил руками.

– У-у-у! Х-х-х! – бормотала первая рожа.

В это время вторая рожа читала надпись, намалёванную на дверях моей комнаты и поясняла первой:

– Пошли отсюда, здесь казлы живут…

Рожи удалялись в поисках похмела. Неизвестно, находили ли они искомое или нет, но вскоре оттуда, куда удалились искатели доносились глухие удары, крики, грохот падающих тяжёлых предметов. Иногда ситуация имела продолжение: из недр общаги доносился возглас: «Наших бьют!». После этого следовало закрыть двери на два оборота и спрятаться для надёжности под кровать. Коридоры сотрясались от топо-

та каблуков, двери – от ног и кулаков. Снова глухие удары… крики… грохот падающих тяжёлых предметов. Если шум длился слишком долго – через некоторое время у подъезда раздался вой милицейской сирены, топот сапог, щёлкали наручники. Общагу раздирали вопли: «Товарищ милиционер! Я больше не буду-у-у!!» Не бейте меня между но-о-ог!!» Спустя некоторое время по коридору к месту сражения цокали каблучки комендантши, шлёпали тапочки уборщицы. Подсчитывались убытки, велась уборка места побоища. «Сволочи. Педарасы. Ублюдки» – доносились итоговые резюме комендантши.

Близился вечер. После трудового дня общага расслаблялась и на полную мощность включились магнитофоны. Что они извергали – понять было невозможно, ибо все сливалось в одну какофонию, сотрясающую воздух. Порой, сквозь рев магнитофонов пробивалось нестройное пение какой-то подвыпившей компании, истерично выводящей верхние ноты. Периодически все эти звуки перекрывали чьи-то вопли и вскрики. Если эти вопли и вскрики сопровождались ритмичным сотрясением общаги, это значит – кто-то танцевал под магнитофон. Если вопли и вскрики сопровождало хаотичное сотрясение общаги, это значит – танцы перешли в драку. Подтверждением этому служили звон стёкол, грохот падающих предметов, предметы(а иногда – и сами дерущиеся), пролетающие мимо окна с верхних этажей.

Некоторые наивные жильцы пытались приобретать теле-

визоры через прокат или даже на свои кровные. Но существовали они весьма недолго и, чаще всего, в первоочередной драке их надевали кому-нибудь на голову. Нередко телевизоры пропивались собутыльниками владельцев, а ещё чаще – исчезали в неизвестном направлении. Правда, в комнате воспитательницы стоял телевизор, который давался смотреть избранным за коробку конфет, поцелуй руки или ноги.

Когда темнело, из окон общаги спускались десятки канатов, верёвок, простыней, шлангов и т. п. конструкций. С их помощью койкосъёмщики осуществляли транспортировку в свои комнаты друзей и подруг, чтобы не вступать в контакт с вахтёршей, кричащей всем входящим: «Стоять паразит!!!» Правда, как показал опыт, стоило какому-нибудь дерзкому посетителю только рыкнуть на вахтёршу, та в панике бежала и не могла быть найдена несколько дней. Если же дерзких посетителей не было, после 23–00 даже в свою койку иначе как по канату попасть было невозможно: вахтёрши намертво баррикадировали входную дверь и прорваться через неё мог только хорошо выпивший или что-нибудь не то съевший. По верёвкам однажды пришлось транспортировать врача и фельдшера «Скорой помощи», приехавшим к жильцу, которому стало плохо от перепоя. В случае крупной драки ночью приезжавшая милиция проникала в общагу путём вышибания окна в комнате, в которой дрыхла вахтёрша. Та, как правило, спросонья орала на стражей порядка: «Стоять, паразит!» и, как правило, получала в лоб.

Часам к четырём общага, напившись, напевшись, надравшись, утихала, чтобы часа через полтора начать новый трудовой день. Ещё до того, как по радио звучал гимн СССР, в недрах общаги заводили на полную мощность её гимн:

В шумном балагане любят собираться
Жулики бандиты, воры всех мастей.
Кто пришёл напиться, кто пришёл подраться,
Кто пришёл послушать свежих новостей…

Нет, гимном сию мелодию никто не утверждал, просто её слишком регулярно крутили и слишком точно её содержание соответствовало содержанию нашей жизни. Общага начинала выходить из хмельного сна. Врубались другие магнитофоны. Из окон летели бутылки, битые стёкла, по верёвкам и иным спецконструкциям спускались ночные посетители и посетительницы. Воплей, криков и глухих ударов пока не слышалось: жильцы берегли силы на вечер. По коридору бухали сапоги, шлёпали кроссовки, доносились матюги в адрес предстоящей работы. Разя вчерашним перегаром, сверкая свежими фонарями под глазом, общага плелась на работу.

Вокруг общаги повсюду виднелись следы минувшей ночи: по периметру общежития валялись бутылки, банки, склянки, объедки, гантели, гири, майки, носки, трусы, туфли, кроссовки, магнитофоны, транзисторы. Порою, среди мусора валялись тела жителей общаги или их гостей, попутавших

ночью окно с дверью или вышвырнутых в процессе драк. Некоторые тела поднимались сами и плелись на работу или в больницу, других забирала «Скорая помощь». С течением времени до меня начало доходить почему в таком занюханном посёлке такая большая и вечно переполненная больница.

Мне крупно повезло с соседом, ибо мой сосед по койке находился всё время в больнице после крутой пьянки и не допекал меня, подобно тем, кто шлялся по общаге в поисках спиртного и приключений.

Среди хлама вечно валявшегося под окнами большое место занимали трусы и подштанники, а это поначалу наводило меня на всякие пикантные мысли. Но каждый судит в меру своей испорченности, а дело обстояло гораздо прозаичнее. Просто, большинство мужского населения общаги не умело или не хотело стирать предметы мужского туалета и носило их до тех пор, пока они не начинали при установке на горизонтальную поверхность стоять, после чего выбрасывали в окно. Кто-то покупал новые, а кто-то обходился и без старых и без новых.

Порою, общагу пронизывал душераздирающий запах. Это кто-то из мужиков готовил поесть. Хотя, теоретически на каждом этаже общаги имелись кухни с белыми в прошлом (и чёрными ныне) электроплитами, но на всю общагу действовало полторы плиты. Вот на них от случая к случаю готовили, поминутно шибаемые током жильцы нечто:

суп из неощипанной курицы, или яичницу на моторном масле.

Иногда душераздирающий запах, пронизывающий общагу был иного свойства. Это – опять забивались немногочисленные сортиры общаги, что вынуждало её обитателей использовать в качестве общественных туалетов многочисленные плохоосвещённые закутки, а порой, – двери и пороги соседей, не давших на опохмел или давших по морде.

В общем, в общаге жить было можно.

Обжившись в общаге и РММ, я решил дать знать о себе папе с мамой, а заодно попросить денег, ибо деньги едва появлялись, то тотчас или пропивались, или непонятно куда девались. Посему иначе, чем на деньги родителей отсюда я никак не мог уехать. Я вспомнил и о том, что я уехал из дому, оставив маму без сознания. Интересно привёл ли её в себя папа?

И я написал домой письмо. Как там дела? Пришла ли мама в себя? И главное, чтобы прислали деньги на отъезд.

Но в ответ папа прислал грозное письмо о том, что против меня возбудили уголовное дело из-за того, что я оставил в опасности маму и у неё случился отёк лёгких. Маму откачали, но все ещё лежит в больнице. Если я приеду, меня могут арестовать. Но папа может замять дело, если я откажусь от маминого наследства в пользу папы (как раз мама составляет завещание) и заодно выслать деньги на дорогу.

Я стал торговаться с папой, прося выслать сначала деньги,

а потом уж я откажусь от наследства. Папа же стоял на своём.

Отказаться от наследства я никак не хотел, хотя понятия не имел в чем же оно заключается. Тогда папа написал, чтобы я не приезжал, пока не истечёт срок давности моего преступления, дабы меня не арестовали и чтобы до этих пор о деньгах я и не заикался.

Я поинтересовался у неоднократно сидевших членов балдёжной бригады – сколько же этот срок? Мне объяснили, что пятнадцать лет…От таких перспектив я окончательно обалдел. И старательно думал и думал, как же мне найти денег на дорогу, как же доехать до дома, чтобы не арестовали и чтобы от наследства не отказаться. Но ничего не мог придумать.

Но вдруг я вляпался в такие истории, что забыл и о возбуждённом уголовном деле у меня на родине, и о том, что у меня есть родина. Жизнь забила ключом и в основном по голове.

Началось со свадьбы, которую организовал один из наших сослуживцев. Его дружок – он же свидетель, нажрался так, что стал недееспособным и жених, в поисках того, кто бы мог его заменить, наткнулся на меня, спящего в каптёрке. Я занял тотчас вакантное место.

Ещё до того, как выкупить невесту, мы от души нажрались. И, когда отдали подружкам невесты все припасённые для выкупа 15 бутылок водки, то выяснили, что это чужая невеста. Ошиблись спьяну адресом. Как выкупали на-

стоящую невесту – не помню. Очнулся в ЗАГСе. Я должен был где-то расписаться, но расписался не там и пьяная после всех свадебных процессий работница ЗАГСа с криком: «Осёл!», – дала мне по рукам. А я её – по физиономии, она в ответ-тоже. Нас кое-как разняли.

Свадьбу в столовке школы я помню урывками. Гости напились до поросячьего визга и валялись где попало. Один свалился прямо у порога и посетители пьянки, принимая его пиджак за половую тряпку, вытирали на его спине ноги. Другой свалился посреди зала под ноги танцующих и те, чтобы радикально избавиться от помехи танцам, выбросили упавшего на помойку. Третий нажрался до того, что просил закурить у своего изображения в зеркале.

Завуч школы, в столовке которой была организована пьянка, от изрядного количества выпитого слишком расслабилась и запела на всю столовую:

Тракториста полюбила
И взяла, ему дала.
Три недели сиськи мыла
И соляркою ссала…

…и вдруг обнаружила среди гостей свадьбы своих учеников!

Тотчас завуч переменилась в лице и заорала на своих подопечных:

– Как вы здесь оказались?! Вам не место среди этого сбро-

да!!!

Но ученики были столь пьяны, что только могли робко возражать, с трудом шевеля языками:

– Вы-ы-ы не-е-е пра-а-авы…

Кто-то из балдёжной бригады, настолько проникся хулиганскими частушками завуча, что публично воскликнул:

– Как точно про нашу работу спела! Ведь и впрямь после неё и рук и всего остального не помыть! Точно то, что спела будет!..

Жених, приведший меня на этот балаган, посадил меня рядом с невестой стеречь её и дал указание:

– Смотри, чтобы ни с кем не лазила: это такая шалава! А я в сортир схожу…

Он ушёл и больше его никогда никто не видел.

Я ещё сидел некоторое время рядом с невестой и потом свалился под стол. И больше ничего не помню…

Я проснулся от того, что ощутил на моём лице чью-то ногу и вспомнил, что ничего не помню.

Незнакомая комнатушка, незнакомая женщина, одетая в мой пиджак уютно уместила свою пятку на моей физиономии. Женщина с удивлением посмотрела на меня и спросила:

– Ты кто? Муж что ли?

– ?!

– А где тот муж, что вчера был?

– ??!

И тут до меня дошло, что я сплю с невестой со вчерашней свадьбы. Хотя я вчера совершенно не являлся её женихом, но в процессе пьянки каким-то образом оказался её мужем.

Но женщину это обстоятельство волновало меньше всего, её беспокоило другое:

– Слышь, муж, – спросила она, – что-нибудь на опохмел есть?

Я только развёл руками. Женщина фыркнула и пошла искать опохмел. Я с изумлением увидел, что на ней надеты мои вывернутые наизнанку кальсоны, которые в некоторых местах ярко демонстрировали моё безалаберное отношение к правилам личной гигиены. Я хотел посмотреть что же одето на мне, но в этот момент в комнате появилась дама куда более старшего возраста. Она внимательно осмотрела меня со всех сторон и задумчиво изрекла:

– Слушай, зять, ты вроде вчера другой был?

Но и её куда более интересовали иные проблемы, чем соответствие зятя исходным данным:

– Ладно, зять, потом разберёмся, ты лучше бы сбегал за похмелом, а то ни фига не осталось…

– Сейчас бегу! – обрадовался я возникшей возможностью избавиться от дальнейших разбирательств и стремительно ретировался.

А на работе, на которую я опоздал на два часа, меня уже искали вовсю. Может быть, моего двухчасового отсутствия и не заметили бы, но на беду Филька собрался загнать своё

личное авто на ремонт, а моих подопечных балдёжников без меня найти никто не мог. Это взбесило Главного инженера и он потребовал меня на ковёр.

Пока я шёл к Филькину, от предстоящих объяснений и похмелья меня прошиб пот и, первым делом, войдя в его кабинет, расстегнул тулуп. Филькин открыл рот для вступительных матюгов да так и застыл с раззявленным ртом и выпученными глазами. Я выругал себя за то, что так и не посмотрел что на себя напялил, когда обнаружил свои кальсоны на женщине, у которой сегодня проснулся. Под тулупом на мне была белоснежная комбинация, валенки и сильно волосатые ноги. И больше ничего.

– Это… что? Как… понимать? – пробормотал главный инженер.

– Да вот, на работу пришел, соцсоревнование за месяц подвести, – ничего лучшего не придумал я в ответ.

– Да… надо подвести… – промямлил Филькин, не выходя из столбнячного состояния.

– Ну я пойду, – сказал я и, пользуясь бессознательным состоянием главного инженера, выскользнул из кабинета.

Филькин потом спрашивал у секретарши и всех к нему входящих – зачем он вызывал меня, но никто не знал.

Однако мои приключения по пьяному делу на сём не закончились. Спустя несколько дней в конце рабочего дня мой сон прервал заговорщицкий шёпот кого-то из балдёжной бригады:

– Апполон, есть случай тяпнуть. Не откажешься?

Ну как я мог отказаться?!

Однако опасную подоплёку дела я узнал попозже. Дело в том, что на центральном складе члены балдёжной бригады отмечали чей-то день рождения. Закуски было мало, гораздо больше спирта. Но вот никто толком не знал: питьевой он или технический? Поэтому, решили найти малоценного человека, чтобы проверить на нём качество спирта. Если такой человек вдруг протянет ноги, ущерба от этого не будет, ибо спирта было, как говорится «выше крыши». Но вот кого же для пробы напоить? Бесполезных работников в шараге было хоть отбавляй. Например, любой из конторы. Но этот ж такие козлы, что прежде чем ноги протянуть, обязательно сдадут – кто им дал спирт. Можно было попробовать действие спирта на каком-нибудь механике колоны. Но эти архаровцы наловчились пить всякую гадость, включая тормозную жидкость, и за чистоту эксперимента никто ручаться не мог. В результате долгой дискуссии организаторы пьянки пришли к выводу, что наиболее подходящей во всех отношениях кандидатурой для опыта являюсь я. Но об этом я узнал позже.

А тогда я пришёл на центральный склад и кладовщица суперпампушечка Прося протянула на подносе стопарик с дурманяще пахнущей жидкостью и соленый огурец.

Не знаю, был ли спирт питьевой или технический, но после его употребления со мной началось твориться что то

невероятное, из-за чего я утворил ещё более невероятное.

Толстуха Прося, которую невозможно было охватить двумя руками двух человек, годящаяся мне по возрасту в мамы, вдруг превратилась в прекрасную девушку. Ей, по свидетельству очевидцев, я целовал руки, ноги и иные части тела, признавался в любви и читал стихи. Насчёт признания в любви, кажется, так и было. Смутно помню, что что-то целовал. А вот насчёт стихов не помню, ибо после второго стопаря я уже ничего не помнил….

…Я проснулся и с ужасом вспомнил, что ничего не помню. Правда, знакомые замызганные очертания родной общаги вначале успокоили. Но, повернувшись я с ужасом обнаружил, что на узеньком койко-месте рядом со мной горой возвышалась громада Проси. Я стал осторожно пробираться через эту громаду, но Прося проснулась и обняла меня так, что захрустели косточки, а я завопил: «Ой, мама!»

– Аполлоша! Ты такой мужик! Такой мужик! Я с таким лет десять не была! – восхищённо воскликнула Прося.

В это время в дверь резко постучали и голос комендантши резко потребовал:

– Клизма, засранец, открывай!

С перепугу я заорал сам не поняв что:

– Подождите, мы без лифчиков!

Это так возбудило комендантшу, что дверь начали с треском ломать. Торопясь привести себя в божеский вид до того, как выломают дверь, я напялил трусы, оказавшиеся про-

синими, и по размеру, пожалуй, подходившие к категории не то, что «семейных», а «артельных». Чтобы удержать их на своей тощей талии я стал их завязывать в огромные узлы. За сим занятием и застали ворвавшиеся в комнату должностные лица общежития и болельщики.

– Клизма! – вскричала, выпучив глаза на Просю, комендантша, – Ты что, сдурел?! После двадцати двух привести к себе этот комод?!

Комендантша в противоположность Проси была тощей и костлявой, что не было не отмечено Просей, которая заметила:

– Ну, если я комод, то ты доска.

– А ну вон отсюда, шалава! – взбесилась комендантша.

– От шалавы слышу! – ответствовала Прося.

На прощание Прося при всех чмокнула меня, оставив на пол-лица отпечаток губной помады. И, помахав на прощанье пухлой ручкой, пообещала прийти ко мне на работу.

– Если эти злюки не дают нам здесь, будем на работе любовью заниматься, – бросила она, уходя.

После ухода Проси должностные лица общежития со мной провели воспитательно-душещипательную беседу.

– Ты хоть соображаешь, что она тебе в мамы годится? – возмущалась комендантша. – Ты почему на молодых внимания не обращаешь?

– Сколько вокруг девчонок и незамужних, и разведённых, – корила воспитательница, – даже комендант или я, на-

конец…

Я пообещал учесть в следующий раз высказанные мне замечания и предложения, и вообще я больше не буду.

На работу в связи с этими событиями, я снова опоздал на два часа, правда, машины начальству ремонтировать за это время не понадобилось, а потому моего отсутствия никто не заметил.

Но вскоре мне пришлось снова смыться, ибо вовремя заметил, как в мастерскую на всех парах вплыла Прося и понеслась к моей каптёрке. Я вспомнил брошенное ею напоследок пожелание заняться со мною любовью на рабочем месте, и так ясно это представил, что выпрыгнул в окно.

И снова меня не было на работе часа два. Единственный, кто заметил моё отсутствие, был один из водителей. – Блатнов. Его фамилия была, кажется, Бледнов, но, учитывая его специфический образ поведения и работы, фамилию его называли иначе.

Нет, он никогда не бывал в местах лишения свободы, но в отличие чумазых насквозь промазученных водил всегда ходил в чистой одежде, как будто-то работал в балдёжной бригаде, хотя его колымага уже месяца три стояла в полусобранном состоянии. Причём, Блатнов и не собирался её собирать и выезжать до первого перекрёстка, где случится очередная поломка.

– Главный инструмент водителя не баранка, а шариковая ручка, – любил поучать Блатнов начинающих водителей, ко-

павшихся в своих драндулетах и колымагах, – наши развалюхи никогда не починишь, а подписать путёвку можно всегда. Не всегда, конечно, «за спасибо» можно, но всегда подписать возможно.

И, прочитав сии нравоучения, шёл подписывать путёвки за несуществующие рейсы. А когда начальник колонны пришёл к Блатнову с претензиями, дескать, машина четвёртый месяц на ремонте, Блатнов кричал на него на весь цех:

– Какой ещё ремонт, командир! Я каждый день путёвки сдаю! Мне только что ли за путёвку платят! И тебе, командир тоже, кстати. Я разве только для себя, я же для всего УТТ полезное дело делаю!!!

Ну а, поскольку Блатнов химичил и мудрил для общественного блага, а не для личного, то его слишком затянувшийся ремонт руководство старалось не замечать. Другого водилу выпихнули бы с незакрученными гайками на колёсах недели через три ремонта, лишь бы не ухудшил показатели выхода машин на линию. А этого блатного терпели. Блатнова, одним словом.

Так как Блатнов не занимался ремонтом, свободного времени у него было хоть отбавляй и, разумеется, времени для наблюдения за тем, чем другие занимаются – ещё больше. Узрев, что мастер участка текущего ремонта (то бишь, я), имеет больше свободного времени, чем он, Блатнов весьма огорчился. И, как только заметил моё исчезновение с рабочего места в рабочее время, – моментально заложил

об этом Главному механику Гаврилычу за неимением в УТТ на тот момент другого начальника.

…Возвращаясь в свою каптёрку, я нос к носу столкнулся с Гаврилычем. За его спиной маячил сияющий Блатнов, предвкушавший, какие неприятности обрушатся сейчас на того, кому лучше его живётся.

– Аполлон Эдуардович, – строго спросил Гаврилыч, – где тебя хрен в рабочее время носит?

– Хрен, где меня носит?.. – переспросил я Гаврилыча в растерянности.

– Да нет, редька, – уточнил Главный механик.

– Редька?.. – совсем растерялся я.

– Короче, Клизма, – объяснительную на стол, – подытожил беседу Главный механик…

Я растерялся окончательно, но Гаврилыч разъяснил мне:

– Я у тебя в холодильнике бутылочку «Русской» видел…

Ну, такую объяснительную я всегда готов на стол!

…После пары стаканчиков «объяснительной» Главный механик взглянул на стенды с приказами, и, видимо, увидав среди прочих приказ о назначении его наставником молодёжи, решил, что самое время провести со мной наставническую работу.

– Аполлон Эдуардович, – начал Главмех, хрустя огурцом, – то, что тебе присутствовать здесь совсем не нужно, не значит, что ты можешь здесь совсем отсутствовать.

После такого многозначительного вступления Гаврилыч

пропустил третий стаканчик, который вызвал у Гаврилыча воспоминания о сочинениях Н.В. Гоголя:

– Пол, ты читал «Мёртвые души»? Ну, не читал, так в школе «проходил», так сказать. Помнишь, какие меры предлагались помещиками в сём бессмертном сочинении для перегона из одной губернии в другую крестьян и недопущения бардака? Не помнишь, конечно. А меры предлагались оригинальные и неординарные: не надо посылать с крестьянами капитан-исправника, достаточно послать только картуз капитан-исправника, чтобы его видели и боялись. Вот и порядок обеспечен! Понимаю, что ты понимаешь: бардак уже имеет место, он был, и будет, но при полном отсутствии всякого начальства (даже такого символического как ты), бардак придёт к логическому завершению в форме окончательного разложения.

– К чему я это говорю, Пол, – подвёл итог своим мудрствованиям Гаврилыч, – ты, хоть, и роль того «картуза капитан-исправника» исполняешь, но не превращайся в шляпу. В общем, в рабочее время, хоть спи, хоть пей, но на рабочем месте присутствуй! За это же бабки платят! Ты что, выседеть просто восемь часов не можешь?..

Окончив политико-воспитательную работу, Гаврилыч удалился. Наверное, за «объяснительными» других работников.

Я был ещё под впечатлением производственных мудростей Главного механика, как кто-то из балдёжной бригады

крикнул мне в каптёрку:

– Аполло! Возьми трубку – тебя кто-то по селектору спрашивает.

Я поднял трубку.

– Алё! – услышал я голосок Проси, – куда ты прячешься от меня?

– Привет, – буркнул я, недовольный звонком.

– Алё! Алё! – кричала трубка, было слышно как щёлкали тумблера на селекторе, ибо меня слышно не было, что-то со связью не ладилось и Прося лихорадочно пыталась наладить её. Наконец, мой голос был услышан и Прося проворковала:

– Аполоша, солнышко, целую попку!

– Взаимно, моя звёздочка, – буркнул я и чмокнул микрофон телефонной трубки.

Вдруг сквозь застеклённую дверь каптёрки я увидел, что работяги, копавшиеся в своих колымагах, как по команде, скорчившись, попадали в двигатели, смотровые ямы и прямо на грязнущий пол. Это что ещё? Я высунулся из каптёрки и с ужасом услышал, как из репродукторов громкой связи на всю мастерскую разносилось:

– Пол, куда ты опять пропал? Але!

Прося, пытаясь наладить связь, нечаянно включила на селекторе большущий нижний тумблер, приводящий в действие все матюгальники в шараге, и все рабочие и инженерно-технические работники услышали, как мы обменя-

лись поцелуями в задницы. От такого все работяги попадали со смеху (причём, некоторые от этого и травмы получили), в мастерских стояло дикое ржание.

– Прося! – заорал я в трубку, – Ты зачем нижний тумблер трогала?!

Прося, не подозревавшая, что нашу милую беседу слышат сотни ушей, невинно ответствовала:

– Так ведь все мужчины любят, когда им нижний тумблер трогают…

От истерического хохота уже дрожали стёкла.

– Да не о том тумблере речь идёт!!! – взвопил я.

– А о каком?.. – не понимала Прося.

В это время из матюгальников донеслись трёхступенчатые матюги. Это должностные лица шараги, ворвавшись в радиорубку, разъяснили Просе о каком тумблере речь идёт и прекратили трансляцию развлекательной радиопередачи.

После этого выходить через дверь мне было просто невозможно и я снова улизнул через окно. Теперь уже до конца рабочего дня.

На следующий день я с опаской пробрался в каптерку, озираясь – не маячат ли поблизости Гаврилыч, Блатнов или Филька и, вспоминая вчерашние наставления Гаврилыча. Ну надо же, даже в качестве «картуза капитан-исправника» посидеть на рабочем месте не могу, что теперь Главмех мне скажет?! Да как на грех «объяснительных» в морлавке я не купил…

Но никто мне претензий предъявить не спешил. А балдежники успокоили:

– Да кто там тобой будет интересоваться?! Вон, Негодяя уже неделю чёрт знает где носит, никто не знает. Так тоже никто не интересуется. Ведь не понять – есть он, нет его в шараге: что он есть, что его нет – один хрен!

Как хорошо, что в нашей шарашкиной конторе невозможно понять есть начальство или нет!

Но мои приключения из-за приключения с Просей не закончились. На следующий день я ещё не дошёл до мастерских, как увидел – на меня с перекошенным от злобы лицом, длинной трубой наперевес и воинственным воплем: «Убью засранца!!!» – несётся какой-то мужичок. Прежде, чем мои мозги сообразили, что это за безобразие происходит, ноги сообразили гораздо быстрее, что надо делать ноги и понесли меня от нападающего со страшной скоростью. И бежал я куда глаза глядят, забежав километров за десять от нашей шараги, где с разгону проломил дощатый забор какой-то другой шараги и поднял на ноги всех собак, обитавших за забором. Теперь собаки гнали меня почти до самой родной каптерки, а мужичка с трубой и след простыл.

Отдышавшись, я всё никак не мог сообразить, что это за свирепый мужичок гонялся за мной. Но всё разъяснилось довольно быстро.

За дверью я услышал ехидное резюме кого-то из балдёжной бригады:

– Звёздочка идёт попку нашему солнышку целовать…

«Звёздочка», с трудом протискиваясь своей огромной тушей через дверь, заголосила с порога:

– Аполоша, отпусти моего мужа!

– ?

– Его милиция забрала из-за тебя!

– ??

– Он за тобой с трубой гонялся…

– А-а-а, этот псих, – дошло до меня.

Прося, наконец, полностью протиснулась сквозь дверь и чуть не бросилась мне на шею с возгласом:

– Скажи милиции, чтобы она его отпустила.

– Чтобы он мне трубой заехал? – стал отбиваться я от просьбы.

– Аполлоша, если ты меня любишь… – начала ныть Прося, а я увидел, как через стекло двери скалили зубы члены балдёжной бригады, и понял, что надо заканчивать представление.

– Ладно, схожу, попрошу, – уверил я Просю и вежливо выпроводил из каптерки, с трудом пропихнув через узкую дверь.

Разумеется, я никуда не пошел, хотя милиция долго искала меня как потерпевшего, но найти не могла. Может быть, поэтому, мужа Проси не стали привлекать к уголовной ответственности, а ограничились административным арестом на 10 суток.

Но мои приключения из-за приключения с Просей и на этом не закончились и имели интересное продолжение.

Недели через две от традиционного сна меня подняло настоятельное приглашение по громкой связи пройти на заседание комитета комсомола. Поднять меня подняли, но разбудить не удосужились и, явившись на заседание, я продолжал мирно посапывать в уголке. Тем временем комитет комсомола разбирал поведение некоторых комсомольцев на свадьбе, после которой я проснулся с чужой женой. Проштрафившиеся бормотали слова оправдания, комитет комсомола бубнил слова порицания, а я под эти убаюкивающие мелодии, следуя своему условному рефлексу, мирно дремал.

Но в конце концов ото сна меня привели в чувство официальное обращение: «Клизма, проснитесь!», а также неофициальный пинок в зад: «Хватит дрыхнуть, засранец!». Я продрал глаза, оправдываясь, что, дескать, с работой совсем замотался и не хватает времени выспаться.

– Клизма, – обратился официальным тоном секретарь комитета комсомола, – Вам известно зачем Вас вызвали?

Я начал лепетать, что не буду так на свадьбах вести себя, отчего у комитета комсомола вытянулись в недоумении лица:

– Так ты и на свадьбе отличился? – удивился секретарь комитета и начал рыться в пачке доносов, на основании которых разбирали поведение предыдущих проштрафившихся, – да нет, замечен не был…

Видя, что сам себя могу сдать, я поспешил пояснить свои слова:

– Да я так – на всякий случай…

Видимо, моё пояснение было принято и мне стали объяснять зачем я приглашен, протянув для ознакомления папку с каллиграфической надписью на обложке: «Аморальное поведение Клизмы А. Э.».

Первым документом в сей папке была докладная мужа Проси на имя Негодяевича.

Начальнику
Управления технологического
транспорта № 2 Николаеву Н. Н.
от мастера моторного участка
Дурова Леонида Ильича

ДОКЛАДНАЯ

Довожу до Вашего сведения, что 1 октября сего года, прийдя домой после работы, обнаружил, что моя супруга Дурова Просдоха Емпистадоровна, кладовщица центрального склада находится в ненадлежащем месте.

По оперативной информации соседей и работников центрального склада, а также на основе визуального наблюдения через замочную скважину комнаты № 13 в общежитии № 2, мною было установлено, что Дурова П. Е. находится в интимных отношениях

с мастером участка текущего ремонта РММ Клизмой Аполлоном Эдуардовичем, который совершил увод Дуровой от меня посредством соблазнения с целью интимных связей и совместного проживания.

Таким образом, своим поведением Клизма А. Э. разрушил советскую семью, чем нанёс существенный ущерб семейным отношениям советского общества в целом.

На основании вышеизложенного прошу привести в надлежащее состояние семейные отношения меня и Дуровой П. Е. путём принудительного привода Дуровой П. Е. домой и осуществление соответствующих мер воздействия, предусмотренных законом, к Клизме А. Э.

На углу сего документа красовалась резолюция Негодяевича: «Профком-обеспечить привод, Камитет камсамола, женсовет-разобраца»!

Далее в папке лежала объяснительная Леонида Ильича в связи с его арестом милицией

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Утром 3 октября сего года в районе РММ я обнаружил мастера участка текущего ремонта РММ Клизму А, Э., совершившего два дня до этого увод моей супруги Дурневой П.Е..Находясь в состоянии

аффекта, вызванного противозаконным и аморальным поведением Клизмы А.Э., я, вооружась отрезком трубы диаметром 1\2 дюйма длиной около 2 метров, осуществил нападение на Клизму А.Э., с целью нанесения последнему телесных повреждений.

В процессе преследования Клизма А.Э. развил скорость технически недостижимую для меня и оказался вне пределов моей досягаемости. В процессе преследования, развив большую скорость, я не справился со своим управлением и совершил столкновение с патрульной автомашиной районного отделения милиции УАЗ-452, нанеся последнему материальный ущерб. По этому факту по решению районного народного суда я был подвергнут административному аресту сроком на 10 суток, что и стало причиной моего отсутствия на работе.

Резолюция Негодяевича гласила: «ГЛ. инженер-приказы за прогул и ущерб».

Далее шли материалы парткома, на котором Дурневу влепили за «недостойное коммуниста хулиганское поведение на почве ревности» строгий выговор с занесением в учётную карточку. Потом в папке лежал приказ по УТТ об удержании с Леонида Ильича стоимости утерянной при аресте трубы и строгом выговоре с лишением 100 % премии за «хулиганское поведение в рабочее время».

Бедный Леонид Ильич! Надо же было связаться ему со мной, а мне с его женой!

Потом шёл интересный материал заседания женсовета, на котором разбиралось поведение Просдохи Емпистадоровны. Незамужние и разведенные члены женсовета больше возмущались не поведением Проси, а тем, что я не, обращая внимания на незамужних и разведённых, связался с женщиной мне в мамы годящейся. Много интересовались тем, чем же Прося завлекла меня, хотя, по идее, ничем завлечь не могла. Очень интересовались, чем же мы с Просей занимались и как занимались. А Прося твердила, что просто по пьянке спутала меня с законным мужем и ничего не помнит. В итоге Просе за «поведение в быту» было «указано» женсоветом.

Теперь предстояло разбираться со мной и принимать в соответствии с резолюцией Негодяевича «меры воздействия». Я уже спешно соображал, какое придумать приличное объяснение своему неприличному поведению, как вдруг в дверях появился наш заботливый председатель профкома:

– Мужики и дамы, я кур, колбасу и конфеты привёз!

Комитет комсомола дружно вскочил, схватившись за кошельки, но спохватился, вспомнив обо мне. Со мной надо было что-то срочно делать. И наш комсорг нашелся:

– Слушайте, друзья, – обратился он к присутствующим, – все вы всё прочитали по Клизме, так что объяснять нечего. Он и сам малость пострадал: муж Проси за ним с трубой гонялся, мог запросто и убить. Виновата больше кладовщица: нечего женщине столько пить, что своего мужика с чужим

путать. В общем, ставим тебе, Клизма, на вид. Ты не против?

Ну как я мог быть против?!

И комитет комсомола, сшибая друг-друга, побежал занимать очередь.

Целый день я пялился на все, что ни было у меня на виду, пытаясь понять – что же поставил мне «на вид» комитет комсомола. Но так и не мог понять. А под конец дня ко мне заявился комсорг. Я поначалу пытался спрятаться от визитера, думая, что он собирается мне что-нибудь ещё поставить или вставить. Но настроение у комсорга было совсем другое.

– Да не прячься, Пол, – комсорг дружелюбно подмигнул, – между нами, мужиками говоря, тебе не помочь ли в знакомстве с бабами?

Я только пожал плечами.

– Ну, Пол, я вижу, что нужно, – продолжал комсорг, – это уже видно, что у тебя проблемы, раз уж связываешься с бабулями, а потом за тобой деды с трубами бегают.

Тема разговора была очень неприятная, но гнать комсорга было как то неудобно: какое-никакое, а начальство всё-таки.

– Так вот, Пол, я хочу дать один адресок одного кооператива, который это дело организует во всесоюзном масштабе, – и комсорг протянул карточку некоего кооператива «Счастье», – бери-бери, а там посмотришь сам: хочешь жену, хочешь просто бабу найдёшь.

– Спасибо, – промямлил я, не понимая причину такой доброты, но она очень скоро прояснилась.

– Из «спасибо» шубы не сошьёшь, – заметил комсорг и перешёл к тому, зачем пришёл, – Пол, организуй балдёжку подрихтовать мой «Жигуль».

Я только и пробурчал: «С этого и надо было начинать…»

С трудом откопав из всяких закутков членов балдёжной бригады, я ещё с большим трудом мобилизовал их на ремонт машины комсорга. Однако, внезапно в РММ заявился Филька, который обнаружил ремонтируемую личную машину секретаря комитета комсомола и немедленно выгнал. А мне, чтобы неповадно было организовывать в рабочее время ремонты личных машин всяких тут шляющихся, – лишил 50 % премии. После этого загнал на ремонт свою машину да ещё срочно заставил делать отчёт и итоги соцсоревнования.

Дорого мне обошёлся адрес кооператива, который дал мне комсорг. Мало того, что меня лишили 50 % премии, после того, как я заявился по указанному в визитке адресу, меня потребовали внести ещё 50 рублей за предстоявшие услуги.

После того, как я принёс квитанцию об уплате, только тогда со мной начали разговаривать. Представлял «региональное представительство кооператива» интеллигентный, слегка скрюченный радикулитом дедушка, представившийся Аристарховичем.

– Э-хе-хе, – пробормотал дедушка, – вы не смотрите на меня, как на старого некомпетентного хрена. Я в молодости таким был хреном, что у-у-у! Поэтому у меня опыт в де-

лах любовных о-о-о! И как старого кобеля меня поставили на этот пост. Так что, молодой человек, мы с Вами общий язык найдём.

Дедушка хотел похлопать меня по плечу, но ойкнул, ибо радикулит заклинил его ещё больше.

Потом мы с Аристарховичем остограмились за знакомство и сели заполнять какие-то анкеты. Лучше бы мы сделали это в обратном порядке, потому, что я так и не понял толком, что же я заполнял.

– Слева твои данные, справа – кандидатуры, – услужливо пояснил Аристархович, когда я собрался что-то пометить в анкете.

– Какой «кандидатуры»? – удивился я.

– Это та, которую ты хочешь женой иметь, будет называться «кандидатурой», а для неё – ты «кандидатурой» будешь, – пояснил дед.

– Да не жену хочу, мне бы бабу бы просто…

– Ну потом сам разберешься, а сейчас главное, – анкету заполняй.

Потом мы ещё раз остограмились и я вообще оказался не в состоянии заполнять анкету. Аристархович взялся довести это трудное дело до конца. Но после употребления алкоголя начал сам путаться в анкетах и стал спрашивать меня:

– Так, слева твои, а справа – кандидатуры или – наоборот?

– Да пиши уж что-нибудь… – махнул я рукой.

Что там заполнял Аристархович, я не знаю по сей день.

Но, по-видимому, он написал нечто, ибо после того, как анкеты отправились на обработку на ЭВМ, ко мне пришло письмо на фирменном бланке.

«Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. Львовское производственное объединение «Львовхимсельмаш»», – красовалось на бланке. Я опешил. Но окончательно обалдел, когда прочитал чуть ниже аршинными буквами: «Кооператив «Счастье». Чем, интересно, занимался этот кооператив в Министерстве тракторного и сельскохозяйственного машиностроения?

«Уважаемый тов. Клизма А.Э.! – говорилось в письме, – В связи с тем, что у нас есть возможность предложить Вам большее число кандидатур, отвечающее вашим требованиям, просим подтвердить Вашу готовность ответить каждой из них. В случае Вашего желания ограничиться каким-то определённым числом кандидатур, – просим указать это число.»

А я и не знал, что и писать, ибо сам не знал, какие мои требования к кандидатурам, поскольку их писал Аристархович, а не я. Поначалу пытался найти «региональное отделение» «Счастья», но найти не мог, ибо, однажды побывав там, так напился на халяву с Аристарховичем, что и дороги не помнил. Пока я соображал как дальше быть, в «Счастье» решили, что молчание – знак согласия и мне пришли письма от кандидатур. Целых двенадцать! С фотографиями.

Из Киева от Светы, из Ташкента от Вики, из Москвы

от Эллы, из Ленинграда от Кати, из Свердловска от Тани, из Ульяновска от Марины, из Костромской области от Насти, из Волгограда от Стеллы, из Горького от Зины, из Саратова от Наташи и Нины. Вот это да!!!

Зина уже успела побывать замужем, родить сына и развестись. Света и Вика ещё не успели развестись, но обещали сделать это, если я окажусь лучше, чем их «нищие и вечно пьяные скоты». Остальные писали, что в «законном браке не состоят», но состоят ли в незаконном – не писали.

Кандидатуры были очень и очень разные. Судя по фотографиям, все были красавицами. Но, вот только, когда я присмотрелся, то обнаружил, что почти все фотографии – наших известных актрис. Некоторые забыли даже содрать с обратной стороны типографский шрифт с фамилиями. Зина прислала фотографию какой-то фотомодели из какого-то журнала.

Разброс в возрастах был большой. Зине было 45, а Элле – 17. Кто кем работал я толком и не понял. Зина работала официанткой. Элла была ещё школьницей. Таня написала, что является представительницей самой древней и самой любимой мужчинами профессии (какой именно – не пойму до сих пор). Остальные писали, что мечтают стать актрисами, фотомоделями, начальницами отдела торговли или, на худой конец, директорами магазинов.

Но вот, что интересно: все, хотя меня в глаза не видели, писали, что страстно любят меня и хотят от меня детей. И са-

мое интересное и главное: все спрашивали: когда же я получу квартиру и куплю машину? Что же, в самом деле написал в анкетах обо мне Аристархович?!

То, что кандидатуры любят меня, у меня сразу возникли серьёзные сомнения. Но то, что их интересуют квартира и машина, – это стало ясно сразу.

Но вот, что делать, если квартирой тут не пахло лет на двадцать вперёд. Половина жителей здесь жила в сараях, именуемых «балками» и, потому, как они были изнутри окрашены или оклеены обоями, то в этих сараях давали прописку. Другая половина жила в общагах, подобных моей, или даже хуже. И те, и другие стояли в очереди на квартиру лет по двадцать и в перспективе – ещё столько же.

А на машину копить надо, наверное столько же, сколько на «большой земле», а если пить побольше, то и копить – подольше.

Но столь горькую правду я написать был не в силах, ибо понимал, что интерес ко мне сразу пропадёт. А посему решил, что писать правду не надо.

Теперь я ходил на работу не только и не столько спать, сколько сочинять письма моим кандидатурам. Систематическое составление отчётов и подведение итогов соцсоревнования весьма развило фантазию, но на всех мне фантазии не хватало, пришлось взять несколько книжек классиков и переписывать из них целые куски…

И получилось нечто очень и очень оригинальное.

«Моя симфония, моя какофония!
Целую попку, пятку и левую лопатку
Буду век тебя любить,
Постараюсь не забыть!
Если буду забывать,
Ты напомни мне опять…»

И так далее, в том же духе. Всем кандидатурам!

Очень скоро пришли ответы. Почти все восторгались моими посланиями. «Какой высокий стиль» – писала Катя «О, какие слова!» – восхищалась Света. «Я балдею!» – восклицала Элла. Только Марина написала, что не желает продолжать знакомство с человеком, который, по всей видимости, состоит на учёте в психдиспансере, но попросила сообщить, когда же я получу квартиру.

И закрутилась-завертелась переписка. Я даже не знал, как это интересно! Вначале я писал письма под копирку, но быстро понял, что это слишком быстро. Полдня – и готово. А потом что? Спать? Нет, это уже неинтересно. Лучше уж каждой отдельно. На целую рабочую неделю растянуть можно.

Теперь уж я не опасался, что меня застукают спящим и привяжут девчоночный бантик. Я сидел в своей каптерке, обложившись книгами, журналами и переписывал-писал. Балдёжная бригада, увидев это, вначале испугалась, подумала, что я начал работать.

– Пол, – с опаской спрашивали они, – чё случилось?

– Да ничё, – успокаивал их я, – по личным делам пишу.

– А-а-а, ну тогда ничё, – радостно тянули балдёжники и разбредались по своим закуткам.

Водители тоже с опаской поглядывали на мою каптёрку, предполагая, что я занялся делом и теперь меня даже ругать не за что. Я этим пользовался и, когда какой-нибудь водитель заявлялся ко мне со своими проблемами отсутствия запчастей, я грозно сверкал глазами и резко выпроваживал просителя:

– Не мешай работать!

И водитель с пониманием удалялся.

Своего ума, конечно, не хватало. Пришлось брать тексты прочитанных книг и перерабатывать. Получалось нечто невероятное и запоминающееся.

«Вчера я прилетел на дельтаплане из Занзибара. Измученный борьбой с холерой, засел в сортире и, пока моё бренное тело освобождается от груза грехов, пишу сие послание…»

Кандидатуры по-прежнему восхищались моим стилем и в каждом письме спрашивали когда же будут квартира и машина, а я в каждом письме писал, что очень скоро.

Света написала, что развелась с мужем и ждёт-не дождется, когда же я заберу её с собой. А вот с другой замужней кандидатурой Викой получилась накладка. Пришло ругательное письмо от её супруга, в котором он сообщил, что оборвал Вике уши, а если я продолжу переписку, то приедет ко мне

и оборвёт мне кое-что. Я испугался и перестал писать Вике письма, хотя Вика писала и спрашивала, когда же я получу квартиру.

Я использовал всех классиков в письмах и перешёл на фантастику, не забывая вплести в письме и земное.

«…Я вылетел вчера в обеденный перерыв в сторону Альфа Центавра и на подходе к созвездию Стрельца увидел, что ларёк по приёму посуды закрыт. Пришлось разворачивать звездолёт, задевая астероиды и разгоняя очередь за пивом…»

Но мои кандидатуры вообще-то почти не обращали внимания на изыски стиля, а больше интересовались деталями получения мною квартиры и покупки машины.

Оля написала, что на «двух супругов двухкомнатную не дадут» и поэтому надо «подумать и о третьем». А потом и другие кандидатуры начали высказать на этот счёт подобные Олиным соображения с пожеланиями до получения квартиры оформить брак и забеременеть. А Таня разоткровенничалась больше всех и, развивая идеи Оли и прочих кандидатур, довела их до интересного завершения: «когда разводиться будем, однокомнатную квартиру не разменяешь…»

А тут пришла весна. Снег, не убиравшийся всю зиму начал таять и залил наше РММ. До моей каптёрки вода не дошла, хотя ходить на работу и с работы приходилось через окно. А водилы ремонтировали свои колымаги по колено

в воде, на волнах которой плескались щепки, всякий мусор и изобилие экскрементов, вымытых со всех углов талыми водами. Начальство периодически звонило и спрашивало как мы боремся со стихией. А я отвечал, сочиняя очередное послание какой-нибудь кандидатуре, что стойко переносим тяготы и лишения. Начальство подбадривало и намекало, чтоб я принял какие-нибудь меры для откачки, ибо личные машины начальства требовали срочного ремонта. Заодно мне не забывали напомнить про месячный отчёт и итоги соцсоревнования.

Я ничего не предпринимал, ибо не мог найти подопечную мне балдёжную бригаду, которая из-за затопления мест их сна и пьянства разбрелась в неустановленном направлении. Начальство злилось и собиралось из-за неприятия мною никаких мер принять меры ко мне. Настроение совсем испортилось, из-за чего я даже перестал сочинять новые письма своим кандидатурам…

Внезапно бабуля из отдела кадров сообщила удивительную новость:

– Клизма, а у Вас по графику с сегодня отпуск.

От радости я так обалдел, что расцеловал бабулю в губки, а бабуля от этого так обалдела, что завопила:

– Клизма! Да вы что, совсем окобелели!!!

Но отпуск оформила.

И я, бросив на произвол судьбы затопленные мастерские, бросился в поездку по стране, – объезжать моих кандида-

тур. Не ехать же мне домой, где меня ждёт уголовное дело и папа с требованием отказа от наследства. Благо, времени на отпуск давали всем работникам, – и тем, кто спал в рабочее время, и тем, кто на работе корячился по колено в воде, аж 45 дней.

Я накупил всем кандидатурам в подарок наборы косметики, написав на каждом, чтобы не попутать: «Таня», «Нина» и т. д. И поехал.

Вот эта была поездка!

Начиналось все с вручения подарка, – косметического набора. Я долго рылся в чемодане в поисках набора с нужным именем, после чего кандидатуры сами лезли в мой чемодан, ища своё имя. Но найдя только набор и ничего более со своим именем, ужасно огорчались. «Только и всего, – ныли они, – с Севера приехал все-таки, там у Вас лопатой деньги гребут, мог бы и че-нибудь подороже…»

Потом, как правило, мои кандидатуры, предлагали сводить их ресторан, откуда, как правило, уже сами идти были не в состоянии. Из-за этого обычно приходилось нанимать такси и перевозить тело кандидатуры домой. А дома оттаскивать их в место, где они могли лежать и никуда не укатиться.

На следующий день программа визита продолжалась, а, точнее, повторялась с той лишь разницей, что кандидатуры не ждали подарка от меня, а сами требовали, чтобы я купил вот ту или ту штуковину в качестве подарка.

Когда я чувствовал, что денег на все кандидатуры может и не хватить, я спешно завершал очередной визит, обещая скорую встречу на месте моего постоянного места жительства. И ехал к следующей кандидатуре.

Правда, не обходилось без накладок. Я частенько путался и называл Эллу – Катей, Катю – Таней и т. п. Но кандидатуры реагировали тактично – иногда поправляли, иногда не замечали. Я же в свою очередь тактично реагировал, когда кандидатуры называли меня Лёшей, Гарри, Костей и т. п., тоже, либо не замечая, либо поправляя.

Были и накладки посерьезней. Я привёз в подарок Зине косметический набор, а её сыну-водяной пистолет. Но перепутал, что и кому надо дарить. Сын Зины раскрасился до неузнаваемости тенями и тушью из набора, а Зина потащила водяной пистолет на работу, где стала обливать из него начальство. Начальство пригрозило Зине увольнением. Зина на радостях сообщила: «Меня скоро выгонят, значит к тебе поедем!..» Уж не помню, как я увещевал Зину, но с большим трудом уговорил прекратить хулиганство на работе.

Но самая серьёзная накладка вышла в Саратове, где жили две кандидатуры – Наташа и Нина. Простившись с Ниной на одном конце вокзала, и, пройдя на его другой конец, я встретился с Наташей. И уже, идя с ней по городу, вдруг увидел, как навстречу идёт Нина тоже под руку с другим мужчиной (наверное, другой кандидатурой). Я так опешил, что не знал, что и делать, пока мы не поравнялись, вежливо

поздоровались и пошли дальше. Мы с Наташей – в один ресторан, а Нина с другой кандидатурой – в другой.

Ну а вообще, я отдохнул прекрасно и, растратив все отпускные, вернулся в нашу шарагу. К этому времени вода в РММ давно высохла, балдёжная бригада снова возвратилась к местам своего сна и пьянки, а начальство отремонтировало свои машины. Отчёт и итоги соцсоревнования сделал за меня мастер какого-то другого участка. Благодать!

По традиции нашей шараги и общаги, я занял бабок и бурно отметил свой выход на работу, основательно споив РММ и общагу. После этого снова надо было искать бабки для пропитания и иные нужды проживания. У меня болела голова от дум у кого же занять грошей, а от похмелья после обмытия выхода на работу болело все остальное. И в таком состоянии духа и тела я пытался прочесть полученное первое после поездки письмо от кандидатуры – Светы. Кажется, она была первой на пути моего путешествия по кандидатурам.

Что за ерунду она пишет: «Лапулечка, ты будешь папулечкой!»

Алкоголь после вчерашней пьянки ещё не весь покинул мои мозги и не давал понять смысл сей фразы. Но когда смысл до меня дошёл, то хмель начал экстренно покидать мои мозги, а когда я прочёл последнюю фразу: «Я пакую чемоданы и еду к тебе», я протрезвел окончательно. Этого мне ещё не хватало!!!.

Целую ночь я писал Свете письмо, ласково убеждая распаковать чемоданы и подождать, пока я не получу квартиру, что будет довольно скоро, ордер вот-вот подпишут.

На следующий день я получил вызов на телефонные переговоры с Ленинградом. Лишь только дали связь, как я услышал в трубке: «Лапулечка, ты будешь папулечкой!»

– Знаю уже, – буркнул я.

– Откуда ты можешь знать? – удивилась трубка.

И тут до меня дошло, что говорит уже другая кандидатура, – Катя, отчего я потерял дар речи. А трубка продолжала ворковать:

– Мне врач говорит: «Поздравляю, залетела!» А я этого так хотела, так хотела! Вообщем, Аполлоша, собираю чемоданчик…

И тут я, обретая дар речи, заорал в трубку:

– Не надо!!!

…отчего дар речи потеряла Катя. А пока он не возвратился, я успел выпалить про скорое ожидание ордера на квартиру и воззвать разобрать чемоданчик.

– Ладно, Пол, я подожду, – согласилась Катя, – но, как ордер получишь, обязательно сообщи.

Придя домой с переговоров, я обнаружил письмо от Зины. Я прочёл первое, что накалякала Зина: «Аполлоша, сегодня мы с сыном придумывали имя его братику или сестричке, которые у нас с тобой наметились», – и упал в обморок.

Потом в один день пришли письма от Эллы, Тани, Насти,

Стеллы. С такой же информацией. После этого у меня с неделю было на нервной почве расстройство кишечника.

А когда пришли письма от Киры, Наташи и Нины, то у меня начал дёргаться левый глаз и каждый час ни с того ни с сего вдруг вырывалось непроизвольное похихикивание.

Когда я отошёл от обмороков, поносов и нервных тиков, то пришёл к твёрдому убеждению: бежать куда глаза глядят. И пошёл подавать заявление на увольнение. Но бабуля кадровичка, снисходительно улыбнувшись, ответила на мои поползновения:

– Фигушки, милый, фигушки. У тебя договор на 3 года, так что, только по истечении срока…

– Так это же кабала!!! – воскликнул я.

– Ты сам договор подписал.

– Я не подписывал, меня вынудили.

– Сам виноват, если вынудить смогли.

– А, если, у меня чрезвычайные обстоятельства!?

– Какие же у тебя обстоятельства? – бабуля с любопытством уставилась на меня.

Я было открыл рот, но вовремя понял, что надо его немедленно закрыть и выскочил из отдела кадров. Ладно, не дают увольняться, убегу и так не увольняясь. Но для того чтобы убежать, вернее уехать, – денег надо, а я после отпуска и попоек позанимал их уже больше, чем надо и никто больше не хотел занимать…

Я представил картину приезда хотя бы одной из моих кан-

дидатур и снова упал в обморок.

Когда я очнулся, то решил, что пока надо всеми силами удержать мои кандидатуры на местах их жительства, а потом, насобирав денег, рвануть отсюда подальше, чтоб с собаками не нашли. И спешно засел за письма. Я уже не писал всякую галиматью о полётах на дельтаплане в Занзибар, а стал писать другую галиматью, – о предстоящей выдаче ордера на квартиру, в которую моим кандидатурам следует въехать только после родов и беречь себя и будущего дитя от дальних переездов.

И тут все кандидатуры начали писать и слать телеграммы с требованиями заключить их в ордер. Хотя, без прописки это было сделать невозможно, все кандидатуры в один голос вопили: «За бабки все можно!» и давали указания кому и как давать. Наконец я написал, что в ордер их уже вписал. Тогда кандидатуры принялись обрабатывать меня на предмет покупки машины. Некоторые требовали, чтобы я сразу составил доверенность на них, а Элла потребовала, чтобы я написал в доверенности право продажи ею будущего автомобиля. Дальше всех пошла Таня, потребовавшая, чтобы автомобиль оформлялся сразу на неё.

Я тянул время, чтобы собрать денег и убежать, куда глаза глядят. Но, как только деньги появлялись, они немедленно пропивались и все никак не собирались. Плюс ко всему балдёжная бригада стала заваливать планы – это из-за нервотрёпки у меня пропала фантазия и я никак не мог толком

ни отчёт сфантазировать, ни итоги соцсоревнования придумать.

В своих письмах, мои кандидатуры только дают указания о машине и квартире и совсем не вспоминают, что они «в положении», а потому, я начал подозревать, что это все враки. Но, то в одном, то в другом письме от кандидатур это обстоятельство начало вставать снова. «Не рановато ли мы собираемся детей иметь?» – спросила 45-летняя Зина. Таня, как всегда выразилась наиболее откровенно: «Хата есть, тачка есть – нафига нам дети!?»

Время шло, я никак не мог собрать денег для отъезда, а мои кандидатуры вновь подняли тему их приезда. Я всеми силами их отговаривал и убеждал, что приезжать непременно надо во вновь полученную квартиру, которую я получу вот-вот. Кандидатуры уже кричали в письмах: «Когда же это твоё «вот-вот» наступит?!!». А я тянул и тянул это «вот-вот» почти полгода.

Внезапно ко мне в каптёрку заявилась дама, которая являлась мамой той дамы, у которой я проснулся вместо её жениха после свадьбы.

– Слушай зять, – с порога заявила она, – пелёнки будем стирать или алименты платить будем?

– ??

– Моя Галка родила.

– А я тут причем, у неё муж есть? – искренне изумился я.

– Мужа у неё с самой свадьбы нет, как пошёл в сортир

со свадьбы, так уже год с лишнем не возвратился.

– Так Вы в сортире поищите, может, там валяется.

– Да у нас в посёлке отродясь сортиров не было, все в кустики или друг другу под окна ходят!

– Ну а я то причём?! – не мог понять я.

– Да то, что Галка моя с тобой после свадьбы проснулась и в аккурат через девять месяцев родила.

– Чепуха, я просто последний был, – пытался я возражать, но дама была настроена решительно и агрессивно.

– Так ты будешь, засранец, стирать пелёнки или нет!!? Я уже задолбалась за корытом стоять, пока Галка то пьяная, то в загуле! Теперь ты ещё начинаешь…

Я увидел, что за стеклянной дверью собирается толпа зрителей и понял, что пора кончать спектакль. И, схватив агрессивную даму за шиворот, решительно выпихнул из кабинета. Дама рычала, ругалась, кусалась, но вынуждена была отступить. На прощание она пригрозила:

– Я тебе устрою такое, что долго помнить будешь! Я на почте работаю, я про тебя всё знаю!

По своей глупости я угрозы не понял. А надо бы было…

Эта агрессивная дама, действительно, работала на почте и обратила внимание на ту лавину писем, которая циркулировала между мной и моими кандидатурами. Женское любопытство не давало ей спокойно взирать на странную переписку и заставило заглянуть внутрь писем. Так что о моём интересном положении из-за интересного положения моих

кандидатур ей было известно досконально.

Спустя несколько дней, возвращаясь в общагу, я увидел как возле неё собралась огромная галдящая толпа. Интересно, что там за ЧП случилось? Я побежал скорее взглянуть, а когда взглянул, то побежал ещё быстрее, только в обратную сторону. В центре взбудораженной толпы стояли все 10 моих кандидатур с явными признаками беременности и очень громко и очень нецензурно обсуждали мою кандидатуру. Несколько дней назад все они получили, якобы, отправленные мною телеграммы: «Срочно приезжай». И все приехали… Как по закону подлости – все в один день!

Толпа бурлила, женщины возмущались, а мужчины восхищались мной.

А я бежал и бежал, пока не опомнился от страха и увидел, что заблудился в тайге. Почти всю ночь я выбирался из леса и утром заявился в шарагу, надеясь отоспаться на работе. Но не тут то было. По матюгальнику меня вызвал Филька. Полусонный я открыл дверь кабинета главного инженера, поднял, было, ногу, дабы войти … Да так застыл с поднятой ногой!

В кабинете Фильки сидели 10 моих кандидатур и продолжали обсуждать мою кандидатуру. Правда, обсуждали не столько и не сколько меня, сколько жилищные и автомобильные проблемы, связанные со мною.

– …Нам такой пидарас не нужен, а вот с квартирами и машинами нам надо бы разобраться, – держала речь Зина, –

и неплохо бы, чтобы Ваше предприятие выделило нам их в первоочередном порядке, как пострадавшим от Вашего работника.

– Девочки, – пытался урезонить их Филька, – это совершенно исключено…

И вдруг какая-то из девочек, увидев в дверях меня, взвопила:

– Вот он, засранец!!!

Реакция у меня сработала быстрее, чем у лётчика, свалившегося в штопор. Задним ходом я пулей вылетел из кабинета в приёмную и даже успел припереть дверь перед разъярённой толпой двухтумбовым столом секретарши. В дверях приёмной я чуть не сшиб с ног Негодяя, но времени на извинения не было, я ринулся к выходу из конторы. Остановившись перевести дух на крыльце, я с изумлением услышал, как из окна приёмной доносятся дикие вопли, а вся контора сотрясается от страшных ударов. Оказывается, мои кандидатуры, снесли мою баррикаду и, выскочив в приемную, в азарте и ненависти приняли первую попавшуюся мужскую фигуру Негодяевича за мою фигуру. Негодяй был повален на пол и беременные девочки обрушили на него всю злобу на меня.

– Мама! Мамочка!!! – криичал Негодяй Негодяевич.

Филька, видимо, с любопытством наблюдавший за избиением, вдруг обнаружил ошибку и закричал:

– Девочки! Вы не того избиваете!!!

Контора перестала сотрясаться. Из окна приёмной доносилось возмущённое кудахтанье Негодяевича:

– Вы что, совсем не видите кого бьёте?

– Всё равно, всех вас мужиков надо удавить, пока гадости не натворили, а то потом поздно будет, – донесся из окна приёмной голос Зины.

– Значит, тогда и Вашего сына удавить надо, пока не натворил гадостей, – задал провокационный вопрос Филька.

– Надо бы… – процедила Зина.

От этого у меня ёкнуло сердце и я побежал, куда глаза глядят.

Я перешёл на полулегальное положение, ибо, и на работе, и в общаге появляться стало опасно для жизни и здоровья: в общаге был выставлен вооруженный шваброй пост, а возле моей каптёрки стоял пост, вооружённый ломом.

Кандидатуры шастали толпой по посёлку и шараге, будоража публику. В посёлке и шараге собирались толпы жителей и обсуждали невероятное происшествие, которого здесь отродясь не случалось.

Негодяй Негодяевич, которого кандидатуры основательно достали, прятался при их появлении под стол или запирался в сортире.

Взбудоражив посёлок, беременные кандидатуры переключили свою деятельность на райцентр, где посетили райком партии, райсовет, райисполком, райпрокуратуру. Везде они поднимали ребром вопрос о немедленном выделении им

квартир и бесплатной передаче машин. После их визитов эти должностные лица тоже стали прятаться под стол и запираться в сортирах.

Я, то жил в теплотрассе, то прятался по заброшенным балкам, то порой пускали из мужской солидарности в свои балки мои сослуживцы. Порой, я пытался сделать разведку в районе РММ или общаги, но, видимо, где-то находились наблюдательные посты моих кандидатур, ибо при моём появлении немедленно выдвигался вооруженный тяжёлыми предметами передовой отряд, заставлявший меня поспешно отступать. Иногда я выпазил в конспиративную столовку, которую не могли знать охотящиеся за мной кандидатуры, где собирал объедки и оперативную информацию о деятельности беременного отряда.

…Я обратил внимание на этого парня в столовке сразу. Он явно был не местный, ибо все местные приходили в столовку со своими ложками, вилками, стаканами, так как все это из столовки давно утащили сами же посетители. Этот пришел без «шанцевого инструмента» и все время подозрительно смотрел на меня. Как-то незаметно он оказался рядом со мной и заговорщицки прошептал:

– Пол, у меня к тебе дело на тысячу рублей…

Сумма меня заинтересовала, мы разговарились. Костя, – так звали парня, – был корреспондентом областной молодёжной газеты. Редакция газеты, услышав о сногосшибательном событии, героем которого я стал, поручила Косте напи-

сать обо мне статью. корреспондент собрал обо мне кое-какой материал и теперь собирался взять интервью у меня.

Этого мне не хватало! Мало того, что осрамился на весь район, теперь на всю область опозорят!

Я стал просить Костю не делать этого, но Костя был непреклонен. Поэтому я потихоньку смылся и перешёл с полулегального на полностью нелегальное положение. Теперь я вылезал из своих убежищ только ночью.

И вот, в одну из таких ночей я наткнулся на газету…Тут надо пояснить, что почтовых ящиков в посёлке почти не было: их либо сорвали малолетние озорники и взрослые хулиганы, либо не вешали, чтобы не посрывали малолетние озорники и взрослые хулиганы. Газеты засовывались во всевозможные щели балков, откуда их малолетние озорники и взрослые хулиганы снова изымали их, а поэтому газеты валялись по всему посёлку. Вот на одну из таких газет я и наткнулся. А в ней наткнулся на аршинный заголовок газетного подвала: «Буревестник сексуальной революции». Даже при свете луны я рассмотрел упоминание в статью обо мне и поспешил к источнику света поярче. Статью я прочёл одним залпом и после долго не мог прийти в себя.

Статья была просто обалденная!!!

Что в ней было точно – моя фамилия, имя, отчество, дата рождения и место, где произошло со мной невероятное событие. Остальное было просто фантастикой и со своей перепиской с кандидатурами я выглядел, по сравнению с тем

корреспондентом, просто очень бледно.

Как следовало из статьи, я родился в тюремной больнице и родителей своих не знаю, они, наверное, опасные рецидивисты. Узнали бы мои мама с папой, в какой ранг возвела их газета, они бы упали в обморок и лежали бы долго-долго (и некому было бы записку написать, чтобы в чувство привели).

По информации, даваемой в газете, я воспитывался в детдомах, потом в Суворовских училищах, потом служил в Афгане. По версии газеты, я состоял в спецназе, выполнял особо опасные и особо секретные задания, был ранен, пленен, но сумел бежать, угнав самолёт и кучу секретных документов…

Я не выдержал и расхохотался. Это ж надо такое придумать! Я же от армии всеми правдами и неправдами косил. Папа военкому сортир на даче чистил, мама нянчила пять внуков военкома. Еле отвертелся от армии…

Моя биография становилась всё более захватывающей. Оказывается, я уже дважды побывал на ударных комсомольских стройках. Причём, не только в Кемеровской области, куда я так и не доехал, но и почему-то на БАМе, куда я ехать и не думал.

А дальше шло самое интересное.

Вот как Костя объяснил мои невероятные приключения с кандидатурами.

Оказывается, мой лозунг в личной жизни: «Любовь

без ханжества и меркантильных интересов!» И я своими поступками стремлюсь претворить этот принцип в жизнь. Я связался с Просей не по пьянке, а чтобы все увидели в этой непомерно полной женщине «не только кладовщицу, но и женщину». (Неплохо придумал, корреспондент!). А с кандидатурами, с которыми меня свёл кооператив «Счастье», я поступил так оригинально не по бытовой глупости, а чтобы проучить, по моим словам, «алчущих материальных выгод и прикрывающих святым чувством грязные меркантильные интересы».

Какая интересная и полезная мысль!

Из статьи я понял, что корреспондент не постеснялся порыться в моих личных вещах, брошенных в общаге, в частности, в письмах моих кандидатур. Многие фразы из них, якобы, исходившие от меня, были приведены дословно.

– Чего стоят уверения в любви такой дамы, которая пишет: «Хата есть, тачка есть – нафига нам дети!?» – вопрошал я в статье журналиста.

Здорово! (Хотя в чужих вещах рыться нехорошо…)

Оказывается, случившийся скандал стал следствием того, что я решил наказать таким образом «зарвавшийся в своей алчности особ».

– Я отомстил любовью за любовь! – говорил, по словам корреспондента, я.

– Но это же любовный экстремизм! – воскликнул корреспондент.

– Любовь настолько беззащитна, что защищать её оправдано любыми средствами, – изрёк я, со слов корреспондента.

– Но согласись, Пол, ты любовный экстремист! – настаивал журналист.

– Нет, это уж слишком политизировано и вульгарно, – возражал, якобы, я, – я «буревестник сексуальной революции».

Я читал и балдел. Я и не думал, что можно так красиво врать!

Мне только было непонятно – зачем это понадобилось журналисту?

Однако, дочитав статью, до меня начали доходить причины моего героического поведения.

«Вот ещё одна статья нашей дискуссии о моральных критериях отношений мужчины и женщины. Как видите, не так всё просто в этой деликатной сфере. Даже, казалось, вопиющие факты аморализма имеют под собой благородные побуждения, которые реализуются не совсем обычным способом. Добавлю от себя, что несколько лет назад сам автор статьи попал в аналогичную ситуацию, движимый такими же чувствами, как и наш герой….»

Ах, вот оно что! Оказывается, Костя кобель хороший и ему требовалось оправдание своих грехов на моём примере. И, ведь, здорово получилось!

Настроение моё резко поднялось, ибо под моим аморальным поведением появилось хорошее моральное оправдание, а моё раздолбайство стало окрашиваться в героические тона.

А буквально на следующий день я узнал, что все мои кандидатуры загремели в больницу. По официальной версии их повалил токсикоз беременности. Но, по моему, им просто дурно стало от статьи про «буревестника сексуальной революции».

И я рискнул появиться в шараге. Едва я вступил в её пределы как ощутил на себе восторженное внимание своих сослуживцев. Ко мне спешили поздороваться даже те, кого я впервые видел. Прекрасная половина нашей шараги дружно высыпала из всех кабинетов и так же дружно строила глазки.

А я шагал по лужам и грязи, гордо расправив плечи, будто крылья, как и подобает буревестнику. Физиономия моя была небрита, одежда местами превратилась в лохмотья, что придавало мне вид бывалого партизана сексуальной революции.

В моей каптёрке РММ я обнаружил букет цветов. Как пояснили балдежники, их принесла Прося, которая пришла в умиление от статьи в газете и пребывавшая в гордости от того, что была близка с таким героем, как я.

Вобщем, встретили меня воистину, как героя. Какая сила у печатного слова: из глупости – подвиг сделать!

Я почивал на лаврах, подаренных мне ни за что озорным корреспондентом, когда вдруг зазвонил телефон прямой связи с шефом.

– Это кто? – услышал я в трубке голос шефа, – Буревестник? Лети – ка ко мне!

Настроение моё упало. Я вспомнил, как отдубасили мои

кандидатуры Негодяевича, и опустил крылья и клюв.

Но Негодяевич и сидевший в его кабинете Филька, были настроены вполне дружелюбно и повели разговор о моём незамедлительном увольнении, дабы в моём лице устранить источник небывалых потрясений.

– Я то с радостью! – откликнулся радостно я, – но у меня же договор на три года с Вами…

– Фу, балбес! – воскликнул Негодяевич, – нафиг ты сказал, я бы тебя и так уволил.

– Да, может, договоримся… – растеряно спросил я.

– Конечно договоримся! – воскликнул Негодяй, – и многозначительно переглянувшись с Филькой закончил, – с Главным инженером…

А Главный инженер, выведя меня в коридор разъяснил условия договорённости:

– Ящик коньяка…

И добавил как всегда:

– Месячный отчёт и итоги соцсоревнования тоже…

Настроение совсем испортилось: где взять ящик коньяка, а вернее, на какие бабки?

Коллективная эйфория по поводу выхода статьи в свет и появления героя статьи на людях улеглась, и вновь потянулись гнусные трудовые будни. Опять водилы с их вечным отсутствием запчастей, опять ходить подписывать кучу всяких нарядов и накладных в контору, опять со своими проблемами кто-то поспать в рабочее время не дает. И главное –

никак не пойму, где же и как найти ящик коньяка!

Зайдя к Филькину подписать какой-то лист, я застал Главного инженера слегка «под шофе» болтающим с некой «лапочкой» по телефону. И вдруг вспомнил свой первый инструктаж Гаврилыча на рабочем месте. Тот, помнится, поучая составлять наряды, заметил, что никто их не читает, лишь бы подписи все были. У меня в пачке был совершенно чистый бланк наряда, по ошибке подписанный не совсем трезвым Главным бухгалтером Федоровичем. Я и сунул его на подпись Фильки… И Филька, не глядя подписал!

И тут меня осенило! Я знаю как мне найти ящик коньяка!

Прибежав к себе в каптерку, я быстро набросал наряд для балдёжной бригады.

> «1. Разрезка газорезом главного инженера Филькина Витольда Ивановича на части длиной 25 см.
>
> 2. Складирование частей Филькина Витольда Ивановича.
>
> 3. Погрузка частей Филькина Витольда Ивановича для вывоза на свалку.»

Какие расценки я поставил за указанные работы, я уже не помню.

А потом я прибежал к нашему Главному вечно нетрезвому бухгалтеру Фёдорычу.

– Фёдорыч, – заговорщицки прошептал я, – хочешь пари на ящик коньяка?

– Ящик коньяка?! – оживился страдающий похмельем Фё-

дорович, – а что за пари у тебя?

Когда я изложил Фёдоровичу пари, тот за валидол схватился. Но жажда похмелья взяла верх над страхом дисциплинарного взыскания. «Все равно у тебя ничего не выйдет,» – сказал Главный бухгалтер и поставил свою подпись под составленным мною умопомрачительным нарядом.

У кабинета Фильки я перевёл дух. Филька продолжал по телефону мурлыкать с «лапочкой», – удачнее время не найти!

– Витольд Иванович, наряд подписать, – протянул я сумасшедший наряд Главному инженеру, – Главный бухгалтер уже подписал.

Филька, не отрываясь от трубки поставил свою подпись под нарядом, даже краем глаза не видя, что он подписал!

Я пулей полетел к кабинету Главного бухгалтера. Но Фёдорыч, ожидая неминуемого служебного расследования после подписания такого документа, спрятался в кустах напротив конторы. «Ну ладно, завтра я тебя найду» – подумал я и бросил наряд на стол в своей каптёрке. И ушёл, забыв запереть дверь.

На моё несчастье в балдёжку заглянул Баклушин, уже разрезавший однажды по пьянке новый автобус. Прочитав наряд, он мигом сообразил, что на его основании он может серьёзно нахулиганить безо всяких последствий для себя. И, вооружившись газорезом и нарядом, он отправился к Филькину.

– Иваныч, мастер дал наряд Вас разрезать, – успел изречь Баклушин, но тотчас был схвачен Филькиным за шиворот и отведён в кабинет Негодяевича.

– Опять сукин сын нажрался, разрезать меня пришёл! – возмущённо заявил Филька Негодяевичу.

Шеф обнюхал Баклушина и, не найдя искомого запаха, спросил:

– А в чем, собственно, дело?

– Да вот, наряд мастер дал… – невинно отвечал Баклушин, протянув наряд Негодяевичу.

Негодяевич прочитал наряд и положил под язык валидол.

– Иваныч, – обратился он к Фильке, – ты наряды когда подписываешь, их читаешь?

– Конечно! – воскликнул Филька.

– Ну ещё раз прочитай, – Негодяевич протянул Фильке моё произведение.

Филька прочитал и попросил валидол…

На следующий день я появился в конторе, намереваясь востребовать ящик коньяка и уволиться. Но, едва я вступил на территорию шараги, как почувствовал что-то неладное. Встречавшие меня как-то опасливо косились. Вдобавок ко всему на горизонте вдруг замаячили беременные силуэты моих кандидатур.

Пока я соображал, что происходит и, что мне делать, откуда не возьмись, меня окружили мужики в белых халатах.

– Клизма? – поинтересовался один из них, – Пройдёмте…

Я ещё не понимая, что же, всё-таки, происходит, понял, что надо бежать и рванул, что было сил. Но тотчас на меня навалились мужики в белых халатах. Я дрался и кусался, но был скручен в бараний рог. На меня навалилась чья-то задница, в отчаянии и ярости я хорошо её укусил и взвыл от боли: задница оказалась то моя!

Меня связали и куда-то понесли. Я в ужасе подумал, что эти гады хотят меня сдать моим кандидатурам и заорал на них:

– Козлы! За сколько вы бабам продались?!!

После чего мне заткнули кляпом рот.

Но мужики в белых халатах совершенно не собирались сдавать меня и даже стали отгонять от меня появившихся кандидатур, которые норовили трахнуть мне чем-нибудь тяжёлым между ног. Меня посадили в какую-то закрытую машину и долго-долго везли. Наконец, машина остановилась в каком-то дворе, мужики извлекли меня из автомобиля и повели в здание, на котором красовалась табличка «Психиатрическая больница».

Врач, с интересом глядя на меня, начал заполнять историю болезни. В истории болезни уже был подшит какой-то листок, приглядевшись к которому я узнал свой наряд на разрезку Филькина.

Дописался…

Хроника бытового идиотизма

Пока я не попал в психиатрическую больницу, я и не предполагал, как там мало настоящих психов.

Конечно, настоящие психи в больнице были (хотя, по моему, их и вне больницы не меньше), но гораздо больше тех, кто косил под психов, чтобы не попасть в места куда более нехорошие, чем психбольница. В палате, в которой я лежал, было двое друзей – Венька и Митька, косившие под психов, чтобы не быть призванными в армию. Сначала они пытались симулировать психические расстройства, но их быстро раскусили и заставили делать в квартирах врачей ремонт, после которого пообещали оформить заболевание, не позволяющее призываться в армию. В палате лежал и Некто, находящийся во всесоюзном розыске за разбойное нападение на инкассатора. Этот уже много лет прятался по психушкам от правоохранительных органов, поэтому приобрел богатый опыт и не пытался симулировать шизофрению или белую горячку, а сразу предложил главврачу построить дачу и такое предложение было с благодарностью принято.

Лежал в палате ещё один Сумасшедший работник НИИ. Был ли он действительно сумасшедшим или косил – не могли понять ни я, ни врачи. Он попал в психушку, поскольку пытался повеситься, когда его в сотый раз в год пытались направить перебирать гнилую картошку на овощебазе. В па-

лате он занимался диссертацией, которую ему не давали делать в НИИ из-за постоянных поездок на уборку картошки в совхозе или переборку картошки на овощебазе.

– Ну, наконец то, нормальное время появилось! – приговаривал Сумасшедший работник НИИ, – а то все картошка, картошка, картошка… С ума сойти можно!

Такие речи вызывали у врачей серьёзные подозрения, что Сумасшедший работник НИИ косит под психа, чтобы не ездить на картошку.

Вот кто, по моему, действительно был настоящим психом, – это Сумасшедший партийный работник, который, тронулся умом от ужаса, обнаружив, что потерял партбилет. Когда кто-нибудь из врачей заходил в палату, он прятался под кровать, поскольку ему казалось, что пришел секретарь райкома партии оторвать ему уши или что-нибудь ещё за такое чудовищное нарушение партийной дисциплины.

Ну а кто был я? Я считал себя психически здоровым, из чего врачи делали бесспорный вывод, что я психически больной. Сначала от такой логики я чуть с ума не сошёл. Но вскоре после моего помещения в дурдом, в него стали помещать должностных лиц, с которыми общались мои беременные кандидатуры. Так, в больницу попал работник райисполкома, ведавший распределением жилья, который постоянно прятался в сортирах, и кричал: «Нет у нас квартир! Нет и не будет, дуры беременные!!!» А, вот, в психбольницу кандидатуры проникнуть не смогли, ибо на её охране стояли

такие железобетонные санитары, что их боялись даже врачи, которых боялись ничего не боящиеся психи. И тогда я подумал, что лучше пока побыть временно психом, чтобы понастоящему не стать им. И, поэтому, я продолжал говорить, что я здоровый, врачи продолжали считать меня больным и, поэтому, продолжали меня держать в дурдоме.

В отличие от общаги, где я раньше пребывал, в дурдоме было намного спокойней, потому что буйных психов здесь не содержали. А, поскольку, буйных не было, телевизор фунициклировал постоянно, никто никому его на голову не надевал.

Кормили такой же бякой, как и в общепитовских столовках. Правда, давали ещё таблетки какие-то, но их все выбрасывали.

И главное – на работу не надо ходить! Даже дачи врачам не надо перекапывать. Дело в том, что почти все психи и косящие под психов работали то у врачей дома или на дачах, то дома или на даче родственников и знакомых врачей. Тем, кто хотел быстрее из психушки вырваться – обещали выписать из психушки сразу после выполнения работ или грозили никогда не выписать. Тем, кто хотел подольше проторчать в психушке, – обещали никогда из неё не выписывать, или грозили выписать сейчас же, если откажется работать. И ведь не пожалуешься – психом, как-никак считаешься, глупости, скажут, выдумываешь. В общем, заставляли работать всех, кроме законченных идиотов, которых пус-

кать в свои дома и дома своих друзей врачи боялись, дабы не натворили чёрти-чего. Не работал и я по той простой причине, что ничего кроме ручки держать не умел, а такие врачам не нужны (сами такие).

В общем, в психушке оказалось жить лучше, чем не в психушке. Хорошо, одним словом. Но все хорошее кончается, как правило, с хорошей пьянкой. И моя жизнь в психушке тоже.

И так совпало, что пьянка совпала с историческим событием – меня всё-таки привлекли к общественно-полезному труду! Правда, не на даче или дома у лечащего врача, а – в лечебном учреждении. Перед каким-то праздником райком обязал больницу повесить какой-то большущий транспарант. В штате больницы юридически были оформлены какие-то художники-оформители, на них выделялась и куда-то девалась зарплата, но фактически их никогда с момента юридического возникновения не было. Пока никаких художественно-оформительских работ не было, то не было и никаких проблем. А тут проблема возникла и никак не решалась, пока у главврача не лопнуло терпение и он решил, что случай крайний и надо задействовать и того, кто кроме ручки ничего в руках держать не умеет.

Мне выдали ведро краски, кисть, лист с текстом, который я должен написать или на, худой конец, намалевать, а также двух профессиональные пьяниц из наркологического отделения, обязанных повесить транспарант, когда я на нём на-

пишу или намалюю. Неприятно, но никому не пожалуешься – психом, как никак считаешься… Полдня я кое-как нарисовал большущие буквы «В СССР….», а вот что дальше, я не мог вспомнить и не мог найти лист с текстом. Тогда в СССР был большой напряг с туалетной бумагой, и, наверное, лист с текстом кто-кто использовал по соответствующему назначению. Может быть, я напряг бы оставшиеся извилины и вспомнил, но всё окончательно испортили профессиональные пьяницы из наркологического отделения, которых главврач отрядил повесить злополучный транспарант. Даже в отделении, будучи под надзором санитаров-держиморд, они умудрялись лечиться от злоупотребления спиртных напитков без отрыва от их употребления. А тут, вырвавшись из под надзора медперсонала, пустились во все тяжкие, тем более, что появилась уважительная причина – надо вспомнить текст, что без бутылки в России сделать невозможно.

После двух бутылок водки на троих идеи о том, что было надо писать на транспаранте, не появилось. Пришлось к мозговой атаке подключить остальных дураков и симулянтов моей палаты. И, наконец, после, того, как опустели четыре бутылки, у Митьки появилась свежая мысль:

– По, моему, там что-то про нас должно быть написано, – сказал он.

– То есть, про дураков, – уточнил Некто, находящийся во всесоюзном розыске.

– Что вы! – воскликнул Сумасшедший работник НИИ, – «Дурак» – это разговорно-бранный термин. Есть такое вполне литературное понятие, как «Идиот».

– А «Идиот» – это звучит гордо! – осенило Веньку.

– Постойте, постойте, товарищи, – вдруг подал голос Сумасшедший партийный работник, который от водки осмелел и забыл про партийных работников, грозящих ему отрывом ушей, – в наглядной агитации, то бишь, в транспаранте, должна быть идеологическая составляющая, так сказать, какой-нибудь «-изм»!

И тут до меня дошло:

– Если должен быть «-изм», то, значит это слово: «идиотизм»!

– Логично! – воскликнул Сумасшедший работник НИИ.

– Да, идеологическая составляющая усматривается, – согласился Сумасшедший партийный работник, пристально усматривая что-то в стакане, наполненном водкой.

Помню, мы все выпили по случаю удачного завершения мозговой атаки ещё по стопарику водки. И больше ничего я не помню…

После того, как ящик водки был опустошён, самые стойкие из нашей компании – вечные клиенты наркологического отделения – подняли на предусмотренное для такой цели место огромный транспарант, на котором красовалось «В СССР – ИДИОТИЗМ!»

На транспарант никто не обращал внимания дня два.

Главврача куда больше, чем порученный мне транспарант, волновала дача, которую никак не мог закончить строить Некто, находящийся во всесоюзном розыске. Я после попойки никак не мог выйти с похмелья. А остальным так примелькались всякие транспаранты и лозунги над головами, что очередной, они, наверное, и не заметили.

Но дня через два в психбольницу приехал Товарищ в штатском и, показав на вахте удостоверение, от которого санитары вытянулись в струнку, прошёл к Главврачу. Ему Товарищ в штатском также показал своё удостоверение, от которого у Главврача вырвался наивный вопрос:

– И чем же ваше учреждение могло заинтересовать такое учреждение, как наше?

– Да, представьте себе, есть чем заинтересовать. Хотя бы вот этим, – и Товарищ в штатском указал на красовавшийся над психбольницей транспарант «В СССР ИДИОТИЗМ!»…

После того, как к Главврачу вернулся дар речи, он скороговоркой залепетал:

– Да это всё психи! Ведь здесь одни психи! Всякий бред пишут!

– Такой «бред», как правило, пишут нормальные люди, – мрачно заметил Товарищ в штатском, – Кто конкретно это написал?

Кто именно это написал, достоверно установлено не было. Но всем было известно, что поручали написать мне.

Когда меня привели в кабинет Главврача, я ещё не знал,

что именно написано на транспаранте, но я сразу понял, что написано что-то не то, ибо Главврач сразу заорал:

– Ты что написал, засранец! Тебе это поручали написать!? Совсем с ума сошёл!!!

– Доктор, успокойтесь, – осадил его Товарищ в штатском, – в психбольнице сходить с ума не только можно, но и нужно. На то психбольница и создана, чтобы граждане сходили с ума в установленном законом месте.

– А ты, друг, – это Товарищ в штатском обратился ко мне, – скажи-ка кто тебе поручал написать вот это? – и он показал на транспарант, от содержания которого я сам испугался.

– Да вот он… – и я кивнул на Главврача.

– Понятно… – зловеще изрек Товарищ в штатском.

Главврач упал в обморок.

А через час меня выписывали из психушки.

– Теперь тебя даже в дворники не возьмут, – пообещал лечащий врач, вручая мне больничный, в котором аршинными буквами был написан диагноз «Шизофрения. Прогрессирующий дебилизм».

А вот Венька и Митька искренне завидовали мне: «Теперь в армию не возьмут!».

– Да я от армии ещё раньше откосил. «Белый билет» у меня уже есть…

– А диагноз все равно хороший, – вдруг удивил меня Некто, находящийся во всесоюзном розыске, – если кого

прибьёшь, то сразу на этот диагноз кивай: эта отмазка классная! В тюряге не закроют, а в психушку посадят.

От перспектив, открывавшихся после выписки из психушки с таким многообещающим диагнозом у меня по-настоящему стала «съезжать крыша», которую вернул на место внезапно возникший Товарищ в штатском.

– У тебя, друг, проблемы? – обратился он дружелюбно.

Я только развёл руками.

– Могу помочь, – сказал Товарищ в штатском и предложил сигаретку, – но и ты помочь должен…

Помощь моя заключалась, во-первых, в том, что я должен сообщить Товарищу в штатском о пациентах психбольницы, которые говорят всякие гадости про власть.

– Так они психи, всякую чушь могут нести, – усомнился я в целесообразности данного поручения.

– Как показывает практика, гадости про власть говорят, главным образом, вполне нормальные люди, – развеял мои сомнения Товарищ в штатском, – Главное, сообщи мне, а моё дело разобраться псих он или нет.

– А вы психиатр? – задал глупый вопрос я, на что в ответ последовал вопрос не менее интересный:

– А ты, друг, кажется, значишься шизофреником?

И вопросы задавать расхотелось.

Во-вторых, я также должен был сообщить Товарищу в штатском о психах, которые вызывают подозрения, психи ли они.

– Есть такие! Есть! – воскликнул я.

И сдал Товарищу в штатском Веньку и Митьку, которые косят от армии, и Некто, находящегося во всесоюзном розыске. Но Товарищ в штатском только отмахнулся от моей информации, как от назойливой мухи:

– Да пусть менты этой ерундой занимаются!

Его интересовали те, кто косят под психов «по политическим мотивам». Что это значит – я побоялся спросить, но вдруг вспомнил, что…

– Меня же выписали! И больничный дали с диагнозом…

– Если ты согласен, то считай, что никуда не выписан и больничного с диагнозом нет!

– А Главврач? Он же…

– Увезли в больницу с инфарктом, – успокоил меня собеседник, – хотел я, чтобы он мне помог, а он с таким здоровьем оказался…Психи, наверное довели. Пришлось за помощью к тебе обращаться. Так ты согласен, дружок?

А куда мне было деваться? Возвращаться с сумасшедшим диагнозом туда, где бродили мои сумасшедшие кандидатуры и откуда меня отвезли в сумасшедший дом? Так и с ума можно сойти! И я согласился.

Взамен за мои услуги Товарищ в штатском обещал ликвидировать все записи, подтверждающие моё психическое заболевание, а также уволить меня по приличной статье из УТТ и привезти оттуда мои документы.

Я понял, что очень плохо понял, какой именно информа-

ции от меня хочет Товарищ в штатском и, поэтому, решил посоветовался с товарищами по палате.

…И товарищи по палате взахлёб стали рассказывать про врачей и друг про друга, какие они гадкие анекдоты про Брежнева с Горбачёвым рассказывают, какие пакости про советскую власть говорят!

Потом стали приходить психи из других палат.

Пришлось завести тетрадочку, которая за один день оказалась заполненной доносами.

Потом ко мне с заговорщицким видом стали подходить врачи, сообщать о своих коллегах и больных всякие гадости. Пришлось заводить тетрадочки, которые стали заполняться за полдня.

Некто, находящийся во всесоюзном розыске, сам составил подробный список всех психбольниц, в которых он скрывался от правоохранительных органов и Главврачей, которые знали о том, что он натворил, но не сообщали куда следует.

И только Сумасшедший партийный работник ничего мне не сообщил, ибо хотел лично встретиться с Товарищем в штатском. Наверное, на меня что-то хотел настучать.

В общем, за неделю я насобирал тетрадочек на целую пухлую папочку на всех, кроме меня больных и врачей психбольницы. И стал с нетерпением ждать Товарища в штатском.

Но тут как всегда случилось … В дурдом приехала комис-

сия!

Поскольку Главврач лежал с инфарктом, коллектив врачей, дураков и симулянтов разложился окончательно. Профессиональные пьяницы из наркологического отделения уже не лечились от злоупотребления алкоголя, а только занимались его употреблением. Врачи разобрали больных на работы на своих подворьях и квартирах и даже перестали возвращать их на ночь в больницу. И вдобавок ко всему, над больницей гордо реял транспарант «В СССР – ИДИОТИЗМ!».

Какие бы выводы сделала комиссия, об этом врачебный персонал даже боялся подумать. Единственное, о чём подумали заинтересованные в благополучном исходе дела лица, – накормить комиссию фирменным спецблюдом для лиц, способных делать критические выводы, под названием «волшебная окрошка». Волшебство заключалось в том, что в её состав помимо кваса входил также коньяк в пропорции, необходимой для предотвращения появления у указанных лиц критических выводов. Но и тут возникла проблема. Обслуживающий персонал пищеблока ввиду отсутствия главврача уже не ждал конца рабочего дня, чтобы оттащить домой продукты, из выделяемых государством на кормление психов, а прямо в рабочее время отправлялся домой или на базар для их реализации. В общем, в пищеблоке никого не было. И тогда врачи бросили затыкать дыры последними из оставшихся в дурдоме психов. То есть теми, психическое развитие которых не позволяло использовать на рабо-

тах в домах и на огородах, а также меня, поскольку толку от меня никакого, да ещё с Товарищем в штатском дружу.

Готовить я ничего не умел, поэтому коллеги-психи, приготовив какую-то похлебку с квасом, окрошкою называемую, ушли. А меня, чтобы я хоть что то сделал с пользой для общества, оставили с этой окрошкой и бутылкой коньяка, чтобы я влил её в тарелки членам комиссии.

– А как я пойму, что комиссия пришла?

– А они не в халатах и не в пижамах, – объяснил мне очень просто один из коллег по дурдому.

Когда в столовой появился гражданин не в халате и не в пижаме, а в приличном костюме, я плеснул в тарелку с окрошкой полбутылки коньяка и понёс этому гражданину волшебное блюдо…И чуть не выронил тарелку: гражданин не в халате и не в пижаме оказался Товарищем в штатском!

– А-а-а! Дружище! – искренне обрадовался он, – Это ты мне? – Товарищ в штатском глянул на тарелку, трясущуюся от страха у меня в руках, – Окрошка? Вот прелесть, а то в наших столовках вечно какую-то баланду дают!

Товарищ в штатском с аппетитом принялся за волшебную окрошку и в мгновение ока опустошил тарелку. Полбутылки коньяка стерли тень интеллигентности с его лица.

– Официант, добавки! – рявкнул Товарищ в штатском.

Я бухнул оставшиеся полбутылки коньяка в окрошку.

Товарищ штатском опустошил вторую тарелку, аккуратно вылизал её, после чего также аккуратно положил голову

в тарелку и отключился. И в это время в столовую зашли несколько товарищей одетых не в халаты и не в пижамы. Это и была настоящая комиссия!

Окрошка ещё оставалась, коньяка больше не было.

Я бросился к психам-поварам, снабдившим меня бутылкой коньяка, но те меня только выругали:

– Ну, Клизма, ты и клизма, всё-таки! Одну бутылку на такое дело дали! Теперь иди и сам покупай!

– А как же я в пижаме-то пойду?

И тут у психов родилась идея, которая могла родиться только у психов.

Мы пришли в столовую, на глазах изумлённой комиссии взяли за руки и ноги спящего в хмельном сне Товарища в штатском, перенесли в палату, положили его на мою кровать, сняли с него костюм и рубашку, одели в мою пижаму. И я, одевшись в штатскую форму Товарища в штатском, пошёл за коньяком.

На вахте я, было, испугался стоявших там железобетонных санитаров, но они, видимо, тоже отличали людей по принципу: кто в пижаме, кто в халате (а может, тотальное разложение коллектива ввиду отсутствия Главврача коснулось и их). В общем, пропустили меня.

Только вырвавшись на волю, я вспомнил, что для приобретения коньяка нужны деньги. Но денег в карманах одежды Товарища в штатском не было! Зато в одном из карманов оказалось служебное удостоверение, которого я сначала

даже испугался. И вдруг меня осенило: наверное, Товарищ в штатском всё достаёт с помощью этого удостоверения. Поэтому, ему и деньги не нужны!

И в моей голове родился простой и смелый план добычи коньяка. Я быстро обнаружил торговую точку, которая бойко торговала алкогольными напитками (в том числе и коньяком) раньше установленных для этого 14–00. Строевым шагом я подошёл к очереди и, ткнув продавщице в физиономию удостоверением, рявкнул:

– Почему торгуем раньше положенного времени!? Народ в рабочее время спаиваем!? Да он и так с утра не протрезвел! Это же диверсия?! Вы знаете что за это вам будет согласно Уголовному Кодексу!!?

Что будет согласно Уголовному Кодексу за такое административное нарушение ни народ, стоявший в очереди, ни продавщица, ни, тем более, я не знали. Но после таких слов человека с таким удостоверением очередь разбежалась, а продавщица, побелев, впала в ступор. Я вывел её из этого состояния, вежливо и ласково попросив:

– Девушка, милая, вот ту бутылочку коньячка, пожалуйста.

Милая девушка (которая мне в мамы годилась), не выходя из состояния шока, машинально протянула мне коньяк, с которым я поспешил ретироваться. Пока продавщица не разглядела, что фотография в удостоверении, повергшем её в гипнотический транс, совершенно не похожа на ориги-

нал.

От радости я начал обалдевать и стал танцевать, из-за чего из внутреннего кармана пиджака вылетел пакет. Развернув, его, я ещё больше обалдел… Моя трудовая книжка, с записью о моём увольнении по собственному желанию, паспорт с погашенной пропиской, военный билет, в котором стояла отметка о снятии с учёта, комсомольский билет с учетной карточкой…

Всё могут Товарищи в штатском! Пообещал – сделал! Правда, среди документов лежал и мой больничный с записью о моём психическом расстройстве и история болезни. Ну, это мелочи жизни, потом уничтожим…

Теперь я обалдел окончательно!

Зачем возвращаться в психушку и докладывать Товарищу в штатском о том, о чём лучше не докладывать? Все документы на руках, теперь куда угодно можно смотаться!

От внезапно свалившегося счастья, у меня, наверное, поехала крыша, поскольку очень быстро я вляпался в очередное несчастье.

Я шел, приплясывая и кувыркаясь от радости, потерял бутылку коньяка и чтобы обмыть такой успех, заявился в забегаловку, где без лишних слов ткнул служебное удостоверение Товарища в штатском бармену. Тот испуганно забегал глазами, а я недвусмысленно показал на бутылку водки. Бармен, продолжая испуганно бегать глазами, трясущимися руками налил мне стопарик.

Когда я уходил со стопариком водки, краем глаза заметил, что бармен мне в спину показал огромный язык. Но я был так доволен, что даже не обернулся.

За столиком, где я примостился, употреблял спиртные напитки интеллигентный в прошлом, а ныне оборванный мужичок, внезапно обратившийся ко мне с загадочным вопросом:

– Молодой человек, у вас была в детстве мечта?

Я поперхнулся водкой, задумался и вспомнил!

– Была! – воскликнул я, – Заглянуть в общественный женский туалет!

– Мечта, это святое, – продолжал задумчиво мужичок, – поэтому к ней надо настойчиво стремиться и идти всю жизнь… Но не каждый, к сожалению, может найти волшебный ключик к двери, за которой скрывается мечта…

– А у меня есть волшебный ключик! – воскликнул я, допив водку. – Вот он!

…и извлёк волшебное служебное удостоверение.

– Да-а-а, – задумчиво протянул мужичок, – это действительно волшебный ключик. Ну что ж, молодой человек, держайте! В путь! На поиски мечты своего детства!

Мой странный собеседник пожал мне напутственно руку и я под воздействием его речей и стакана водки отправился на поиски мечты своего детства.

Искал я свою мечту недолго. Мечта даже снаружи была изгажена и пахла совсем немечтательно. Но мечта – это свя-

тое!

И я, вошел в мечту, предъявив её посетительницам служебное удостоверение Товарища в штатском. Но его волшебные свойства не сработали! Кто-то завизжал, кто-то заорал, кто-то заехал мне чем-то тяжёлым в ухо так, что искры из глаз посыпались. И самое ужасное то, что волшебное удостоверение было нагло выбито и упало вместе с моими наполеоновскими планами в дырку, предназначенную для падения фекалий. Это последнее, что я видел, прежде, чем потерять сознание после очередного удара в ухо чем-то ещё более тяжёлым.

…Надо мной склонилась какая-то огромная тень… На этом свете я, или на том?

– А ну, засранец, вставай!

На том свете такие выражения, по всей видимости, недопустимы. Я понял, что ещё на свете этом.

Огромная бабка по объёмам сопоставимая с Просдхой Емпистадоровной крепко взяла меня за ухо и подняла с загаженного пола.

– Ах ты, козёл драный, я сейчас тебя в милицию сдам! Там тебе впендюрят за хулиганство по самое «не могу»! – ругалась бабка.

От черепно-мозговой травмы, которую только что получил, я плохо соображал, поэтому пришло в голову то, что пришло. Я торжественно извлёк из пиджака свои документы, заботливо уложенные Товарищем в штатском в паке-

тик, и не менее торжественно вручил их Огромной бабке.

– Вот, смотрите, – указал я на свой больничный, лежащий на самом верху, – я псих ненормальный, меня в тюрьму сажать нельзя, только в психушку.

– Ах, в психушку! – воскликнула Огромная бабка, – ну так пошли в психушку!!!

…и, схватив меня за ухо, поволокла в сторону психбольницы, из которой я только что вырвался.

Всю дорогу я умолял Огромную бабку не сдавать в психбольницу, но бабка была неумолима, держа как в клещах моё ухо, пока я не расплакался и стал молить её:

– Тётенька, простите засранца! Я больше не буду! Я на всё согласен! Я даже вам трусы стирать буду!

…и вдруг, на Огромную бабку это подействовало.

– Вот что, засранец, – не отпуская моего уха, произнесла она, – а пошли как ко мне домой, там как раз стирки много.

…и, развернувшись, повела меня, держа за ухо к себе домой.

– А где документы то мои, – поинтересовался я, когда бабка приволокла к себе домой.

– В надёжном месте будут, – ответствовала бабка, – отработать документы, надо будет, засранец. А ну, марш трусы стирать!

Я не умел не то что чужие, но и свои стирать. Когда это поняла бабка, то отстранила от этого грязного дела и заперла

меня в грязном чулане с горшком, объяснив:

– Вот здесь жить будешь.

На следующее утро бабка выпустила меня, чтобы я вынес в размешенные на дворе удобства свой и её горшок, после чего поставила мне цель:

– Сейчас на кладбище пойдёшь.

– ?

– Цветы подберёшь, которые на могилы нанесли, – объяснила задачу она.

– ??

– А я продавать буду.

И действительно, на кладбище, а после свадеб – возле вечного огня лежали кучи цветов, которые надо было вовремя забрать, пока не забрали другие, которые тоже спешили их продать, пока они совсем не завяли. На кладбище лежали и искусственные, которые, хотя и не вяли, но по их замызганному виду было видно, что их использовали десяток раз. И их тоже надо было собрать. В общем, загрузился я так, что охапку цветов еле приволок. Но на этом мои трудовые обязанности не закончились.

– А теперь – на базар, – скомандовала бабка.

Бабка наваливала на меня охапки цветов, так, что я сгибался в три погибели.

Конвоируя меня на базар, она всю дорогу ругалась о том, какая нынешняя молодёжь ленивая и неблагодарная.

– Ни хрена не хотят делать, только на базаре торговать!

О каком базаре она говорила, я не мог понять, ибо на том базаре, куда мы с ней пришли, никакая молодёжь не торговала. На нём торговали такие же бабки, сидевшие, как правило, сразу на двух табуретках, поскольку на одной их задницы никак не умещались.

Среди них я с ужасом заметил работницу из столовки дурдома, которая притащила на продажу всё то, чем должна была кормить больных. Но она, видимо, появлялась в дурдоме лишь, чтобы утащить очередную партию продуктов на базар, поэтому психов в лицо не помнила. Она и начала рабочий день рынка, ехидно заметив соседней бабке, торговавшей мясом:

– Ты уж весь мясокомбинат свой растащила, в магазинах никакого мяса нет.

– Кому мясо нужно – сюда приходят. А твои больные с голоду не подохли? Ты что-нибудь в столовке им оставляешь? – ответствовала торговка – мясокомбинатовская воровка.

– Да какие там больные! Психи! И то, не болеют, а косят! – ответствовала работница столовой дурдома, – Зато другие, – она кивнула в сторону Огромной Бабки, – мусором торгуют.

– Сама ты, мусор, – подхватила эстафету оскорблений Огромная баба, – я подбираю, что другие оставили, так, что в случае чего и привлечь меня не за что. А ты под статьёй ходишь!

– А вот, кстати, и «статья» идет! – заметил кто-то из бабок.

Статья шла по рыночному ряду в форме худенького милиционера с такой же худенькой папочкой, который робко подошёл к работнице дурдома и, вежливо поздоровавшись, завел с ней о чём-то беседу.

И тут Огромная бабка дала мне поручение сходить на другой конец рынка, где торгуют цветами выходцы с Кавказа, и узнать цены, а, когда я вернулся с докладом, то застал ужасную сцену: все бабки дружно набросились на худенького милиционера, ругая его на весь рынок.

– Ты куда смотришь! – кричали они, – на рынке одни воры и спекулянты торгу ют, а ты мер не принимаешь!

– А ну сходи, армян проверь! – скомандовала Огромная бабка, – Спекулируют цветами на глазах у всех, а ты бездельничаешь!

Виновато улыбаясь, милиционер пошёл проверять армян.

– Ходит со всякой чепухой, – продолжали возмущаться милиционером бабки, – «и-тэ-дэ оформляйте». Ещё государству платить, когда рэкетирам платить не хватает!

Рэкетиры, видимо услышав, что-то о себе, поспешили появиться перед бабками. Двое крепких ребят без слов и тени интеллигентности на лице решительно подошли к бабкам и те, стушевавшись, протянули им по нескольку червонцев дани.

– Козлы, драные, – прошипела им вслед Огромная бабка, – куда милиция смотрит.

И тут подошли двое других крепких ребят без тени ин-

теллигентности на лице, недвусмысленно глядя на бабок.

– Так только что были…, – растерялись бабки, – мы уже отдали…

Крепкие ребята только ухмылялись.

И вдруг в базарном ряду возник худенький милиционерик со своей худенькой папочкой.

– Товарищ милиционер!! Товарищ милиционер!!! – заорали бабки, – Помогите!! Рэкетиры!!!

Милиционер робко подошёл к рэкетирам и очень вежливо попросил предъявить документы. Крепкие ребята небрежно протянули ему какие-то корочки и рявкнули на бабок:

– По полтиннику с каждой! Живо!

Пока милиционерик рассматривал документы рэкетиров, бабки трясущимися руками отсчитали им дань. Милиционер, извинившись, отдал рекетирам документы и те удалились вальяжной походкой. Весь свой гнев на рэкетиров, бабки обрушили на милиционера:

– Ты почему их не арестовал!!? – орали они, – Ты власть, или что!!? От воров и рэкетиров прохода нет!!! Довели страну!!!

Милиционер, виновато улыбаясь, поспешил ретироваться. А бабки, перейдя уже от частного случая к общему, продолжили ругать молодёжь в целом.

– Сейчас молодые только – воруют! – возмущалась торговка – мясокомбинатовская воровка.

– Такие наглые! И старых, и больных обижают, – вторила

ей работница столовой дурдома.

– Ни хрена не работают, только на базаре всякой дрянью торгуют! Довели страну! – подвела итог обсуждению Огромная бабка.

Поругав молодёжь, бабки развернули прихваченную из дому жратву и, уплетая за обе щёки, перешли на критику продовольственного снабжения.

– В магазинах всё мясо попало, – отметила результаты своей расхитительской деятельности работница мясокомбината.

– Уже больные наши говорят: нас голодом морят! – то ли возмущалась, то ли восхищалась результатами своего труда работница столовой дурдома.

– Просто нечего жрать стало, – резюмировала Огромная бабка, аппетитно пожирая куриную ногу.

– Вы видели по ящику, какое платье Райка напялила? – пере менила тему работница дурдомовского пищеблока.

– Какая Райка? – уточнила мясокомбинатовская воровка, – Горбачева, что ли?

Физиономии бабок дружно искривились.

– Ой, фу! Не порть аппетит! – воскликнула Огромная бабка, – я тут про неё такое слышала….

Пообсуждать жену Генерального секретаря ЦК КПСС, сбежались бабки со всего базара. Покупатели недоуменно стояли в очередях у прилавков, а базарные торговки, бросив свои торговые места, сгрудились вокруг Огромной баб-

ки, обсуждая свежую сплетню про Раису Максимовну.

– Она от какого-то инопланетянина родилась, – сообщила потрясённым торговкам Огромная бабка, – загулял этот инопланетянин, его хотели из партии исключить…

…и вдруг бабки заметили, что содержание их беседы внимательно слушает и записывает в блокнот молодой человек.

– Это кто? – испуганно зашептались бабки, – КГБ?

Молодой человек, увидев, что его внимание оказалось в центре внимания, поспешно удалился. Но я успел заметить, что это корреспондент Костя, сделавший из меня «буревестника сексуальной революции». Видимо, таким образом он собирал материал для своей газеты. Но базарные бабки этого не знали и поспешили разбрестись по торговым местам и заняться торговлей.

А торговля у Огромной бабки не шла. После того, как я доложил ей почём цветы у армян, она определила цену собранным мною на могилах цветам второй свежести на рубль дороже, чем у армян. Чтобы доходу было не меньше, чем у армян. Но, редкие покупатели, спросивши цену, разочарованно шли дальше. Бабка только шипела им вслед «Козлы…». После десятого такого покупателя она зашипела на меня:

– Засранец, что ты за цветы насобирал.

– А на могилах только такие лежат, – пытался оправдаться я.

– И на твоей такие будут лежать, – пообещала бабка.

Торговые проблемы огромной бабки заметила и мясокомбинатовская воровка, которая сообщила весьма интересную информацию:

– А не берут у тебя, потому, что у кооператора дешевле.

– Что-о-о? – физиономия у огромной бабки искри вилась больше, чем от сообщения о жене Горбачёва, – Он чё, охренел, что ли!

Бабки дружно посмотрели в сторону, где стоял свежевыкрашенный киоск с надписью Кооператив «Цветочек» и немаленькой очередью за цветами.

– «Цветочек» вонючий, – процедила Огромная бабка сквозь зубы.

– Он, точно, где-то по чёрному ворует – высказала версию мясокомбинатовская воровка, – Потому и задёшево продаёт.

– Или дураков обирает, – эту версию высказала обиравшая дураков работница дурдомовской столовой, – у них за копейки что хочешь можно купить. Дураки они, одним словом.

– Одним, словом, он козёл, – вынесла приговор кооператору Огромная бабка.

Бабки ещё долго обсуждали кооператора, высказывая также версии, что он ест маленьких детей, пьёт ночами кровь у летучих мышей и т. п., и т. д… Ну а такого маньяка и вампира бабки возненавидели больше, чем жену Горбачева.

– Спалил бы кто-нибудь его – мечтали они.

– Кто-нибудь спалит… – пообещала Огромная бабка.

Пока бабки перемывали косточки кооператору, закончился базарный день. Ни один цветок у Огромной бабки не купили, поэтому все пришлось отправить в помойку(не оставлять же другим, чтобы те продавали этот хлам!). По такому случаю Огромная бабка долго ругала кооператора, армян, милиционера, в конце концов перешла на меня и поставила условие:

– Спалишь сегодня ночью киоск кооператора – завтра получишь свои документы.

Я пытался робко возразить, на что Огромная бабка предложила другой вариант:

– Тогда сдам в психушку.

Ночью с канистрой керосина я пошёл жечь ненавистный бабкам киоск.

Фонари не горели, в кустах кто-то шевелился и повизгивал: то ли собаки, то ли парочки. Сердце поёкивало, в животе покручивало … Возле рынка я чуть не наступил на лежавшее на дороге какое-то большое рычащее животное. Я даже вскрикнул и разбудил животное, которое пробурчало:

– Ну чё спать не даёшь…

В животе начинало крутить по-настоящему.

На базаре стояла тьма тьмущая, из которой доносилось позвякивание стаканов.

– Эй, Сёма, это ты? – донеслось из темноты, – первача принёс?

Из мрака сначала донёсся ужасающий запах перегара

и только потом вырисовалась шатающаяся фигура со стаканом.

– Ого! Целая канистра! – воскликнула фигура, и из темноты сразу вылезли ещё две разящие перегаром фигуры, протягивая перед собой стаканы.

– Давай, разливай! – заорали дружно они.

У меня от такого оборота событий язык отнялся и я не рискнул объяснять что у меня в канистре. Открыв трясущимися руками канистру, я разлил им в стаканы керосин. Грешная троица чокнулась стаканами и вмиг опустошила их.

– Ох и крепкий первач!!! – воскликнул кто-то из них.

– Да, клёвый, – оценил керосин другой.

– А ты, Сёма, чё не пьёшь? – вдруг обратил внимание третий.

– Да я сейчас в сортир сбегаю, – на полном серьёзе пытался объяснять я, ибо в животе от всех переживаний явно назревала революция.

– Да чё ты, Сёма, стесняешься, – воскликнул кто то из грешной троицы, – садись прям здесь, здесь все свои.

– Ты чё, сдурел! – воскликнул другой, – тута не свинюшник, тута все культурные люди и срут, где положено срать культурным людям!

Между двумя завязалась перепалка, а третий, тем временем, со скукой глядел на них, покуривая сигаретку.

Перепалка быстро переросла в потасовку, приведшая к тому, что канистра, грохнулась наземь, и керосин полился

во все стороны. А через мгновенье сцепившиеся собутыльники уронили наземь и третьего с его сигаретой, от которой керосин вспыхнул до небес…

…Сортир я уже не успел найти, сил хватило добежать до ближайших кустов, из которых я наблюдал как полыхает базар. На улице сразу стало светло и не страшно и я с чувством честно выполненного долга пошёл домой к Огромной бабке, но та, увидев полыхающее на пол-неба зарево уже сама бежала навстречу.

– Я тебе только киоск спалить сказала! На хрена ты весь базар подпалил! – набросилась она на меня.

– Я старался как лучше, чтоб с гарантией было, – пытался оправдаться я.

– Ах ты засранец! А ну марш тушить! – и бабка, схватив меня за шиворот, поволокла к базару.

Возле пылающего базара собралась толпа зевак, на которую Огромная бабка рявкнула ещё громче, чем на меня:

– Вы что стоите, рты раззявили!!! Общественное добро горит, а вы палец о палец не ударили, бездельники!!! А ну, марш тушить!!!

Кого-то из толпы баба пыталась схватить за шиворот, дабы направить на тушение пожара, но после таких её речей зеваки и бездельники поспешили от огня подальше, оставив на месте происшествия робко стоящего с тощей папочкой не менее тощего милиционера, на которого Огромная бабка обрушила весь свой гнев:

– Ты что стоишь как истукан!!! Ты милиция, или что!!! Ты почему мер не принимаешь, дармоед!!!

Милиционер робко пытался что-то объяснить, но бабка продолжала орать на него:

– Куда ты смотрел, олух!!! Бардак кругом, а ты со своей папочкой носишься, как дурень с писаной торбой!!! Довели страну!!!

В это время с большим опозданием подъехала пожарная машина и бабка переключила весь гнев на пожарных:

– Сколько вас, дармоедов, ждать можно!!? Дрыхните днями, бездельники!!!

… и получила в рыло струю из брандспойта, отлетев на приличное расстояние.

После того, как пожарники залили догоравший базар, стало видно, что сгорели почти все имевшиеся на нём халупы, строения и сооружения. Так что, торговать Огромной бабке и сотоварищам стало негде и, главное – негде собираться, чтобы перемыть косточки жене Горбачёва. Вот это ужасно! Но еще более ужасно, даже кошмарно то, что невредимым из всех сооружений, строений и халуп остался только киоск кооператора, спалить который поручила мне бабка!

Огромная бабка пинками гнала меня до дома, где заперла меня в чулан.

– Ну бестолочь, ну баран, ну засранец! – орала она на меня, – Ни хрена хорошего не умеешь делать! Киоск паршивый по-человечески не мог сжечь! Даже продать тебя нельзя:

кто за такого идиота заплатит!

И вдруг её посетила идея …

– Слышь ты, у тебя родители есть то?

– Да: папа, мама…

– Чем они работают?

– Учителями.

– Это хорошо! Пока я в школе училась, её директор дом себе построил только на то, что мои родители ему натаскали. А ну пиши родителям письмо!

Бабка извлекла меня из чулана, дала ручку и бумагу и заставила писать маме и папе слёзное письмо о том, что меня похитили рэкетиры и требуют выкуп. И я стал писать и даже написал, помимо того, что требовала бабка, что согласен отказаться от маминого наследства, только, пускай, заберут меня поскорей отсюда. Потом бабка снова заперла меня в чулан и закончила начатое письмо, дописав сколько должны были папа с мамой за меня заплатить. Сколько она потребовала, по сей день не знаю, но что-то очень много, если за идеал взяла директора своей школы.

– Теперь ты у меня заложник, – объявила она, – пока за тебя родители не заплатят, из чулана не выйдешь.

Я безвылазно сидел в чулане, где я днями спал и жрал то, что подкидывала мне бабка из своего, как она считала, скудного рациона: кусок сала, кусок курицы, кусок жареного сома. Делать я ничего не делал. Собирать полузавявшие цветы бабка меня больше не посылала. Даже горшок, предоставля-

емый мне, выносила сама. Наверное, боялась, что надежда на энную сумму денег в моём лице может сбежать, но таким заложником мне даже понравилось быть: жрать да спать – так, наверное, только министры живут, да другие большие начальники. Разве что, не в чулане. И скучновато немного.

Через некоторое время бабка получила от моих родителей письмо и страшно возмутилась:

– Твои родители дураки, что-ли? Ни машины, ни дома своего! Что они, не умеют ничего с родителей брать?

– Да родители у учеников бедные, – пришло мне на ум, – у них денег мало.

– Ну страну довели! – возмутилась Огромная бабка, – Для взяток денег не хватает!

Бабка написала новое письмо, в котором, по – её словам, предложила выкупить меня за дефицитные товары: гречневую крупу, сгущенное молоко, презервативы, ещё что – то.

Но и предлагаемого ассортимента у папы с мамой не оказалось.

– Что там, в школе, никого из учеников родители на складах не работают?! – возмущалась бабка.

– Работают. Только на складах уже ничего нет: всё разворовали, – вводил я в заблуждение бабку, не зная истинных причин дефицита дефицитных товаров.

Но бабка приняла это за правду.

– Ну, и власть! – возмущалась она, – Довели страну! Уже и воровать нечего стало!

…и продолжила переписку с моими родителями.

Я не брился и оброс бородой. В баню бабка не выводила.

Пребывание в чулане становилось всё более скучным и вонючим.

И тут бабка сообщила потрясающее известие:

– Договорились мы с твоими родителями. За тридцать рулонов туалетной бумаги тебя отдаю!

На какие цели хотела бабка направить туалетную бумагу, для меня осталось тайной. Наверное, продать этот дефицит, ибо её задница, учитывая размеры и соответствующую мощность, использовала бы все эти рулоны чересчур быстро.

Через несколько дней мой сладкий сон в чулане прервал исте – ричный вопль моих родителей:

– Где наш сынуля?!!

– Да забирайте вашего засранца, – пробурчала Огромная бабка, – в чулане дрыхнет.

Дверь чулана открылась в ней появились лица родителей. Я уже порядочно зарос и очень долго не мылся, поэтому, после того, как родители принюхались и пригляделись, их лица перекосились в ужасе.

– Кто это?!! – воскликнула мама.

– Да это я! – воскликнул я и ринулся к родителям, которые в ужасе отпрянули.

– Что вы с нашим сыном сделали?!! – взвопила мама.

– Да забирайте своего засранца! – заорала на родителей Баба-жаба, – Родители ещё называются, воспитали дармо-

еда! Ни хрена не может делать! Только жрать, спать, срать, да на базаре торговать! Довели страну!

Правильно сориентировался папа, который настойчиво потянул маму и меня из жилища бабки, которая всё более распалялась и напоследок швырнула в нас пакетом моих документов со справкой о моей шизофрении.

– Да ваш сын ещё и шизофреник! Родители, называются! Дебила воспитали!

Мама никак не могла прийти в себя и с ужасом смотрела на меня.

– Господи, во что ты превратился? – приговаривала она, – Ты почему трусы не меняешь?

– Я в заложниках был, – оправдывался я.

– Я сколько тебе раз говорила: меняй своевременно трусы, – продолжала повторять мама, теперь и брюки выбрасывать придется…

Мы ещё целый день пробыли в негостеприимном городишке, пока я не сходил в баню и парикмахерскую и не купил брюки, ибо старые, действительно пришлось выбрасывать.

В бане меня сперва приняли за бича и хотели вызвать милицию, но папа, выглядевший более прилично, очень убедительно объяснил, что я провалился по неосторожности в общественный туалет и так долго там сидел, что сильно оброс. И ему поверили. А мама постоянно трагически вопрошала:

– Ты почему трусы не меняешь?

Пока я мылся и стригся, папа купил местную газету, про-

читал её и в ужасе сообщил:

– Здесь опасные маньяки водятся, надо быстро отсюда уезжать!

– Какие ещё маньяки?

– Во-первых, керосиновые маньяки. Они керосин пьют и потом, там, где пьют – поджигают. Здесь уже рынок вот так сожгли. Во-вторых, кооператор какой-то маленьких детей ест и кровь пьёт. У всех местных летучих мышей кровь выпил.

И папа протянул мне газету с душераздирающей статьёй о местных маньяках, автором которой был уже знакомый мне Костя, сделавший из меня «буревестника сексуальной революции». Но мама обратила внимание на совсем другое сообщение:

– Ты посмотри, оказывается у жены Горбачева предки инопланетяне, да ещё исключенные из партии…

Автором этой статьи значился не Костя, но мне уже стало ясно, что это был именно он.

После того, как я приобрёл человеческий облик, мама попыталась выяснить у меня от какого это я наследства отказываюсь в своём письме? Я объяснил. К ужасу папы, который сначала пытался меня перебить, а потом пустился наутёк от мамы, пришедшей в ярость от услышанного.…

Оказывается, мама действительно упала в обморок от моего сообщения о поездке на ударную комсомольскую стройку и у неё от долгого лежания без сознания случился отёк

лёгких. Но уголовного дела в отношении меня не возбуждалось. Завещания мамой не писалось, хотя папа в разгар болезни ей такое предложил и потом предлагал ещё несколько лет. В общем, это всё папа из своих корыстных намерений проделал!

Вдобавок, папа обманул и маму: сообщил, что ведёт переписку по поводу моёго местонахождения с комсомольскими органами, и что меня уже нашли и ведут со мной работу, чтобы я написал родителям письмо! И так несколько лет.

– И я, дура, все эти годы этой глупости верила! – самокритично воскликнула мама, – Теперь только развод!

Но когда мы пришли на вокзал, мама к своему ужасу обнаружила, что папа удрал от неё со всеми деньгами, документами, а также десятком моих сменных трусов, за сохранность которых после всего случившегося мама испытывала особое беспокойство.

Мама впала в истерику.

Собралась толпа, маму пытались успокоить. Чья-то рука протянула стакан валерьянки. Мама залпом выпила и запустила стаканом в дававшего: это был папа. Родители сцепились в рукопашной, полетели клочья волос. Я хотел, было, присоединиться к драке, но пока думал – на чьей стороне, появился милиционер, который отвел в отделение милиции родителей вместе со всеми деньгами, документами, а также десятком моих сменных трусов.

Я несколько часов проторчал возле отделения милиции,

где разбирались с моими родителями.

– Развод!!! Развод!!! – доносился из отделения боевой вопль мамы.

Я бы давно куда-нибудь смотался, если бы не деньги, документы, а также десяток моих сменных трусов, которые вместе с родителями находились в отделении милиции.

– Только не сообщайте! Только не сообщайте! – донёсся из отделения милиции испуганный голос мамы, – Мы ведь педагоги! Вы представляете, что ученики скажут!!!

Через несколько часов мама вышла из отделения милиции под ручку с папой, который читал ей нотацию:

– Знаешь, сколько мне пришлось мусорам дать, чтобы дело замять? Если бы протокол составили, да в школу сообщили, – это стопроцентное увольнение по статье за аморальное поведение. А наши ученички, эти дебилы и шизофреники, до конца жизни пальцем бы тыкали.

Мама только кривилась.

Со своими разборками родители даже не интересовались при каких это обстоятельствах я попал в заложники и откуда у меня документы о психическом заболевании. Вообще то, между своими переругиваниями они спросили у меня, на что я неопределенно ответил:

– Да так вот получилось…

и меня на эту тему больше не спрашивали! А вот документы о моём психическом расстройстве по возвращении домой куда то спрятали так, что я не смог найти.

В поезде родители мне рассказали про то, как они пытались меня вызволить из заложников.

– Я сразу пошла в милицию, – рассказывала мама, – А там заставили писать заявление строго по форме. Я три раза переписывала: все «не по форме». Потом отдала, так они уже его какой месяц рассматривают и рассматривают.

– А вот участковый у нас попался хороший, – дополнил рассказ папа, – честно признался: «Это мафия, с неё бороться невозможно», но помочь – помог: туалетную бумагу у какой-то спекулянтки конфисковал и нам отдал для твоего выкупа.

Когда мы приехали домой, в почтовом ящике лежало письмо из милиции, которая сообщала, что «по заявлению по факту хищения клизмы проводится проверка, о результатах которой Вам будет сообщено дополнительно».

– О каком ещё «хищении клизмы»! – возмутилась мама, – Они что, издеваются!?

– А что ты написала то в заявлении? – пытался уточнить папа.

– Что они просили, то и написала. По форме, – объяснила мама, – иначе, говорят, мне не рассмотрят.

– Ну вот, о чем ты просила, на то и отвечают, – разъяснил ситуацию папа. Клизму похитили – вот они и ищут её.

– Так, мне сказали, что если по другому напишу, они искать не будут…, – оправдывалась мама.

Папа только махнул рукой. Клизма на месте – инцидент

исчерпан.

Правда, через несколько месяцев маму повторно вызвали в милицию и пытались выяснить, о какой клизме в её заявлении речь идет. Выяснили или нет – не знаю, но письма из милиции «по факту хищения клизмы» приходить перестали.

Моё появление дома сразу вызвало интерес соседей, которые сразу напросились к нам в гости.

– Так ты на «Северах» работал? – вопрошала Соседка из квартиры слева, – Там, говорят, не деньги, а деньжища! Нам бы не занял до зарплаты?

– Какие деньги и деньжища!? – возмутилась мама, – Всё рэкетирам пришлось отдать!

– А мы слышали, что вы выкуп гречкой заплатили, – заметила Соседка из квартиры сверху.

Я хотел уточнить, что расчёт был произведён туалетной бумагой, но папа вовремя заткнул мне рот, воскликнув:

– Какая ещё гречка!? Вы где-нибудь слышали, чтобы с рэкетирами гречкой расплачивались!?

– Да если бы я рэкетиром был, я бы и водкой взял, – высказал свою позицию Сосед снизу.

Водка у нас имелась и была выставлена на стол формально по случаю моего возвращения, а фактически – в связи с нашествием соседей. После первых ста грамм Соседка из квартиры сверху вернулась к теме моего пребывания в плену у рэкетиров.

– У нас все соседи такие душевные, – сказала она, – когда

тебя, Аполлоша захватили, все так переживали, так переживали…

– …А денег взаймы даже на дорогу ни копейки не дали, – испортил благостную картину выпивший папа.

– Да что вы всё к деньгам всё сводите! – возмутился Сосед с низу, – Деньги – это зло!

И все соседи набросились на папу, обвиняя его в поклонении золотому тельцу. А, вспомнив про деньги, соседи стали выяснять – не осталось ли, всё-таки хоть что-нибудь после моего выкупа. Но наша семья дружно стояла на том, что потрачено всё, в связи с чем разочарованные гости покинули нашу квартиру.

По возвращении домой родители начали активно заниматься моим трудоустройством. Ещё едучи в поезде я догадался куда хотят меня пристроить: родители вместе со всеми пассажирами вагона стали ругать кооператоров, (предварительно осведомившись – нет ли таковых в вагоне). Помню, какой-то дедусь, размахивая газетой, воскликнул:

– Все маньяки в кооператоры идут! Вот пишут – есть такие, что маленьких детей едят!

Я с удивлением заметил, что о пожирающих детей маньяках-кооператорах написали уже в какой-то центральной газете. Видимо, перепечатали из местной Костину статью.

Родители продолжили ругать кооператоров и по возвращении домой.

– Самые худшие выпускники, которые таблицу умно-

жения не знали, по складам до десятого класса читали – все в кооператорах! – возмущался папа.

– Весь сброд в кооператоры идёт, – резюмировала мама, – в общем, сынуля, мы с папой тебе место в одном кооперативе присмотрели.

Оказалось, что в школе, в которой работали мои родители, учатся, в том числе, в выпускных классах, дети председателей нескольких кооперативов. С успеваемостью у них, как и у их родителей, – большие проблемы, а вот окончить с отличием школу, чтобы потом хотя бы в заборостроительный институт поступить, – большое желание. С одним из таких председателей и навели контакты мама и папа. Точнее, им помогли преподаватели других предметов, с которыми председатель договорился об отличных отметках его чада по соответствующим предметам, а взамен – предоставил возможность побыть их родственникам членами его кооператива. На тех же условиях обо мне договорились и мои родители.

– Там такие деньги зашибают, что в твоей шараге и не снились, – объясняла мама, – Но, чтобы попасть туда, надо официально паевой взнос внести, которого у нас нет. В качестве взноса – пятерки сыну – идиоту этого козла, то бишь, председателя кооператива по нашим с папой предметам.

– А работа там хоть какая? – пытался выяснить я.

– По моему, никакой, – высказал своё мнение папа, – как я погляжу, они только могут сумасшедшие цены устанавли-

вать и бабки с них сумасшедшие с них получать.

Оказалось, что в кооперативе надо, всё-таки что-то делать.

Председатель кооператива популярно объяснил:

– Здесь не государственное предприятие, здесь хоть не много, но работать надо. Причём мы сами себе хозяева: не на государство работаем, а на меня, то есть на себя!

На себя или на него я работал, я так и не понял.

Кооператив, в который я был принят на время учёбы в выпускном классе сына Председателя кооператива, официально предоставлял услуги общественного питания, а неофициально – общественного спаивания. Причём наш кооператив организовывал только коллективные пьянки (юбилеи, похороны, свадьбы, разводы и т. п.). Как объяснил Председатель, индивидуальное питание, осуществляется, как правило, на трезвую голову, а коллективное почти всегда – на пьяную.

– Водка, водка и ещё раз водка, – объяснил своё кредо председатель, – и к концу пьянки посетителей хоть помоями корми, всё равно доволен будет!

То, что присутствие трезвых посетителей в нашем кооперативе нежелательно, я понял по тому, что всем работникам кооператива Председатель настоятельно рекомендовал даже не пробовать то, что готовится в кооперативе. Можно или нет пробовать спиртные напитки, которые были в кооперативе, Председатель не говорил и, поэтому, все мы их про-

бовали, благо их было много и доставались они бесплатно. Бесплатными они были потому, что их поставка в качестве паевого взноса осуществлялась бывшим таксистом, выгнанным из таксопарка в годы борьбы с пьянством за работу в качестве винно-водочного магазина на колёсах. Средство доставки у таксиста отобрали, но источник поступления винно-водочных изделий остался.

Когда очередная компания собиралась за столом, то первым на стол выставлялись именно спиртные напитки и торжественно объявлялось, что они в оплату не входят. К концу попойки этого торжественного объявления уже никто не помнил.

На весь район председатель кооператива смог отыскать только одну повариху из колхозной столовой, которая не растаскивала продукты и при этом могла готовить что то относительно съедобное. Она и готовила то, что первым подавалось на стол и съедалось ещё относительно трезвыми посетителями.

Изобилие спиртного промышленного производства делало посетителей менее разборчивыми и поэтому они уже не реагировали на то, что подавалось после сравнительно съедобного на стол.

А подавалось то, что доставлялось из столовой школы. Сын заведующей столовой тоже состоял в членах кооператива и поставка школьного питания составляла его паевой взнос. То, что готовили в школьной столовой, учителя есть

боялись, а школьники ели лишь потому, что этого требовали учителя. Например, там была «котлета – кака политая рыжей бякой» (так это называли сами школьники). Но после ста пятидесяти – двухсот грамм водки и «кака», и «бяка» казались неплохой закуской.

После этого, спиртные напитки домашнего производства, как правило, кончались и на стол выставлялись напитки домашнего, а точнее, кооперативного производства. В подвале нашего кооператива стояло несколько самогонных аппаратов, которые в период активной борьбы с пьянством были конфискованы милицией, а в период расцвета кооперативного движения куплены у милиции нашим кооперативом. Главным оператором самогонных установок работала мама председателя кооператива – известная в районе самогонщица, на напитках которой спилось не одно поколение нашего города и района. А я работал помощником Главного оператора самогонных установок. Обязанности вобщем-то были простые: получить по записке председателя кооператива сахар на заднем дворе государственного магазина, следить за бесперебойной работой агрегатов, когда мама председателя на полдня уходила хозяйничать по дому, да разливать самогон по сосудам, подаваемым на стол после того, как выпьют алкогольные напитки промышленного производства. Одно было плохо: то, что готовилось на самогонных аппаратах нашего кооператива, пить было нельзя. При первом же инструктаже на рабочем месте, который провела Главный

оператор самогонных установок, она меня предупредила:

– Не пей эту дрянь – козлёночком станешь!

Да и я сам, увидев, какие вкусовые добавки использовались главным оператором самогонных аппаратов, зарёкся употреблять это пойло: в целях экономии материальных средств мама Председателя кооператива приносила для заправки коровий навоз, имевшийся в изобилии на её подворье. Но посетители активно употреблявшие такие напитки, козлятами, вопреки предупреждению изготовителя этого пойла, не становились, но свинели окончательно, в связи с чем на стол выставлялись блюда соответствующие их состоянию.

В членах кооператива также значился сын директора предприятия по уборке города, в обязанности которого входила доставка пищевых отходов, то бишь, помоев, в пригородный свинсовхоз для питания свиней. Не знаю, чем питались свиньи четвероногие, но все помои, предназначенные для их кормления, директор предприятия по уборке города направлял в наш кооператив. Для питания свиней двуногих. Помои, густо посыпанные перцем и зеленью, выставлялись на стол после того, как были съедены «котлеты-каки» и выпиты все спиртные напитки промышленного производства. Хорошо опьяневшими и освиневшими посетителям помои, сдобренные перцем и зеленью хорошо пожирались под спиртные напитки домашнего приготовления, настоянные на коровьем навозе.

Тем, кто ещё стоял на ногах после «котлеты-каки» и самогонки на коровьем навозе, предъявляли счет, а точнее, называли первую пришедшую на ум сумму. И те давали эту сумму, да ещё на чаевые. На моей памяти только один не окончательно опьяневший посетитель пытался выяснить – кто такие сногсшибательные цены установил, на что ему объяснили: «Здесь кооператив, сами себе хозяева: какую цену хотим, такую устанавливаем!»

Ближе к полуночи тех, кто не мог уйти или уползти, забирали в вытрезвитель, который делился с кооперативом доходом от регулярных поставок.

Но и кооперативу приходилось делиться.

Каждый месяц председатель ездил в облцентр и в столовой обкома партии приобретал еду и напитки, которые выставлял на стол, когда в кооператив приходили ответственные товарищи из горкома и горисполкома, курирующие деятельность кооперативов.

– «Социализм – это строй цивилизованных кооператоров», – цитировал В.И.Ленина товарищ из горкома, – а наши кооператоры ещё дикие – дикие: должны жратву сами готовить, а они из обкомовской столовой возят, узнаю по волосам шеф-поварихи.

Несколько минут у него уходило на излечение из еды волос и волосищ, которыми шеф-повариха из обкомовской столовой по халатности или из вредности начиняла блюда.

– А другие лучше, что ли? – продолжал мысль товарищ

из горисполкома, – кооператив «Башмачок» по идее должен сам делать обувь, а я смотрю, что они нам сунули – это ж из соседних с ним магазинов скуплено и в три дорога продано.

– И ладно, – успокаивал товарищ из горкома, – на халяву и уксус сладкий!

Он с удовольствием похлопывал по пакетам, набитым продукцией кооперативов, деятельность которых они курировали.

Товарищи из горкома и горисполкома напивались до чёртиков, но денег с них не требовали, а наоборот, давали в конверте, после чего отвозили на личной машине председателя по домам.

Затем председателю пришлось ездить за продуктами из обкомовской столовой чаще и чаще. И выставлять эти продукты не только когда приходили ответственные товарищи из горкома и горисполкома, но и безответственные хмурые ребята в наколках, которые напивались умеренно, уезжали на собственных машинах, но деньги в конверте получали также, как и ответственные товарищи.

После них нередко в кооператив приходил милиционер, которого также кормили продуктами из обкомовской столовой и поили алкогольными напитками недомашнего производства. Попутно председатель вел с милиционером беседу о необходимости принятия мер к безответственным хмурым ребятам в наколках, на что тот обещал принять меры.

Но после того, как наш кооператив прекратить гнать самогон в промышленных масштабах и воровать помои у свиней, являющихся государственной собственностью.

– Как отвратительно воспитывает государство наших граждан! – бурчал председатель, – Школа должна воспитывать, комсомол должен воспитывать, партия должна воспитывать. И что толку – кругом одни рэкетиры, взяточники, мошенники! До чего страну довели – всем отстёгивать надо: горисполкому, горкому, милиции, рэкетирам!

Но несмотря на массовое «отстёгивание» денежных средств и регулярное причитание по этому поводу, раз в месяц председатель кооператива подходил прямо на рабочие места кооператоров и со словами: «Это от зайчика» вручал конверты с деньгами – то ли с зарплатой, то ли с авансом.

Получив первый раз намного больше, чем в своё время получал в шараге, я имел неосторожность похвастаться конвертиком «от зайчика» перед родителями, которые забрали конверт, чтобы я не прогулял его содержимое, и устроили гулянку. Поскольку единственным ресторанным учреждением, где можно погулять, в нашем городишке был кооператив в котором я работал, опасаясь отравиться или попасть в вытрезвитель, родители накрыли стол дома и пригласили соседей. Соседи напились и дружно ругали кооператоров за их сумасшедшие цены и публикуемые в газетах статьи о поедании ими маленьких детей. а, узнав, что я работаю в кооперативе, стали дружно занимать у меня, точнее у моих ро-

дителей деньги. В результате все деньги, полученные в первый месяц работы, были прогуляны и розданы взаймы. Когда в последующем мама пыталась получить данные взаймы деньги у соседей, те округляли глаза и божились, что ничего не брали. Поскольку расписок никаких у соседей мы не брали, то деньги безвозвратно пропали.

На следующий раз в конверте «от зайчика» я получил ощутимо меньше, чем в первый раз. Когда я спросил у председателя о причинах этого, он заметил:

– Это «зайчик» тебе даёт, а зайчики арифметики не знают. Не нравится – иди в госучреждение.

Но в госучреждение мне идти не хотелось. Хоть и работы там почти никакой не было, но получал я всё равно меньше, чем в кооперативе. Даже «от зайчика», который счёта не знал. А сходить пару раз за сахаром, разлить десяток бутылок самогона, да поспать на самогонном аппарате, – это то же самое, что перебирать никому не нужные бумажки.

Чтобы родители не прогуляли полученные «от зайчика» деньги и не роздали их соседям, я прогулял их сам. Родители долго возмущались.

– Ты совершенно не можешь распоряжаться деньгами! – кричала мама, – Только балбес может прогулять всю получку!

Я был хорошо пьян, потому, что осмелился заметить маме:

– Что ты вместе с папой и сделали в прошлый раз…

Родители коллективно набросились на меня и стали кричать какой я невоспитанный хам.

Алкоголь сделал меня смелым и способным резать правду матку прямо в глаза.

– А кто ж такого хама воспитал!? – воскликнул я, – Вы! Мои родители!

От такого хамства родители, воспитавшие такого хама, сначала остолбенели, а меня потянуло на сон.

На следующее утро родители были суровы.

– Не смей попрекать родителей своим плохим воспитанием, – строго заметила мама, – мы с папой тебя только хорошему воспитывали. Мы педагоги и лучше тебя знаем как надо воспитывать.

– Следующую зарплату до копейки отдаёшь нам, – дал указание папа.

Следующую зарплату «от зайчика»(которая была больше, чем во второй раз, но меньше, чем в первый), я отдал папе, который её сразу проиграл в преферанс.

Тем временем сын председателя кооператива окончил школу, папа и мама выставили ему обещанные «пятерки», после чего председатель заявил, чтобы я подыскал себе другую работу. Мама с папой целый день ругали зловредного председателя кооператива, пока не вспомнили, что в новом учебном году в выпускном классе будут учиться сыновья председателя кооператива – «Башмачок». (Того самого, который формально занимался изготовлением обуви, а реаль-

но покупал обувь в государственных магазинах и потом продавал её втридорога) Но председатель «Башмачка» потребовал, чтобы его сыновьям дали золотые медали, что ввиду их полного идиотизма было, не только нереально, но и попахивало сумасшествием. Мама и папа снова расстроились и продолжили ругать кооператоров.

– Я всегда предполагала, что в кооператоры идёт работать всякая погань! – ругалась мама, – После того, как мой сын там поработал, я убедилась в этом!

– Убедилась, что я «погань»? – пытался уточнить я, но мама стала ругаться ещё сильней, указав мне, чтобы я не хватал за язык старших, ибо она педагог и знает, что и в каких случаях говорить.

Но, благодаря работе среди всякой погани, произошла встреча, благодаря которой я смог от этой погани уйти.

За моё время случился второй случай, когда не окончательно опьяневший посетитель пытался выяснить – кто такие сногосшибательные цены установил. Традиционные объяснения: «Сами себе хозяева, какую цену хотим, такую устанавливаем.» – на него не оказали должного воздействия и поднялся страшный шум, на который из любопытства потянулись работники кооператива, в том числе, и я. Шумевшим посетителем отказался поручик Голицын! Такого споить действительно сложно, а недостаточная степень опьянения спровоцировала скандал. Голицын уже собрался бить морды кооператорам, закатал рукава, снял наручные часы,

но вдруг увидел меня.

– Пол! Ты жив!? – искренне удивился он, – А мы тебе аж два раза на венок собирали!

Оказывается, слухи в нашей шараге дважды хоронили меня за время пребывания на «северах»: один раз я был съеден белыми медведями, другой раз замерз в летнюю жару.

Драка закончилась, не начавшись. Но, дабы не провоцировать поручика Голицына, кооператоры переключили свою активность по выклянчиванию оплаты на его собутыльников, которые находились куда в более подходящем состоянии для осуществления платежа любой суммы.

А поручик Голицын переключил своё внимание на меня.

– Теперь то я понял, что это Капуста не на венок, а на водку собирал, – сообщил мне Голицын, – а ты то где сейчас?

И я рассказал поручику про своё светлое настоящее и туманное будущее.

– Нет проблем! – воскликнул Роберт Робертович, – Хочешь директором нашей шараги стать!?

– !?

– У нас послезавтра выборы директора будут, – объяснил Голицын, – если стол в своём кооперативе накроешь, – мы все за тебя проголосуем!

Я просто обалдел от такого предложения. В психушке я слышал о таком интересном почине, как выборы директора предприятия, но тогда я подумал, что это всё сплетни шизофреников. А Роберт Робертович с энтузиазмом продолжал:

– Сейчас любой идиот может начальником стать, если коллективу понравится. А какому коллективу не понравиться, если ему поляну накрыть! Правда, ещё кое-что коллективу нужно сделать…

Но что именно ещё коллективу нужно сделать, я уже не слышал, думая лишь о том, как накормить и напоить этот коллектив. В конце-концов я предложил председателю кооператива устроить попойку в счёт того, что мне должен дать «зайчик». Председатель слушал мои планы и предложения недоверчиво и я, уже не зная, как добиться исполнения желания, заявил:

– А стану директором, – любую сумму заплачу, какую скажите.

– А не станешь, – полгода бесплатно будешь работать, – выдвинул встречное предложение председатель.

И я согласился.

Когда я сообщил о моём проекте маме и папе, те сначала засомневались в его реальности, но в конце концов папа пришёл к выводу:

– Прав твой «поручик Голицын»: время сейчас такое, что и идиот может директором стать. Поэтому такой шанс упускать не стоит, а то мы давно квартиру не ремонтировали.

– Вот-вот! – Лет десять в ней ремонта не было! – воскликнула мама, – Твой папа такой неумёха! Гвоздя в стенку забить не может.

– А причём тут ремонт? – не мог я понять сразу.

– А чем ещё нормальный начальник занимается? Свой быт устраивает за счет своей конторы, – разъяснил мне папа, – если станешь директором, не будь дураком, будь как все начальники!

К следующему вечеру в нашу забегаловку стала стягиваться толпа знакомых мне лиц и физиономий.

– Аполло! Ты живой!? – первым делом кричали мне конторские служащие, – А мы тебя уж дважды хоронили. Это всё паршивец Капуста придумал: говорит на венки, на венки, а сам на бутылки собирал таким способом.

Не помню, как объяснялся по указанному поводу Капуста с остальными членами коллектива, но мне он крепко пожал руку и заявил:

– А я и так знал, что ты живее всех живых. Как Ленин!

Из конторских не пришли Тётя Лошадь, ушедшая с незаслуженного отдыха на заслуженный, Вадим Петрович, который в связи с попаданием в вытрезвитель был исключён из партии, после чего запил, за что и был уволен, а также Лядов, ушедший на повышение по комсомольской линии.

Потом пришла шумная ватага рабочих, о существовании которых в шараге я подозревал в период работы в ней, но только теперь убедился в их существовании.

До того, как начать пьянку, Роберт Робертович торжественно обратился к собравшимся:

– Товарищи! Завтра будем избирать нашу судьбу на пять лет. Кто хочет голосовать за тех придурков, которых нам на-

вязывают сверху, может покинуть это мероприятие.

– Вот именно, «придурков», – конкретизировала мысль Голицына Галка, – только и талдонят: «Работать будем, порядок наводить». Зачем тогда перестройка?

– В общем всем здесь собравшимся предлагаю голосовать за Аполлона Эдуардовича, а он выполнит все чаяния коллектива! Он выполнит все, что хочет коллектив! – закончил Голицын.

– За будущего директора, за Аполлона Эдуардыча! – поднял первый тост Капуста.

И пьянка началась.

Я уже хорошенько захмелел, когда Роберт Робертович поднес мне листок бумаги и ручку.

– Подпиши это Аполло, – и ты директор, – предложил он.

Я подписал. А потом прочитал, что на листе были написаны требования коллектива к новому директору. Помню, Голицин и Капуста требовали назначить их начальниками отделов. Таня, Рита и Галя – свободного графика посещений работы; машинистка Марина – оплачиваемого годового отпуска; водитель Виталик-авто-мобиль директора в своё владение и пользование; рабочие требовали запретить увольнения за прогулы, систематическое нарушение трудовой дисциплины и пьянки в рабочее время. Кто-то требовал ещё что-то. Подо всеми требованиями было написано, что в случае невыполнения указанных требований, меня объявят козлом в местных и областных печатных изданиях.

И за всё это я уже и расписался…

Среди всеобщего веселья грустным оставалось только лицо парторга, который, покачивая головой, опасливо повторял: «Ох, что скажет горком. Что Товарищ из горкома скажет…». Беспартийный Роберт Робертович незамедлительно провел разъяснительную работу с членом партии.

– Ответить можно элементарными лозунгами, – разъяснял он, говорите на все вопросы: «Реализация самоуправления трудового коллектива! Демократический централизм требует подчинения меньшинства большинству! Народ и партия – едины!»

…и подливал парторгу винца.

Потом подали традиционную котлету-каку и много-много водки, после которой и работяги, и контора стали дружно ругать тех придурков, которые навязывают им в директора.

– Какой лозунг придумали: «На работе – работать», – возмущалась Таня, – так и совсем загнуться можно!

– Требуют, понимаешь, чтобы в рабочее время ни капли спиртного! – возмущался кто то из работяг, – Они, что, фашисты что ли!

Потом подали густо посыпанные перцем и зеленью помои, которые хорошо опьяневший трудовой коллектив уплетали под самогон, настоянный на коровьем навозе.

Остатки трезвости заставляли Капусту опасливо переспрашивать соседей:

– Мы на свадьбе, или на похоронах?..

– На юбилее, – уточнил кто-то.

– Ну хорошо, что не ошибся, – успокоился Капуста, – а то на днях на какой-то банкет заглянул, выпил, песни петь начал, танцевать, а мне в ухо влепили: оказалось это поминки…

А секретаря парткома, видимо, последние остатки трезвости покинули: он предложил тост, но выговорить нормально уже не мог:

– Давайте выпьем за само…, само… – лепетал он, но наконец выпалил, – За самоуправство трудового коллектива!

После того, как я выпил за самоуправство, остатки трезвости оставили и меня. Я только и помню, что ничего не помню.

Проснулся я на следующий день в актовом зале шараги, где собрался трудовой коллектив. После вчерашней попойки в зале витал запах самогонного перегара и отрыжки помоями. Туда же товарищ из горкома привёл двух солидных дядей с солидными брюшками, из которых трудовой коллектив должен быть выбрать директора. Товарищ из горкома торжественно провозгласил о том, что сейчас реализуется принцип самоуправления трудового коллектива трудового коллектива, установленный законом о госпредприятиях и предложил проголосовать за предлагаемых кандидатур, которые уже не одну неделю обсуждали в коллективе (и, как я понял, жестоко возненавидели за их желание заставить работать на работе). Видимо, у товарища из горкома

уже был разработан сценарий избрания кого-то из пузатых дядей, но спектакль сорвался, когда на формальный вопрос товарища из горкома: «Может у коллектива есть ещё другие кандидатуры», последовал дружный вопль зала:

– Есть!!! Есть!!!

У товарища из горкома и кандидатов в директора округлились глаза.

Слово взял Роберт Робертович, который заявил.

– Коллектив считает, что директором должен быть член коллектива, который хорошо знает, что этому коллективу нужно. Таким человеком является глубоко уважаемый нами Аполлон Эдуардович Клизма!

– Позвольте, – растерялся товарищ из горкома партии, – мы же договаривались…

– О чем это вы за нашей спиной договаривались!!? – заорал кто то из работяг, – А как же гласность?!!

– Вы что это нам навязываете каких то дядей со стороны! – закричал кто то ещё, – Что за административно-командные методы!

Товарищ из горкома растерялся ещё больше.

– Надо бы биографию… программу действий… – пытался перевести он в деловое русло выходящее из под контроля собрание.

Но собрание неумолимо перерастало в балаган.

– Мы все о нём знаем! – кричал зал.

– Программу действий он сам знает! Мы ему вчера…, –

пытался кто то выдать вчерашнее, но ему своевременно заткнули рот.

– Клизму в директоры! Клизму в директоры! – начали скандировать несколько голосов.

С похмелья кто-то из работяг не понял, о чём речь идёт и воскликнул: «Директор-клизма!? А чё, клёвое зрелище!»

– Парторг, где парторг! – за последнюю соломинку схватился Товарищ из горкома.

Но парторг, не прохмелившийся после буйного застолья, только повторял заученные вчера фразы:

– Видите, это реализация прав на самоуправство, простите, на самоуправление трудового коллектива… Демократический централизм, понимаете ли, требует подчинения меньшинства большинству… А народ и партия, понимаете ли, – едины…

– Нужны будут новые бюллетени для голосования… – все ещё пытался остановить лавинообразное развитие событий Товарищ из горкома.

– Какие ещё бюллетени?! – закричали из зала, – Открытое голосование! Гласность так гласность! Пусть каждый покажет своё лицо или рожу!

…За кандидатов, предложенных горкомом партии, не было подано ни одного голоса. Ну а на предложение проголосовать за мою фамилию взметнулся лес рук!

Товарищ из горкома держась за сердце покинул зал.

В зале началась какая то вакханалия.

– Клизма! Клизма!!! – победоносно скандировал трудовой коллектив, а прохожие, услышав эти возгласы из открытых окон актового зала, недоуменно останавливались, не понимая о чём речь идёт.

Мужчины пожимали мне руки, женщины целовали, так, что через несколько минут моё лицо от губной помады приобрело серо-буро-малиновый цвет. При этом все спешили сунуть на подпись приказы, которые я обещался издать под угрозой объявления козлом. Но первым реализовал свой план Роберт Робертович, который затащил меня в свежеприобретенный кабинет директора и сунул мне на подпись два приказа.

– Вот этот о твоём вступлении в должность, а этот – о моём назначении на должность начальника отдела, – объяснил он.

Я подмахнул приказы, за что Голицын любезно налил мне рюмочку коньячку.

Потом в кабинет ворвался Капуста и подсунул приказ о его назначении на должность начальника отдела, налив мне стопарик водочки.

Потом в кабинет вплыла машинистка Марина с бокалом шампанского и приказом о предоставлении ей годового оплачиваемого отпуска.

Потом ещё кто-то приходил, что-то давал подписывать, поил какими-то спиртными напитками.

В конце-концов я напился так, что заснул и свалился

под стол.

– Сынуля! Что с тобой!? Ты жив!? – разбудил истеричный голос мамы, которая с трудом вытаскивала меня из под стола.

На улице было уже темно. Видимо, я проспал под столом полдня. За это время ко мне принесли и рядом с моим телом положили кучу каких-то бумаг, с огромной запиской: «Уважаемый Аполлон Эдуардович! Это всё надо подписать!»

Пока я разбирал эту кучу бумаг, мама хлопотала вокруг меня.

– Какой ты умница, сынуля! – восхищалась она, – Теперь хоть квартирку отремонтируем! Завтра же отправь к нам бригаду строителей!

– А тут хоть строители есть? – задумался я.

– Да хоть кого-нибудь пошли! – настаивала мама, – Ты же начальник. Я пытался разобраться что за бумаги я должен был подписать, но мама мне не дала это сделать.

– Бросай эту ерунду! – закричала она, – Ты опять трусы не менял – пошли домой! Кстати, у тебя должна быть персональная машина с водителем, а ну вызывай!

Но машины, равно водителя в конторе не было, как и других рабочих и служащих шараги, разбежавшихся отмечать моё избрание.

Пришлось идти домой пешком. По пути мама продолжала излагать план действий:

– Мне из этого дурдома, то есть, школы, уходить надо,

иначе от этих дебилов и шизофреников и их родителей – педарасов и проституток я с ума сойду! В общем, назначишь меня своей секретаршей!

– Мама, ты что!? – изумился я.

– Знаю-знаю, сынуля, что на такие должности директора своих любовниц берут. Но ты же не любовницу а маму свою на работу устраиваешь. А работы там никакой нет, так что я хоть домохозяйством займусь, а то с этими дебилами и шизофрениками некогда пыль вытереть.

Дома уже ждал со своими предложениями папа.

– Вот что, сын, – заявил он, – раз ты в люди выбился, выведи в люди и отца своего, которого его ученики за человека не считают. Короче, назначь меня своим заместителем.

– Папа, мама уже…

– Знаю-знаю, сын, мама хочет по-человечески похозяйничать по дому, а я хочу по-человечески отдохнуть. Я, знаешь, лет десять на рыбалке не был, шашлык на природе не жарил. А заместителя у прежнего директора не было, да и не нужен он. В общем работать у тебя в шараге не нужно, но я хоть зарплату буду получать, да тебя, может, какой раз подменить по-семейному придётся.

Утром персональная машина за мной не приехала. Я дозвонился до нового места работы и выяснил, что среди прочих приказов, подписанных во исполнение принятых в нетрезвом состоянии обязательств, я подписал, в том числе, приказ о передаче указанной машины в полное распоря-

жение её водителя Виталика, который убыл с этой техникой в неизвестном направлении. Пришлось идти пешком.

Первым, кто меня встретил, был Председатель кооператива, который напомнил о моём непродуманном обещании.

– Аполло, ты обещал, что как станешь директором, любую сумму заплатишь. Так ты, как я понял, директором уже стал.

Этого ещё не хватало. Я пытался отвязаться от председателя, но тот был хуже назойливой мухи. А тут ещё появился Роберт Робертович с очередным подготовленным приказом. Но, узнав о возникшей проблеме, он поспешил её решить и срочно вызвал Главную бухгалтершу.

– Вот что, милочка, – сказал он ей, – составь акт на какие-нибудь работы и выдай по нему сему товарищу (он кивнул на председателя кооператива), сколько он попросит.

«Милочка» с удивлением посмотрела на меня, но Роберт Робертович поспешил успокоить:

– Это личная просьба нового директора.

Главный бухгалтер пошла оформлять денежные требования председателя, а Голицын объяснил мне:

– Если деньги понадобятся – на бутылку, или чё-нибудь ещё – составляй акт на какие-нибудь разовые работы сторонней организации – и дело в шляпе. По этим актам можно вторую зарплату получать.

Но не успела разрешиться одна проблема, как возникла новая. В моём кабинете со серьёзным видом и суровыми намерениями. сидели несколько ответственных товарищей,

в том числе вчерашний Товарищ из горкома, чьи кандидатуры на пост директора с треском провалились.

– Аполлон Эдуардович, – строго начал он, – горком партии и главк не считают возможным утвердить ваше избрание директором!

Я опешил от такого поворота, но и тут Голицын бросился разрешать проблему.

– Товарищи, товарищи, – воскликнул он, – Аполлон Эдуардович, чтобы не прерывать производственный процесс сейчас проведет производственное совещание, а я вам объясню ситуацию…

и поспешил выпроводить меня из моего кабинета в приёмную.

– Через час подойди – я всё улажу, – шепнул мне он и извлек из известного только ему шкафа в приёмной ящик коньяка, с которым удалился в кабинет директора что-то объяснять ответственным товарищам.

А в приёмной мне протянула трубку телефона секретарша-бабуля, из которой, казалось, песок начал сыпаться. Если мама точно говорит, что все секретарши – любовницы директоров, то предыдущий директор был явно извращенцем. Звонила как раз мама, которая напомнила:

– Сынуля, ты ещё не принял меня на работу? И не забудь послать бригаду ремонтировать нам квартиру!

– Мою просьбу, не забудь, – в трубке раздался голос папы.

– Ладно, – буркнул я.

Хотя, в кабинете директора, Голицын и ответственные товарищи ещё не мог разобраться со мной, я решил успеть за это время разобраться с поручениями родителей. Да и как разбираться, если сначала надо что то делать с этой бабулькой. Не зная, как начать разговор с бабулей – секретаршей, я вежливо спросил, как мне показалось на нейтральную тему:

– Будьте любезны, сколько вам лет? Как ваше здоровье?

Бабуля, то ли являлась телепатом, то ли за многие годы работы приобрела безошибочную интуицию, но после моих слов разрыдалась и стала слёзно просить:

– Ой, Аполлон Эдуардович! Не сокращайте меня пожалуйста, а то на мою пенсию я своему деду даже водки не смогу купить! Я лучше штатное расписание изменю, вторую секретаршу в штат включу!

– А, что, вы можете штатное расписание менять? – удивился я.

– А кто ж его все эти годы менял? – разоткровенничалась бабуля, – Директора в них ни черта не понимали, как кого надо сократить или нужного человека принять – мне скажут – я и сделаю. На неделю штатное расписание раза по два меняла. Я и все приказы, все письма составляю: никто же не знает здесь кроме меня. Инженеры да начальники бумажки перебирать только могут, а составлять бумажки умею только я!

– Отлично! – воскликнул я, обрадованный такой находке, – включайте в штат вторую секретаршу! А заодно, вклю-

чите в штат моего заместителя.

Пока ответственные товарищи вместе с Голицыным разрешали вопрос о законности моего избрания директором, я с помощью бабушки-секретарши успел принять на работу в качестве второй секретарши и папу в качестве моего зама. Заодно я успел выяснить, что в нашей шараге есть-таки строительная бригада, которую я немедленно отправил ремонтировать нашу квартиру.

Тем временем, из кабинета директора, в котором уединились поручик Голицын и ответственные товарищи, донесся хор пьяных голосов:

Нашёл тебя я босую, шалаву безволосую,
Семь суток в керосине отмывал!
А ты мне говорила, что ты меня любила!
Зачем же ты мне шарики крутила!?

По содержанию песни мне стало ясно, что вопрос о моем директорстве решён положительно.

Из кабинета в обнимку с Голицыным вывалились ответственные товарищи, суровые в прошлом, а ныне весьма веселые.

– Аполлон Эдуардович! – радостно воскликнул Товарищ из горкома, – Я вчера вас не поздравил с избранием, но лучше поздно, чем никогда! Поздравляю!

Он крепко пожал мне руку и затем добавил главное:

– Самосвальчик кирпичей, пожалуйста, направьте мне

сейчас на дачу.

– Там во дворе для нового цеха кучу навалили, – уточнил поручик Голицын.

Я только глянул на бабулю, и та молниеносно выписала накладную и все необходимые документы.

Остальные ответственные товарищи тоже трясли мне руки и высказывали свои пожелания: отвезти им на дачу самосвал арматуры, песку, цементу и т. д… Я опять кивнул бабуле и та снова выписала ответственным товарищам накладные и все необходимые документы.

В своём кабинете я обнаружил пару-тройку пустых бутылок коньяка, а на висевшем над моим креслом портрете Генерального секретаря ЦК КПСС – рожки и усы, которые в ходе обсуждения вопроса нарисовал кто-то из ответственных товарищей.

– Ну, Эдуардович, с тебя магарыч, за все мои хлопоты! – поручик Голицын протянул мне пачку приказов, накладных, путевых листов и расходных кассовых ордеров – Подписывай, я же, всё таки, все проблемы решил!

Я, разумеется, подписал все бумаги, согласно которым Роберт Робертович получил десять тысяч штук кирпича с тонной цемента, грузовик с водителем. для перевозки стройматериалов, какую-то сумму денег из банка, а также бессрочный оплачиваемый отпуск.

Вот так началась моя деятельность в должности директора.

А продолжилась она возникновением новых и новых проблем.

В кабинет ворвался взволнованный Капуста.

– Аполлон Эдуардович! – воскликнул он, – Какая-то бредятина получается!

– ?

– Вы меня и Голицына на одну и ту же должность назначили!

– Голицына!? – я спешно пытался вспомнить, что же я понаподписывал, – Так он с сегодняшнего дня в бессрочном отпуске! Так что работайте.

– А потом?..

– Выйдет из отпуска – как-нибудь разберёмся, – я постарался отложить на потом все эти сложные вопросы.

Капуста, пожав плечами, ушёл.

Не успел он выйти, как в кабинете возникло новое взволнованное лицо. Это был прораб на стройке нового цеха.

– Аполлон Эдуардович, нам нечем цех строить: кирпич, цемент и арматуру по вашему распоряжению раздали работникам и сторонним гражданам, – озадачил меня он.

Я отправил его к бабуле-секретарше, которую попросил сообразить что-нибудь по этому поводу.

Прораба сменил Главный инженер, который огорошил меня новостью:

– У нас все цеха стоят: половина пьянствует, половина вообще на работу не вышла.

– И в чем же дело? – искренне удивился я.

– Так вы ж сами вчера подписали приказы, что за пьянки и прогулы не увольнять. Кто ж после этого работать будет? Я пытался их как то приструнить, а они: «У нас есть право на самоуправление трудового коллектива – вот мы и самоуправляемся».

– Разве я такие приказы подписал?? – ещё более удивился я.

На это Главный инженер протянул мне соответствующие приказы. Интересно, что же я ещё понаподписывал? Но не подписывать такой приказ, хоть по-пьяному, хоть по-трезвому мне нельзя было, иначе в местной печати объявят козлом. Это последнее условие принятых на себя по пьянке обязательств я помнил очень хорошо.

Я пообещал Главному инженеру что-нибудь придумать, а на данный момент порекомендовал ему успокоиться и чтобы снять напряжение – присоединиться к пьянствующим рабочим. И он ушёл.

Пришла Главный бухгалтер, заявившая, что невозможно получить деньги из банка, ибо все деньги из кассы получил Председатель кооператива, а из-за отсутствия машинистки платёжки некому печатать.

– Не вышла на работу, или запила? – высказал я версию.

– Да вы же сами приказ вчера подписали об её отпуске на целый год.

Пришлось опять обращаться к бабуле-секретарше, кото-

рая всё ещё соображала, что же делать со строительством нового цеха, в связи с раздачей мною всех стройматериалов. Бабуля пообещала когда-нибудь напечатать платёжки.

В это время с выпученными глазами прибежал начальник отдела кадров.

– Аполлон Эдуадыч! – воскликнул он с порога, – Нас громить будут!

– ?!!

– Вся районная и городская шушера и шантрапа узнала, что у нас за прогулы, пьянство и разгильдяйство не увольняют и прибежала на работу устраиваться. А вакансий то уж нет! Так они бить стёкла начали! И к вам рвутся!

Из глубины здания донёсся звон стёкол, какие-то вопли.

– Что делать, Аполлон Эдуардович!? – испуганно вопрошал кадровик.

– Смываться надо и милицию вызвать! – первое, что пришло в голову мне.

Кадровик по моему совету молниеносно смылся, не вызвав милицию.

За ним последовал и я, напоследок дав поручение секретарше-бабуле вызвать милицию.

Дома, куда я смылся, строительная бригада, отряженная мною для ремонта, тоже пьянствовала, а на моё удивление резонно заметила, что их за это не уволят, ибо я сам же издал соответствующий приказ. Пропьянствовав целый день, они ушли и ничего не сделали.

Потом пришли папа и мама. Поблагодарив за приём на работу, они огорчили сообщением, что директор школы, несмотря на назначение на новые должности, заставил их отрабатывать в соответствии к КЗоТом 2 месяца.

– Но ты, раз принял нас с мамой на работу, то зарплату начисляй! – дал мне указание папа.

Прибыв на следующий день в шарагу, я обнаружив целый ряд выбитых окон и гору побитой мебели – результат возмущения разгильдяев и пьяниц, которым отказали в приеме на работу. У входа группа милиционеров, которые, приехали, видимо, с большим опозданием, вежливо уговаривали небольшую группку погромщиков разойтись или сдаться. Но погромщики не внимали увещеваниям и в ответ на них только выкрикивали:

– Душители гласности! Не даёте устроиться на нормальный завод, где можно по человечески работать! Зачем же тогда перестройка?!

Я хотел, было, найти бабулю-секретаршу, чтобы она дала кому нужно указание вставить стёкла и заменить мебель, но бабуля исчезла…

– Да не выдержала она этого бардака, её скорая увезла с инфарктом, – объяснил мне исчезновение секретарши уборщица, которая заняла стол бабульки и о чём-то болтала по телефону, забыв про уборку помещений.

Напоминать ей об исполнении должностных обязанностей я не стал, чтобы не услышать в ответ о том, какие я при-

казы издал.

А вот о моих должностных обязанностях мне напомнила Главный бухгалтер.

– Аполлон Эдуардович! – заявила она, – Вы дадите кому-нибудь поручение напечатать платёжки!? Мы никаких денег получить не можем, а зарплата на носу! Вы же директор, в конце – концов!

Я пообещал дать кому-нибудь поручение, но никого, кому бы можно было дать – найти не мог. В конторе болтались инженерно-технические работники, но никто из них на печатной машинке работать не умел, считая, что на то машинистки есть. Но машинистки отсутствовали: одну я сам отпустил на целый год на все четыре стороны, а остальные, во всю пользуясь безнаказанностью, подаренной моими приказами, ударились в загул.

Внезапно в конторе появилась шумная компания с микрофонами и кинокамерами, в которой мне сразу бросилось знакомое лицо журналиста Кости. А вот фигура, точнее брюшко, существенно увеличилось в размерах, выдавая получателя солидных гонораров за сенсационные сплетни. Костя меня не узнал, ибо слишком вежливо обратился.

– Извините, пожалуйста, товарищ директор, за беспокойство. Не могли бы вы дать интервью для «Прожектора перестройки». Хотим вас по центральному телевидению показать.

– А что, собственно, случилось, – испугался я.

– Да вот, товарищи, которые не приняли на работу на ваше предприятие, дали телеграмму в Москву, что местные власти тормозят перестройку, препятствуют трудоустройству на ваше прекрасное предприятие. Скажите, почему все хотят попасть на работу к вам?

В это время в воздухе возник сильный запах перегара, вслед за которым появилась ватага промазученных работяг.

– О! Наш директор! – закричал кто то из них, – Эдуардыч! Клёвый ты мужик!

Толпа обступила журналистов, рассказывая какой я клёвый мужик и какую им жизнь им устроил, а заодно, выпрашивая мелочь на похмелье. Журналисты спешно подсовывали им микрофоны.

Вдруг всеобщий гвалт перекрыл вопль Главного бухгалтера, внезапно возникшей среды этой толпы:

– Да вы когда-нибудь кого-нибудь заставите напечатать платёжки, Аполлон Эдуардович!!? Вы директор или не директор!

– Директор я, директор, – процедил я и поспешил смыться.

На следующий день в моём кабинете я снова застал ответственных товарищей из главка и горкома.

– Аполлон Эдуардович! – укоризненно начал товарищ из горкома партии – Начинать вот так работать не следовало бы.

– А что я сделал? – пытался я строить из себя невинность.

– Ну, вот, что ты в первый же день натворил: специально для родителей новые штатные должности сделал, послал на ремонт своей квартиры рабочих, все деньги из кассы выдал какому-то знакомому кооператору, – перечислил мои прегрешения товарищ из горкома.

– А чем ещё директор занимается? – ляпнул я, первое, что пришло в голову.

Ответственные товарищи испуганно переглянулись.

– Аполлон Эдуардович, – продолжил беседу товарищ из главка, – ценю твою откровенность, но вот так всё сразу нельзя. Я, например, когда директорствовал, первых родственников на работу только через год принял, деньги из кассы для своих нужд начал брать через два, а рабочих на строительство дачи – аж через три года послал.

Ответственные товарищи ещё долго мне разъясняли, с какого времени и каким образом можно использовать вверенное мне государственное предприятие в личных целях. Для каких личных целей они пришли, я не успел узнать, ибо в кабинет ворвалась Главный бухгалтер и заявила:

– Товарищ директор! Платежки никто не напечатал, так что денег нет и зарплаты не будет! А с рабочими сами разбирайтесь – они хотели бухгалтерию громить, но я их вам послала.

Тут же в кабинет ворвались несколько работяг.

– Директор! Чё за дела!? – воскликнул один из них, разя водочным перегаром, – Пашешь тут так, что уже ноги не дер-

жут, а вместо зарплаты – «спасибо за труд»!

Другой из работяг заметил ответственных товарищей и набросился на них:

– А вы почему мер не принимаете!? Вы только посмотрите – какой на предприятии бардак творится! – воскликнул он, – Это провокация против перестройки!

– Товарищ, вы не совсем правы, – пытался отбиться товарищ из главка, – По закону на вашем предприятии хозрасчёт, самофинансирование и самоуправление трудового коллектива. Так что с возникшими проблемами вполне может разобраться и трудовой коллектив.

– Да причем тут самоуправный хозрасчёт?! – не унимался работяга, – Мне деньги нужны! Принимайте немедленно меры!

Пользуясь тем, что внимание и злость работяг переместились на ответственных товарищей, я выскользнул из кабинета. И столкнулся с группой товарищей – делегации какого-то предприятия, один из которых восторженно обратился ко мне:

– Это вы – Аполлон Эдуардович?! Общее собрание трудового коллектива направило к вам для обмена положительным опытом.

– Каким ещё опытом? – опешил я.

– А вы разве не смотрели «Прожектор перестройки»!? Про то, какая очередь к вам на работу. А всё-таки, почему все хотят попасть к вам работать? Мы, честно говоря, из сю-

жета не поняли. Интрига, так сказать, осталась.

Ну и Костя! Это ж надо – бог знает что из чёрти чего сделать!

Но поделиться то ли положительным, то ли отрицательным опытом я не успел, ибо снова вновь появилась Главный бухгалтер и сообщила страшную новость:

– Аполлон Эдуардыч, рабочие вас бить идут. Или платежки готовьте, или смывайтесь.

И я смылся. И, дабы не быть избитым, на работе больше не появлялся. Работа на предприятии остановилась. Инженерно-технические работники и так до моего избрания директором занимались чёрти-чем в рабочее время, а единственный стимул к трудовой деятельности рабочих – угроза увольнения – моим же приказом был отменен. Даже строительная бригада, которую я отрядил для ремонта своей квартиры, перестала появляться.

Родители были очень удручены таким поворотом, главным образом, из-за того, их перспектива их работы на новых должностях (точнее, перспективы получения зарплаты за нахождение на этих должностях) оказалась под вопросом.

– Какой дурацкий завод попался! – возмущалась мама, – Полный развал на предприятии, а власти никаких мер не принимают!

Мы с мамой пытались вдохновить папу на подвиг: сходить на разведку в шарагу, но папа бледнел, ему становилось плохо от подобных предложений. В конце концов мама пе-

рестала ему готовить поесть, что вынудило папу, переодевшись в какого то работягу, проникнуть на завод для разведки. В результате ко всеобщему изумлению он получил зарплату за себя, за маму и за меня! Оказывается, на тот факт, что шарага остановилась и ничего не производила, ни главк, ни горком партии не обратили внимания, поскольку предприятие было планово-убыточное, то есть должно приносить запланированный вред. Но при всяком раскладе дел главк был обязан перечислять деньги для зарплаты. Вот главк их перечислил деньги для зарплаты. Главная бухглатерша заставила свою дочку напечатать на машинке необходимые документы и вся шарага получила зарплату.

Мы все здорово обрадовались и подумали, что теперь будет так всегда: в шарагу мне появляться не надо, а когда надо – папа будет ходить за зарплатой.

– А другие директора так и работают! – была убеждена мама – Нашего директора мы тоже только в дни аванса да получки видим.

Единственной проблемой стало то, как вернуть строительную бригаду для ремонта нашей квартиры. И мы с родителями целый месяц обсуждали, как её решить. Но внезапно возникла куда более значительная проблема со стороны, с которой даже и не ждали.

Поскольку шарага не работала, то никаких денег на свою деятельность из главка не требовала и никаких убытков, предусмотренных планом, не принесла. Отсутствие планово

предусмотренного вреда озадачило работников главка и заставило осуществить выезд в шарагу, чтобы посмотреть что там происходит или творится.

…После посещения шараги у одного из ответственных работников от увиденного случился инфаркт, у другого – инсульт, а выжившие приняли меры к приезду комплексной комиссии с участием партийных, советских и правоохранительных органов.

Меня, мирно дрыхнущего в собственной квартире, разбудил строгий голос товарища, явно имеющего административно-властные полномочия:

– Аполлон Эдуардович! Пожалуйста, пройдёмте с нами и с вещами.

Пока я продирал глаза, пытаясь понять: этот кошмар во сне или наяву, к товарищу, обладающему административно-властными полномочиями, ринулись папа и мама.

– Да у него весеннее обострение! – воскликнула мама и протянула спрятанные от меня по возвращении из Тюменской области медицинские документы, свидетельствующие о моём тяжёлом психическом расстройстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.